

Федеральное государственное автономное учреждение науки
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук
(ИКСА РАН)
www.iccaras.ru

Научный информационно-аналитический журнал «**Корееведение**» издаётся ежеквартально с 2022 г. Журнал посвящён новейшим исследованиям в области корееведения и будет актуален как для экспертов в области международной политики, экономики, истории, культуры, так и для широкого круга читателей, интересующихся странами Корейского полуострова. Все научные статьи проверяются на плагиат, рецензируются и получают DOI.

Учредители: Институт Китая и современной Азии РАН, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

URL: <https://www.koreanology.ru>

- Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
Научную электронную библиотеку eLibrary.ru

Главный редактор: Асмолов К.В., к.и.н. (Россия).

Заместитель

Главного редактора: Захарова М.С. (Россия)

Редакционная коллегия: Дьячков И.В., к.и.н, доц. (Россия); Жебин А.З., к.полит.н. (Россия); Ким Ен Ун, к.филос.н. (Россия); Самсонова В.Г., к.э.н. (Россия); Семина Л.И. (Россия); Стрельцов Д.В., д.и.н., проф. (Россия).

Редакционный совет: Бабаев К.В. (*председатель*), д.филол.н., проф. (Россия); Акуленко В.С., к.и.н. (Россия); Воронцов А.В., к.и.н., доц. (Россия); Захарова Л.В., к.э.н., доц. (Россия); Кистанов В.О., д.и.н. (Россия); Кукла М.П., к.э.н. (Россия); Курбанов С.О., д.и.н., проф. (Россия); Петровский В.Е., д.полит.н. (Россия); Портяков В.Я., д.э.н. (Россия); Соловьев А.В. (Россия); Синякова А.Ф., к.э.н., доц. (Россия); Толорая Г.Д., д.э.н., проф. (Россия); Толстокулаков И.А., д.и.н., проф. (Россия); Ом Гу Хо (Сеул, Республика Корея); Пак Чон Су (Сеул, Республика Корея); Чхвэ Чжэ Док (Иксан, Республика Корея).

Редакция: Иванова Н.И., Шкатов Д.Е., Тарасов С.Ю.

Специальности ВАК:

05.02.00 Экономика

05.05.00 Политология

05.06.00 Исторические науки и археология

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business

5.06 Political science

6.01 History and archaeology

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

ISSN 2949-1010 электронная версия

ISSN 2949-2025 печатная версия

DOI: 10.48647/ICCA.2025.45.53.001

© ИКСА РАН

© МГИМО МИД

Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences
(ICCA RAS)
www.iccaras.ru

The scientific information and analytical periodical “**Koreanology**” is published quarterly since 2022. The journal is dedicated to the latest research in Korean studies and will be relevant both for experts in the field of international politics, economics, history, culture, and for a wide range of readers interested in the countries of the Korean Peninsula. All academic articles are checked for plagiarism and peer-reviewed, and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of China and Contemporary Asia RAS,
Moscow State Institute of International Relations (university) of the Ministry
of Foreign Affairs of Russia

URL: <https://www.koreanology.ru>

- Included in Russian Science Citation Index (RSCI), Russian Scientific Digital Library “eLibrary.ru”

Editor-in-chief: Asmolov K.V. (Russia), PhD (History)

Deputy editor-in-chief: Zakharova M.S. (Russia)

Editorial Board: Dyachkov I. (Russia), PhD (History); Zhebin A. (Russia), PhD (Political science); Kim En Un (Russia), PhD (Philosophy); Samsonova V. (Russia), PhD (Economics); Semina L. (Russia); Streltsov D. (Russia), DSc (History).

Editorial Council: Babaev K. (Russia), DSc (Philology), Prof., (*Chairman*); Akulenko V. (Russia), PhD (History); Vorontsov A. (Russia), PhD (History); Zakharova L. (Russia), PhD (Economics); Kistanov V. (Russia), DSc (History); Kukla M. (Russia), PhD (Economics); Kurbanov S. (Russia), DSc (History), Prof.; Petrovsky V. (Russia), DSc (Political Science); Portyakov V. (Russia), DSc (Economics); Solovyov A. (Russia); Sinyakova A. (Russia), PhD (Economics); Toloraya G. (Russia), DSc (Economics), Prof.; Tolstokulakov I. (Russia), DSc (History), Prof.; Gu Ho Eom (Seoul, Republic of Korea); Chong Soo Park (Seoul, Republic of Korea); Jae Duk Choi (Iksan, Republic of Korea).

Editors Office: Ivanova N.I., Shkatov D.E., Tarasov S.Y.

Scientific specialities (VAK):

05.02.00 Economic sciences

05.05.00 Political science

05.06.00 Historical sciences and archeology

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business

5.06 Political science

6.01 History and archaeology

The Editorial Board's opinion may not coincide with the authors' point of view.

ISSN 2949-1010

ISSN 2949-2025

DOI: 10.48647/ICCA.2025.45.53.001

© ICCA RAS

© MGIMO University

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Зиновьев Г.В.</i> Интервью с Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в Республике Корея Г.В. Зиновьевым	5
<i>Самсонова В.Г., Семина Л.И.</i> Наукой надо гореть. Интервью с С.С. Суслиной	10

История

<i>Гармаева Д.Б.</i> Протесты школьных учителей в Республике Корея в 2023 году: причины и последствия	16
<i>Хатанзейская В.В.</i> Бьюла Бёрнс и её вклад в здоровье и образование: исследование работы канадской миссионерки в Корею	33

Политика

<i>Козлова Д.Н.</i> Перспективы развития отношений РК с Японией и США на современном этапе: анализ прогнозов южнокорейских экспертов	41
<i>Фэн Бовэй.</i> Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и КНДР и его роль в евразийской системе безопасности: взгляд из Китая	61

Культура

<i>Есина В.К.</i> Переосмысление травмы: книга Пак Ю Ха «Женщины для утешения» Японской империи» и попытка автора пересмотреть образ вианбу в южнокорейском обществе	74
<i>Kim Hye Ran.</i> Kim Bok-jin: Founder of National Sculpture in Korea During the Japanese Colonial Period	104

CONTENTS

<i>Zinoviev G.V.</i> Interview with the Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation to the Republic of Korea <i>Zinoviev G.V.</i>	5
<i>Samsonova V.G., Semina L.I.</i> One Must Burn with Science. An Interview with S.S. Suslina	10

History

<i>Garmaeva D.B.</i> Protests by South Korean Schoolteachers in 2023: Causes and Consequences	16
<i>Hatanzeyeskaya V.V.</i> Beulah Bourns and Her Contributions to Health and Education: A Study of a Canadian Missionary's Work in Korea	33

Politics

<i>Kozlova D.N.</i> Prospects for the Development of Relations Between the Republic of Korea, Japan, and the United States at the Present Stage: An Analysis of Forecasts by South Korean Experts	41
<i>Feng Bowei.</i> The Comprehensive Strategic Partnership Treaty between Russia and the DPRK and Its Role in the Eurasian Security System: A Perspective from China	61

Culture

<i>Esina V.K.</i> Rethinking Trauma: Comfort Women of the Japanese Empire by Park Yu-ha and Author's Attempt to Reframe the Image of the Wianbu in South Korean Society	74
<i>Kim Hye Ran.</i> Kim Bok-jin: Founder of National Sculpture in Korea During the Japanese Colonial Period	104

Интервью с Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в Республике Корея Г.В. Зиновьевым

DOI: 10.48647/ICCA.2025.67.52.002

Георгий Вениаминович, расскажите, пожалуйста, в какой мере современная международная обстановка влияет на деятельность посольства?

Безусловно, современная международная обстановка влияет на деятельность как Посольства Российской Федерации в Республике Корея, так и на деятельность всех российских посольств по всему миру. Мы живём в потоке международных событий, и то, что происходит в мире, не может не оказывать влияние на работу дипломатов, которые находятся на «внешнем контуре» и обеспечивают взаимосвязь нашей страны с другими государствами. Я не имею опыта работы в западных странах, чему, честно говоря, только рад. Однако новости, которые поступают оттуда, свидетельствуют, что моим коллегам в других недружественных государствах приходится весьма нелегко. Я не испытываю какого-либо дискомфорта от жизни и работы в Республике Корея, местные власти не накладывают на нашу деятельность ограничений и прилагают усилия для поддержания порядка, обеспечения безопасности Посольства России в Сеуле, за что мы им признательны.

Безусловно, информационный фон вокруг России в Республике Корея в целом неблагоприятный, потому что он диктуется западным «либеральным» мейнстримом в СМИ. Но это не привело к существенному охлаждению и ухудшению человеческих контактов и отношений между нашими народами. Косвенно это проявляется и в том, что россияне, я говорю не только про себя, но и о россиянах в целом, чувствуют себя здесь довольно комфортно. То же самое, как мне кажется, можно сказать и о корейских гражданах в нашей стране, что свидетельствует о том, что между нашими народами сохраняются вполне позитивные дружественные чувства. Конечно, нельзя отрицать отсутствия масштабных официальных контактов в тех условиях, в которых оказались наши отношения на данном этапе. В какой-то мере работы стало меньше, что связано с приостановлением связей по официальной линии, которые ранее были весьма широки. Надеюсь, что в обозримой перспективе соответствующей работы у нас прибавится.

Заметно свернулось и экономическое сотрудничество между нашими странами. Как известно, чем больше масштабы взаимодействия, тем больше возникает прикладных конкретных проблем, требующих содействия в том числе дипломатических представительств. Здесь мы также не можем похвастаться непосильным

объёмом работы, однако опять же надеемся, что это временное явление. Пожалуй, единственные, кто демонстрирует в мой адрес недоброжелательство, — это дипломаты западных стран, которые, видимо, получают инструкции из своего Брюсселя или другого места, где бьется мысль европейских бюрократов. Они демонстрируют негативный подход в мой адрес, о чём я совершенно не жалею, поскольку, как я уже где-то говорил, подобное их поведение оставляет мне больше времени для общения с нормальными коллегами, представляющими мировое большинство.

Мы видим, что Вы часто даете интервью южнокорейской прессе. При этом в основном это интервью консервативным газетам. Освещает ли демократическая пресса РК отношения с Россией и украинский конфликт?

Я уже упомянул в ответе на первый вопрос, что информационный фон в местных СМИ в отношении России в целом нельзя назвать позитивным, и наша точка зрения здесь практически не представлена. Как вы знаете, я не кореевед по образованию и, к сожалению, не могу читать корейские СМИ, а читаю СМИ на английском языке, в которых вижу, как мне кажется, приблизительно ту же картину, что и в корейских. Считаю себя обязанным по возможности позитивно отвечать на большинство поступающих в мой адрес запросов об интервью, для того чтобы хоть в каком-то объёме попытаться донести до корейской аудитории российскую точку зрения и наши подходы.

В целом, несмотря на многие трудности, с которыми я сталкиваюсь в этой деятельности, время от времени корейские СМИ публикуют материалы, подготовленные с моим участием — статьи или интервью. Когда ко мне обращаются представители корейских СМИ, я также стараюсь позитивно реагировать на эти обращения. При этом я, честно говоря, особо не разделяю СМИ на консервативные и демократические. Возможно, есть необходимость в проставлении кавычек у этих терминов, так как, к примеру, в англоязычной прессе такого разделения нет, хотя в корееязычной прессе, насколько я знаю, оно присутствует. Можно сказать, что я особо не выбираю, каким конкретно СМИ можно дать интервью, а общаюсь с теми, кто проявляет интерес, а также с теми, кто готов донести российскую точку зрения по тому или иному вопросу.

Георгий Вениаминович, Вы не кореевед по образованию, поэтому особенно интересны Ваши личные впечатления от РК. Каковы были Ваши первые впечатления о стране и отличалось ли они от Ваших представлений до поездки?

Впервые я приехал в Сеул, когда находился в командировке в Пекине, если не ошибаюсь, в 2010 г. Поездка эта была непродолжительной, буквально в течение длинных выходных. После этого я еще несколько раз побывал в Южной Корее, поэтому, когда в 2024 г. я приехал сюда в длительную заграничную командировку, ставшую первой в моей профессиональной деятельности за пределами Китая, нельзя было сказать, что я не имел никаких представлений о стране. В целом могу сказать, что везде, где кушают палочками и где используют сейчас или использовали раньше китайские иероглифы, я себя чувствую более-менее комфортно. Если не совсем как дома, то почти. Это относится и к Республике Корея.

Конечно, приехав сюда, я сравнивал характер работы и ритм посольской жизни, какие-то бытовые условия, а также кухню Китая, который мне привычен, и Кореи. Это не сравнение одного в пользу другого, а неизбежный психологиче-

ский феномен, когда ты сравниваешь что-то новое с чем-то достаточно привычным и хорошо знакомым. Мне крайне интересно находиться в Республике Корея, ближе знакомиться с корейской историей, культурой, смотреть на взаимосвязь их с историей и культурой Китая, на влияние китайского языка на корейский язык. Корея для меня — это красивая страна, населённая трудолюбивыми и приветливыми людьми. Такие у меня были первые общие впечатления о Корее, в которых со временем я только больше укрепился.

Я уже где-то говорил, что пребывание в Китае и Корее можно сравнить с отдыхом в огромном пятизвездочном отеле и отдыхом в бутик-отеле соответственно. Конечно, в Китае, как в пятизвездочном отеле, есть все, что только душа пожелает, и вместе с тем в бутик-отеле вам комфортно, удобно, все очень чисто, аккуратно и со вкусом. Могу сказать, что мне всегда было крайне интересно работать в Китае, и мне столь же интересно сейчас работать в Республике Корея.

Георгий Вениаминович, существует ли вероятность развития экономического сотрудничества РФ и РК на фоне ужесточения тарифной политики США, в том числе в отношении своих традиционных азиатских союзников, и связанного с этим стремления РК диверсифицировать свои внешнеэкономические связи?

Вероятность развития экономического сотрудничества между Россией и РК, конечно же, существует. Однако я бы не стал связывать это с попыткой Республики Корея как-то показать своему союзнику в лице США некую самостоятельность в принятии внешнеполитических решений. Насколько я это вижу, Республика Корея была бы весьма заинтересована в восстановлении практического сотрудничества с нашей страной, потому что оно было крайне выгодно и для нее самой. При этом многие южнокорейские крупные компании понесли существенные убытки от того, что были вынуждены притормозить свою деятельность не только на российском рынке, но и на рынке ЕвразЭС, который насчитывает более 200 млн потребителей. Масштабы экономического сотрудничества с Россией были весьма существенные, но заметно меньше, чем с рядом других партнёров — прежде всего с Китаем, США и Японией, а также со странами Юго-Восточной Азии, Вьетнамом в первую очередь. Безусловно, экономические связи между Россией и Республикой Корея не были сведены на нет, определённый объём товарооборота сохраняется, но при этом, в сравнении с предыдущими показателями, он, конечно, намного меньше и заметно уступает по качеству.

Восстановление нашего практического сотрудничества и возвращение к временам диверсифицированного взаимовыгодного экономического партнёрства возможно, и мне кажется, что Республика Корея весьма настроена и очень надеется на это. Но сделано это будет отнюдь не вопреки и не в пику США, а, скорее, вторым тактом после того, как международные обстоятельства, как видят их здесь, позволят сделать шаг навстречу России. В Корее внимательно следят за перспективами урегулирования украинского кризиса и тем, как развивается диалог между Россией и США. В зависимости от этих тенденций, видимо, и будут происходить определенные изменения в двусторонних отношениях наших стран.

На мой взгляд, определенные шаги в сторону нормализации двусторонних отношений можно было бы сделать уже в обозримой перспективе, не увязывая это с какими-либо другими вопросами. В частности, речь идёт о восстановлении

авиационного сообщения и о разморозке канала двустороннего диалога, который сейчас сведен к минимуму, хотя продолжается по дипломатическим каналам. Надеюсь, что это удастся сделать скорее рано, чем поздно.

Расскажите, пожалуйста, проводились ли в Южной Корее официальные мероприятия по случаю 80-летия Победы в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны? Как эти события освещали южнокорейские СМИ и политические деятели?

Официальные мероприятия, посвященные окончанию войны на европейском театре военных действий и Дню Победы в Великой Отечественной войне, корейской стороной не проводились. Однако они широко проводились силами Посольства России в Республике Корея и нашими соотечественниками, которые здесь проживают, в частности Координационным советом Организации российских соотечественников в Республике Корея (КСОРС). 6 мая здесь прошел было проведено шествие Бессмертного полка, на которое собралось порядка 500 человек, прошедших по центральной улице Сеула от Посольства до ворот Кванхва-мун, после чего был организован концерт. Мероприятие было очень масштабным и значимым для наших граждан.

Посольство, со своей стороны, также организовало крупное празднование, посвященное Дню Победы, пригласив на него наших друзей, в том числе послов из стран СНГ, которые здесь аккредитованы, а также послов Китая и Монголии. Уверен, что это душевное мероприятие запомнилось всем, кто принимал в нем участие. При этом само Посольство было украшено масштабными баннерами с символикой, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, в том числе большим Знаменем Победы, которое было видно далеко за пределами Посольства. Знамя находилось на здании на протяжении всех майских праздников и служило наглядным свидетельством того, что и в Сеуле есть россияне, которые помнят и чтут подвиг наших предков и память героев Великой Отечественной войны. 9 мая коллектив Посольства и российские соотечественники приняли участие в традиционной церемонии возложения венков к единственному российскому мемориалу на территории Республики Корея. Он возведён на пл. Санкт-Петербурга в г. Инчхон, который в свое время носил название Чемульпо, и находится недалеко от того места, где принял свой последний бой крейсер «Варяг» в 1904 г. на старте русско-японской войны.

Также праздничные мероприятия прошли в нашем генконсульстве в Пусане. Впервые после долгой паузы там было организовано шествие Бессмертного полка, а также прием по случаю юбилея Победы.

Стоит сказать и про публикацию статьи в корейских СМИ, а именно информационным агентством Ньюсис (Newsis), посвященной юбилею Победы, за подписью послов семи стран, аккредитованных в Республике Корея. Мы, как всегда, тесно взаимодействовали с нашими коллегами по СНГ, прежде всего с Посольством Республики Беларусь.

Если упомянуть медийный фон, то накануне празднования Дня Победы в газете «Корея Таймс» (The Korea Times) появилась статья посла Украины в Республике Корея с изложением украинского нарратива насчет истории Второй мировой войны и прочих связанных с этим событий, копирующего европейский под-

ход. Я подготовил свою реакцию на эту статью, которая также была опубликована в «Корея Таймс» 20 мая 2025 г.¹ Со всеми материалами можно ознакомиться на информационных ресурсах Посольства России в Республике Корея.

Более актуальный для Корейского полуострова, возможно, тот юбилей, который мы будем отмечать в августе-сентябре этого года. В Корею он носит название Дня Возрождения и традиционно отмечается 15 августа, а в нашей стране этот государственный праздник отмечается 3 сентября. Безусловно, на это время у нас также есть определённые задумки, запланированы мероприятия. В целом корейские граждане мало знают об этом периоде истории в силу целого комплекса причин. Прежде всего это разделение Корейского полуострова на два государства и последовавшая за этим война. После 1945 г. отношения СССР с режимом Ли Сын Мана, который в 1948 г. в одностороннем порядке провозгласил образование Республики Корея, мягко говоря, не заладились. Это нашло отражение в южнокорейских учебных программах, которые игнорировали вклад Советского Союза в Победу во Второй мировой войне. В результате целое поколение корейцев ничего не знали о роли Советского Союза. Ситуация начала исправляться только после установления дипломатических отношений между нашими странами, которое совпало с процессами демократизации общественно-политической жизни в Республике Корея, появлением здесь объективных исследований, касающихся истории, в том числе российско-корейских отношений. Однако история Второй мировой войны в национальном сознании корейцев бледнеет и меркнет по сравнению с войной на Корейском полуострове. Это связано с тем, что напрямую Вторая мировая война не затронула страну, боевых действий на ее территории почти не велось. Но о чем в Республике Корея мало знают, — это то, что именно советские воины непосредственно участвовали в освобождении Кореи, высадив в августе 1945 г. десант на ее побережье, которое находится недалеко от порта Владивосток. Кровавопролитные бои шли за освобождение г. Чхонджин, расположенного на территории нынешней КНДР, где, как известно, чтят память советских воинов, которые помогли освободить Корею от колониального рабства Японии, в котором она находилась с 1910 по 1945 г. Нужно сказать, что, несмотря на намного большую популярность здесь западных нарративов, никто не блокирует нам распространение объективной информации о вкладе Советского Союза в эту победу. Мы приложим все усилия для того, чтобы использовать предстоящий юбилей окончания Второй мировой войны и победы над милитаристской Японией для того, чтобы донести до населения Республики Корея правду об исторических событиях 80-летней давности.

Поступила в редакцию: 22.05.2025
Received: 22.05.2025

Принята к публикации: 29.05.2025
Accepted: 29.05.2025

¹ Zinoviev G. On the anniversary of victory in the Great Patriotic War // The Korea Times. 20.05.2025. URL: <https://www.koreatimes.co.kr/opinion/20250520/on-the-anniversary-of-victory-in-the-great-patriotic-war>

В.Г. Самсонова, Л.И. Семина

Наукой надо гореть

Интервью с С.С. Суслиной

28 марта 2025 г. свой юбилей отметила выдающийся российский кореевед, профессор кафедры мировой экономики МГИМО, доктор экономических наук Светлана Серафимовна Суслина.

Светлана Серафимовна является не только известным ученым-экономистом, но и прекрасным учителем, воспитавшим плеяду молодых научных кадров. И в юбилейный год бывшие ученики Светланы Серафимовны, а ныне уже состоявшиеся эксперты, преподнесли ей подарок: под научным руководством ведущего научного сотрудника ЦКИ ИКСА РАН к.э.н. Самсоновой Виктории Георгиевны прошла защита кандидатской диссертации, темой которой стала экономика Республики Корея, а ученый секретарь ИКСА РАН, ведущий научный сотрудник ЦКИ ИКСА РАН Захарова Людмила Владимировна по теме экономики КНДР защитила докторскую диссертацию.

В честь дня рождения мы решили взять интервью у Светланы Серафимовны. Расшифровка встречи получилась на 80 страницах интереснейшего текста, но, к сожалению, на данный момент мы вынуждены значительно сократить его в надежде, что Светлана Серафимовна впоследствии опубликует свои мемуары, посвященные ее научному пути в корееведении, куда войдет полностью всё интервью. Светлана Серафимовна с большим почтением, уважением и теплотой рассказывала о своих учителях и коллегах, но подробнее с воспоминаниями Светланы Серафимовны о важных личностях в корееведении вы можете ознакомиться в ее статье «К истокам российского корееведения», опубликованной в первом выпуске нашего журнала.

Светлана Серафимовна, расскажите, пожалуйста, как Вы выбрали такую необычную профессию, тем более по тем временам? Почему решили поступать в МГИМО?

Когда я окончила школу, то перспективных интересных профессий было не так много. Было разделение: или ты технар — идёшь в технический вуз, или ты выбираешь гуманитарное направление. С восьмого класса у меня возник большой интерес к исторической науке. Мне хотелось изучать историю как западных стран, так и нашу, российскую. У меня было много книг, в том числе благодаря моему отцу, который по образованию был историком. До того как он в начале Великой Отечественной войны пошёл на фронт, три года отец проучился в МГУ на историческом факультете. И, по идее, у меня была перспектива пойти по его стопам. Он даже меня водил в университет и представлял своим друзьям, кото-

рые к тому времени уже стали все профессорами. Это было в 1967 г., спустя 22 года после окончания самой кровопролитной в нашей истории войны. Я готовилась поступать в МГУ на исторический факультет: усиленно читала книги по истории, работала над углублением своих знаний по английскому языку, готовилась к сочинению. У меня не было репетиторов, но тогда при МГУ для поступающих существовали бесплатные курсы. Я ходила на лекции по истории и русскому языку, проводимые по экзаменационной программе. Однако жизнь, как всегда, внесла существенные изменения в мои планы. Наверное, в марте 1967 г. в порядке шефства, которое было в то время распространено, к нам в школу пришли студенты из МГИМО. Об этом институте, кстати, знали очень мало, находился он тогда рядом с нашей школой, на Метростроевской улице, 56 (ныне Остоженка), где сейчас располагается Дипломатическая академия МИД РФ. Созданный в конце войны, этот институт в то время был малопопулярен. В МГИМО в основном учились, в отличие от сегодняшнего дня, одни ребята. Квота для девушек была заведомо меньше. Их принимали, когда я поступала, в основном на экономический факультет, а факультетов тогда было всего два — экономический и международных отношений. И вот к нам в среднюю городскую школу № 33 пришли шефы из МГИМО. Помню, это были интересные, веселые ребята, которые очень заинтересовали нас своими историями про Институт, про страны, куда студенты ездили на практику. После этой встречи я твердо решила поступать в МГИМО, что было очень непросто, так как требовалась характеристика и рекомендация от комсомольской ячейки школы; необходимо было также пройти собеседование в райкоме комсомола и районном комитете партии (КПСС). Так как я тогда активно участвовала в общественной жизни школы, то прошла эти этапы в целом успешно. Но родители были расстроены, ведь они рассчитывали на мое поступление на исторический факультет МГУ. Особенно мой отец, который мечтал, что я закончу учебу и поступлю обязательно в аспирантуру, буду профессором, доктором и т. д. Поэтому моим выбором он очень был огорчен. При подаче документов в МГИМО в анкете надо было указать, какие языки ты хотел бы изучать. Естественно, я выбрала западные, а из восточных — японский, потому что тогда уже всю писали о «японском чуде». Я совсем не готовилась к изучению корейского языка, и, когда узнала, что мне достался именно этот язык, была, конечно, расстроена и даже смирилась с мыслью, что, наверное, «не потяну» и буду, в конце концов, отчислена из вуза. Однако мне крупно повезло, что я встретила Валентину Николаевну Дмитриеву — прекрасного преподавателя, которая сумела так воодушевить своих учеников, что многие из нас полюбили и корейский язык, и страну, которую мы изучали, и посвятили работе на корейском направлении всю свою жизнь. Во многом благодаря прекрасному учителю корейский у меня, что называется, пошел. Закончила я МГИМО с красным дипломом, и меня распределили в Государственный комитет по экономическому сотрудничеству (ГКЭС), где до этого я проходила преддипломную практику.

ГКЭС занимался предоставлением технической и экономической помощи развивающимся странам. Результатом практики была написанная мною дипломная работа о техническом содействии КНДР, которую я защитила на «отлично».

Предполагалось, что я пойду на работу в ГКЭС. Я же намеревалась поступить в МГИМО в аспирантуру, но, к сожалению, мест на тот момент не было. Мне порекомендовали пойти на работу в Институт востоковедения и одновременно поступить там же в заочную аспирантуру.

В 1972 г. я поступила на работу в Институт востоковедения РАН, тогда АН СССР, и проработала там до 1985 г. В то время корейское направление там возглавляла Фани Исааковна Куликова-Шабшина, ученый с мировым именем, крупнейший специалист-историк в области корейских исследований. В начале своей научной деятельности я принимала активное участие в подготовке книг, благодаря чему накопился огромный опыт по работе с источниками, научными материалами, там же я готовила и впоследствии защитила свою кандидатскую диссертацию.

Светлана Серафимовна, Вы защитили кандидатскую диссертацию по теме «Экспансия иностранного капитала в экономику Южной Кореи». Расскажите, чем обусловлен выбор темы и сложно ли было искать материалы по Республике Корея во времена Советского Союза?

Тему мне подсказал мой научный руководитель — Ф.И. Куликова-Шабшина. Еще учась в МГИМО, я писала курсовые по теме экспорта капитала США в страны Западной Европы. И вот когда я стала определяться с темой диссертации, то решила писать по проблемам экономического развития Южной Кореи. Постепенно стала появляться информация, Юг начинал развиваться более активно, чем Север. И это вызывало интерес к этой тогда непризнанной стране. Однако проблема была в том, что по Республике Корея материалов практически не было, и эта таинственность, кстати сказать, тоже как-то манила. Молодые всегда рвутся к такому запретному, интересному. Хорошо было и то, что в отделе, где я тогда работала, стал требоваться специалист, как тогда называли, «южанин», поскольку большинство сотрудников занимались проблемами КНДР. Фани Исааковна поддержала меня, сказала, давайте займитесь этой темой, нам очень нужен свой экономист по Южной Корее. Таким образом, я вошла в так называемую группу южан, где моими учителями-коллегами были прекрасные специалисты, ученые В.И. Шипаев и В.Д. Тихомиров. Не могу не вспомнить Бориса Владимировича Синицына и Виктора Михайловича Мазурова, которые незадолго до моего прихода, к сожалению, перешли в другой отдел и переключились на более глобальные темы, но часто участвовали в научных дискуссиях и обсуждениях по корееведческим проблемам. Когда я пришла на работу, меня взяли старшим научно-техническим сотрудником. Зарплата была 75 рублей. У меня был один свободный день, четверг, библиотечный, в который я могла заниматься своими исследованиями. Остальные дни я должна была быть на работе.

Первоначально я была задействована в основном на технической работе: ходить в библиотеку, проверять ссылки, заказывать книги, сверять цитаты. Первая книга, с которой я работала, была «Южная Корея 1945—1946 гг. Записки очевидца» Ф.И. Куликовой-Шабшиной. В ней было много уникальных материалов благодаря архиву Фани Исааковны, который она собрала, будучи в Сеуле в 1930—1940-е годы.

Как раз к вопросу о том, откуда Вы брали данные для диссертации. Светлана Серафимовна, как Вы находили материалы для кандидатской диссертации по теме Южной Кореи? Вы сами говорили, что материалов практически не было и Интернета не было тоже.

Поэтому мы радовались нахождению каждого материала, каждой статьи. Следует отметить, что Южная Корея стала вызывать к себе интерес как раз в 1970-е годы. Заговорили уже не о японском, а о «сеульском чуде». Появились зарубежные публикации в таких журналах, как Far Eastern Economic Review, Foreign Economic Review, Asia Survey, Korea Times, в которых освещались проблемы экономического развития РК. К моему счастью, у нас эти журналы выписывались в Институте востоковедения. И я ходила с ручкой в библиотеку переводила эти статьи, выписывала страницы, таблицы, данные. Это была во многом трудозатратная, кропотливая работа с источником, которая, наверное, не понятна молодому современному исследователю. Видимо, поэтому мои первые книги и статьи, как я сейчас их расцениваю, самые дорогие и доброкачественные.

Светлана Серафимовна, Вы так долго работали в ИВ РАН, как вы начали свой научный путь в ИДВ РАН?

На одном из научных мероприятий в 1996 г. произошла встреча с директором ИДВ РАН Михаилом Леонтьевичем Титаренко, которому понравилось мое выступление, и он предложил мне перейти на работу в его институт. В это время как раз образовывался Центр корейских исследований, который тогда возглавил один из крупнейших специалистов-политологов по Корее Вадим Павлович Ткаченко. Я обещала подумать и думала долго, так как пришла в ИДВ РАН только в 1999-м, где и проработала до 2020 г.

Расскажите, пожалуйста, как и когда Вам удалось побывать в КНДР впервые?

Впервые я поехала в КНДР в составе делегации Общества дружбы на празднование 30-й годовщины освобождения Кореи в августе 1975 г. Делегация состояла из 15 человек, представляющих отделения этого Общества в разных республиках, входящих тогда в СССР, а также отдельных предприятий. Корейцы нам устроили потрясающую поездку с посещениями туристических объектов и промышленных предприятий. Принимали очень радушно как дорогих гостей. С удовольствием вспоминаю поездку в Кымгансан.

Второй раз — это была длительная командировка с супругом в посольство СССР/РФ в КНДР в 1985—1991 гг.

А контраст первого раза и второго большой? Ведь второй раз Вы там были уже после развала Советского Союза.

Вы знаете, страна изменилась. Когда приехала в 1985 г., во второй раз, то в глаза бросились изменения в самом облике Пхеньяна, где в основном мы и пребывали. Показалось, что несколько изменился к лучшему уровень и стиль жизни пхеньянцев. Конечно, жизнь изменилась, и для нас стало интереснее. А сейчас, я думаю, тем более.

Светлана Серафимовна, а в Республику Корея когда Вам удалось попасть впервые?

Я, конечно, не могу не сказать, что меня очень сильно многое поразило в Южной Корее, когда в 1993 г. я в первый раз поехала по линии Корейского фонда¹. Я была в полном восторге от страны. Это даже в моей книге проявляется. Мне просто как экономисту интересно было, как страна развивается, как что-то меняется, когда ты видишь прогресс и тебе это нравится.

Последний раз Вы были в Южной Корее в 2019 г. Вы видели разную Республику Корея в разные периоды. Какая из них для вас представляется как некая «золотая», эталонная Южная Корея?

Наверное, это мое первое посещение, которое оставило наиболее сильное впечатление — страны на подъеме. В 1993-м, когда я три месяца там была по линии Корейского фонда. Расскажу предысторию моей поездки. В 1991 г. я находилась в Северной Корее, приехав к мужу. И там к нам в гости пришел известный специалист-кореевед и просто замечательный человек В.Д. Тихомиров. Он был в командировке в Южной Корее, а потом, почти сразу после нее, в КНДР. Принимаем его с мужем в Пхеньяне. И он нам рассказывает совершенно удивительную вещь, что в Сеуле он интересовался изданиями, книгами, и увидел на корейском языке мою книгу «Промышленность Южной Кореи», которая незадолго до этого вышла в Москве.

Впоследствии именно эта книга повлияла на выбор моей кандидатуры, когда соответствующая комиссия делала отбор кандидатов на получение грантов и приглашение в Южную Корею. Один южнокорейский профессор университета Корё участвовал в отборочной комиссии Корейского фонда, и когда услышал мою фамилию, сказал, что он читал мою книгу и что меня надо пригласить. Оказывается, в Корё проходили бурные дискуссии по моей работе. Студенты-леваки, говорили: «Вот, что о нас пишут!» А я ведь там с критической точки зрения подходила. Как я поняла, в 1989—1990 гг. в Москву стали приезжать южнокорейцы, уже завязывались контакты, и они интересовались, что по их стране где-то писалось. Они нашли мою работу, привезли в Республику Корея, перевели и опубликовали.

Какие ассоциации у Вас вызывает слово «Корея»?

Во-первых, когда я вспоминаю, что мне в Пхеньяне нравилось, это потрясающий период, когда цветет азалия и весь город усыпан прекрасными жёлтыми и розовыми цветами. Это что-то невообразимое. Это время года, теплая погода, чистый воздух и тишина — всегда производили на меня необъяснимое впечатление. Во-вторых, красота Кореи, которая для меня состоит не столько в ее архитектуре или в чем-то материальном, а, скорее, в какой-то лиричности, романтичности ее исторического образа и природы — вот что красиво.

Светлана Серафимовна, Вы сами говорили, что зарплата в науке была небольшая. Но Вы фактически всю жизнь проработали в науке. Почему Вы сохранили верность своему выбору? Какие плюсы есть в этой работе, что Вас в ней привлекает?

¹ Korea Foundation.

Каждый выбирает, конечно, под себя, под свой характер. Если вы меня спросите: если, не дай Бог, бомбёжка, чего будешь хватать, убегая? Отвечу — книгу. Потому что я без книги не мыслю жизни. А какую книгу? Ту, которую сейчас читаю. Сейчас читаю очень интересную книжку С.М. Эйзенштейна о зарождении нашего кинематографа. Без книги не представляю свою жизнь. Мне нравится творчество. В процессе исследования мы что-то создаем сами. Я всегда подходила к любому исследованию, выступлению творчески. Я должна внушать уверенность в том, что я говорю. Согласитесь, это определённый артистизм. Но это и творчество. Если ты не можешь убедить, а значит, заразить, воодушевить своим интересом к избранной теме, то тебе нечего делать в науке. Такая же ситуация и в преподавательской деятельности. Когда я преподавала в МГИМО, необходимо было выступать перед довольно большой аудиторией и уметь удержать внимание, увлечь, донести материал до слушателя, представить. Я вспоминала своих любимых преподавателей. Как им было тяжело, не имея многих современных средств, донести до нас свою увлеченность профессией, заинтриговать нас и, в конце концов, сделать из нас специалистов, приходящих им на смену. Профессия даёт нам эту возможность. Мне представляется, что востоковедение — это вообще профессия для творческих людей, для людей увлечённых.

Светлана Серафимовна, скажите, пожалуйста, кто Вас вдохновлял в корееведении?

Таких, наверное, много. В основном они все сегодня стали классиками корееведения. С теплотой и большим уважением вспоминаю своих учителей и коллег: Валентину Николаевну Дмитриеву, Нину Петровну Семёнову, Фаню Исааковну Куликову-Шабшину, Юрия Васильевича Ванина, Владимира Дмитриевича Тихомирова, Бориса Владимировича Сеницына, Виктора Ивановича Шипаева, Вадима Павловича Ткаченко, Роальда Васильевича Савельева и многих других.

Светлана Серафимовна, скажите, пожалуйста, пару напутственных слов для молодых ученых.

Я думаю, что самое главное, конечно, любить свою профессию, любить научное творчество. Постоянно совершенствовать свои знания, накапливать опыт и передавать его следующему поколению. Наукой надо гореть, иначе не стоит и начинать свою деятельность в этой сфере.

Поступила в редакцию: 25.06.2025
Received: 25.06.2025

Принята к публикации: 27.06.2025
Accepted: 27.06.2025

Д.Б. Гармаева

Протесты школьных учителей в Республике Корея в 2023 году: причины и последствия

Аннотация. В 2023 г. Республику Корея охватили масштабные протесты школьных учителей, ставшие реакцией на многолетний процесс ограничения их педагогических прав в условиях последовательного расширения прав учащихся. В данном исследовании анализируются факторы, повлиявшие на изменение социального и правового статуса южнокорейских учителей, а также основные формы ущемления их прав. Особое внимание уделяется событиям, предшествовавшим протестам, требованиям учителей и ответным мерам правительства. В статье также рассматриваются законодательные поправки, направленные на улучшение правового положения учителей. В заключение автор приходит к выводу, что резкая корректировка образовательной политики, ставшая вынужденным ответом на протесты беспрецедентного масштаба, может привести к новому дисбалансу между правами учителей и учеников, но уже в ущерб последним.

Ключевые слова: права учителей, массовые протесты, образование, политика в сфере образования, Республика Корея.

Автор: Гармаева Даяна Будажаповна, магистрант Института стран Азии и Африки МГУ (адрес: 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1).
ORCID: 0009-0006-4855-4776. E-mail: garmday@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гармаева Д.Б. Протесты школьных учителей в Республике Корея в 2023 году.: причины и последствия // Корееведение. 2025. № 2 (11). С. 16—32. DOI: 10.48647/ICCA.2025.19.26.004.

Garmaeva D.B.

Protests by South Korean Schoolteachers in 2023: Causes and Consequences

Abstract. In 2023, the Republic of Korea witnessed large-scale protests by schoolteachers, driven by longstanding restrictions on their professional rights amid the continuous expansion of students' rights. This study investigates the factors driving changes in the social and legal status of South Korean teachers, as well as the primary forms of infringements on their rights. Particular attention is given to the events preceding the protests, the demands of teachers, and the government's response. The article also analyses legislative reforms aimed at reinforcing teachers' legal standing. The study conc-

cludes that the sudden shift in educational policy, enacted in response to these unprecedented protests, risks creating a new imbalance between the rights of teachers and students — potentially to the detriment of the latter.

Keywords: teachers' rights, mass protests, education, education policy, Republic of Korea.

Author: Garmayeva B. Daiana, Master's Student at the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University (Address: 125009, Moscow, 11, Building 1, Mokhovaya St., Moscow). ORCID: 0009-0006-4855-4776. E-mail: garmday@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citations: Garmayeva D.B. Protesty shkol'nykh uchitelej v Respublike Koreja v 2023 godu.: prichiny i posledstviya [Protests by South Korean Schoolteachers in 2023: Causes and Consequences] // Koreevedenie [Koreanology], 2025, 2 (11). С. 16—32. DOI: 10.48647/ICCA.2025.19.26.004.

Профессия учителя в Республике Корея

В Республике Корея (РК) учителя традиционно занимают одно из ведущих мест в социальной иерархии. Их высокий статус исторически обусловлен конфуцианской культурной традицией, в которой большое внимание уделяется образованию, а наставник воспринимается как центральная фигура учебного процесса.

Значимость профессии школьного учителя подчеркивается и тем, что педагоги относятся к категории государственных служащих. Соответственно, кандидаты на должность учителя должны не только получить педагогическое образование, но и успешно сдать государственный экзамен по отбору кандидатов на должность работника в сфере образования (кор. 교육공무원 임용후보자 선정경쟁시험). Успешная сдача данного экзамена с первой попытки — большая редкость, поэтому значительное количество соискателей пересдают его несколько раз. Тем не менее награда оправдывает усилия: в случае успешного преодоления этого испытания южнокорейские учителя получают не только высокий социальный статус, но и достойное материальное вознаграждение. Заработная плата педагогических работников регулируется системой разрядов для государственных служащих. На разряд влияет уровень квалификации, результаты аттестационных проверок, профессиональные достижения и, самое главное, стаж. В 2025 г. 1-й разряд предполагает месячную зарплату в 1 915 100 вон (около 1300 долл.), а 40-й, самый высокий, — 5 995 800 вон (около 4000 долл.) [2025년...]. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что школьные учителя начинают свое продвижение по службе сразу с 9-го разряда, который на 2025 г. предусматривает месячную зарплату в 2 365 500 вон (около 1600 долл.) — каждый семестр, проведённый в педагогическом университете, засчитывается учителям как прохождение одного разряда.

¹ 한국 교사 초봉 283만원, OECD 평균보다 낮아 "세후는 231만원". (Хангук кёса чхобон 283манвон, OECD пхёнгюнбод наджа "сехунын 231манвон"). [Стартовая зарплата южнокорейского учителя составляет 2,83 миллиона вон, что ниже, чем в среднем по ОЭСР: «2,31 миллиона вон после уплаты налогов»] // Nate News Agency. 10.09.2024. URL: <https://news.nate.com/view/20240910n35675#:~:text=한국의%20초임%20교사%20연봉,비슷하거나%20밑도는%20수준이다> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

В то же время следует отметить, что южнокорейские педагоги высказывают требования о повышении уровня заработной платы¹. Действительно, согласно отчёту Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), стартовая годовая заработная плата учителя в Республике Корея, включая все надбавки и пересчитанная по паритету покупательной способности (ППС) для личного потребления, составляет 36 639 долл. Данный показатель не только уступает аналогичным показателям в других государствах, охваченных исследованием ОЭСР, но и находится ниже среднего показателя стран—членов ОЭСР. Тем не менее максимальный уровень заработной платы в РК значительно превышает аналогичные показатели большинства других государств—членов ОЭСР: более высокие заработные платы наблюдаются только у педагогических работников из Австрии, Германии, Люксембурга и Нидерландов [Education..., 2024, 395].

Проблемы южнокорейских учителей

Избыточная административная нагрузка представляет собой одну из ключевых проблем, с которой сталкиваются педагоги в Республике Корея. Существенная часть рабочего времени учителей уходит на составление отчётов, планов занятий, заполнение документации и прочие бюрократические процедуры. По результатам исследования Корейского центра развития образования за 2022 г., в среднем южнокорейские школьные учителя тратят на административную работу 7,23 часов в неделю, т. е. почти целый рабочий день. Для сравнения, в 2013 г. этот показатель составлял 5,73 часа в неделю. Таким образом, менее чем за 10 лет административная нагрузка на учителей возросла примерно на 26 % [Кёсаэ... С. 86].

Однако главной проблемой, которая в итоге привела к массовым протестам в 2023 г., стало постепенное ухудшение прав учителей в южнокорейском обществе. Несмотря на сохранение престижа этой профессии, отношение к педагогам в последние годы претерпело значительные изменения, первопричиной которых можно считать образовательные реформы, инициированные Ким Ён Самом (1993—1998). Целью этих реформ объявлялось создание системы обучения, ориентированной на ученика, а не на учителя. Приоритетом системы образования должны были стать свобода и инициатива, которые придут на смену строгим правилам и законам [Толстокулаков, 2003, 221—223]. Реформаторы придерживались идеи, согласно которой школа должна способствовать развитию индивидуальных способностей учащихся, а не ограничиваться подготовкой к решению однотипных заданий на вступительных экзаменах. Они полагали, что система, ориентированная на механическое запоминание информации, не сможет обеспечить страну кадрами, необходимыми для перехода к инновационной экономике, требующей творческого мышления и нестандартных смелых решений. Более того, образовательная система, основанная на авторитарных методах преподавания, затрудняет формирование гражданского общества, способного исключить возможность возврата к диктатуре. Таким образом, переориентирование системы на учащихся было необходимым условием для реализации мечты о «Новой Корее» (кор. 신한국), которую стремился воплотить Ким Ён Сам и его сторонники.

Тем не менее институциональные изменения значительно отставали от идеологических: несмотря на провозглашение в середине 1990-х новой образовательной парадигмы, ключевая роль в которой отныне отводилась ученику, телесные наказания — одно из самых унижительных проявлений насилия над личностью — были запрещены лишь в 2010-х после общественного резонанса, вызванного конкретным инцидентом. Так, в 2010 г. широкое распространение получило видео, на котором запечатлено, как учитель начальной школы применяет физическое насилие к своему ученику. Впоследствии было установлено, что он неоднократно допускал подобные действия в отношении школьников. В результате общественного давления Управление образования Сеула было вынуждено издать нормативный акт о запрете применения телесных наказаний во всех образовательных учреждениях, находящихся в его юрисдикции¹.

В 2011 г. из Закона о начальном, среднем и старшем образовании был исключён пункт, допускавший применение физических наказаний к учащимся в случае неэффективности прочих дисциплинарных мер. Однако наиболее значительное влияние на педагогическую практику оказали постановления о правах учащихся, принятые в 2010—2011 гг. в провинциях Кёнги, Северная Чолла, Южная Чхунчхон и Чеджу, а также городах Сеул, Инчхон и Кванджу. Основной целью данных нормативных актов объявлялось «предоставление учащимся возможности осознать своё достоинство и ценность как личности, а также вести свободную и счастливую жизнь».

Поскольку положения постановлений в целом схожи, в рамках анализа было принято решение сосредоточиться на сеульском Постановлении, ст. 6 которого гарантировала защиту учащихся от психологического и физического насилия, включая телесные наказания, издевательства, групповую травлю и сексуальное насилие. Ст. 10 запрещала подвергать учащихся избыточной академической нагрузке и обеспечивала их право на полноценный отдых. Положения о неприкосновенности личных вещей и частной жизни учащихся запретили учителям конфисковать мобильные телефоны студентов, за исключением случаев, когда это было необходимо для обеспечения безопасности учителя и других учащихся. В соответствии со статьёй ст. 13, школы не могли полностью запретить учащимся пользоваться мобильными телефонами, однако школьные правила могли регулировать порядок использования гаджетов для обеспечения качественного образовательного процесса [Соуль...].

Данное постановление и аналогичные нормативные акты привели к ухудшению положения учителей в южнокорейском обществе. Меры, направленные на пресечение насилия в адрес учеников, — это большой шаг вперёд, но следует подчеркнуть, что из-за неопределённости и неоднозначности формулировок некоторых положений учителя во многом лишились возможности защищать свои права: попытка отстоять свои интересы могла быть квалифицирована как психологическое насилие над учащимися. Тем не менее было бы некорректно утвер-

¹ 2010년 시행된 학교체벌 전면금지... 6년 지난 지금은? 미니투데이. (2010년엔 시한두엔 하크케체벌 초남깁깁깁... 뵈넨 칭난 칭깁깁?). [Полный запрет на физическое наказание в школах с 2010 года: каковы результаты через шесть лет?] // Мини Тхудэй. 31.10.2016. URL: <https://news.mt.co.kr/mtview.php?no=2016103114052421992> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

ждать, что данное постановление является основным источником проблем южнокорейских учителей. Согласно статистическим данным, права педагогов чаще нарушают не сами школьники, а их родители¹.

Можно предположить, что такая гиперопека со стороны родителей вызвана повсеместной практикой применения телесных наказаний в учебных заведениях в прошлом. Часть представителей старшего поколения, возможно, воспринимает палочную дисциплину как неотъемлемую часть образовательного процесса, однако те родители, которые до сих пор с ужасом вспоминают боль и унижение, пережитые ими в школе, стремятся любой ценой оградить своих детей от подобных методов воспитания, полагая, что учителя — это всё те же тираны, не стоящие жалости.

Более того, процесс воспитания детей в южнокорейских семьях сопряжён с весьма значительными расходами. По некоторым данным, Республика Корея занимает лидирующие позиции в мире по соответствующим затратам: суммарные расходы на содержание одного ребёнка до достижения им совершеннолетия в восемь раз превышают показатель подушевого ВВП². На этом фоне неудивительно, что в последнее время всё больше семей предпочитают воспитывать только одного ребёнка. Наблюдается устойчивый рост доли первенцев и снижение доли вторых и третьих детей среди новорождённых³. Таким образом, родители, вкладывающие значительные финансовые, временные и эмоциональные ресурсы в воспитание своих немногочисленных детей (часто вообще единственного ребёнка), проявляют высокую степень вовлечённости во всё, что с ними связано, поэтому любое, даже незначительное ограничение прав их детей воспринимается как личное оскорбление.

Примечательно, что в ходе исследования, проведённого в 2018 г., была выявлена следующая тенденция: широкое освещение случаев нарушения прав учителей привело к тому, что 56,5 % опрошенных родителей охарактеризовали общую ситуацию с нарушением прав учителей в южнокорейском обществе как критическую. Вместе с тем при оценке ситуации в конкретной школе, которую посещают их дети, 58,2 % респондентов не были столь категоричны.

Данный разрыв в восприятии может свидетельствовать о тенденции к локальному отрицанию проблемы: родители осознают существование масштабных проблем в образовательной системе, однако на уровне личного опыта не воспринимают их как актуальные для себя. Такая позиция ограничивает их способность

¹ 알고보니, 학생인권조례 때문에 교권침해 늘었다? (Альгобони. Хаксэнъингвонджоре ттэмуне кёгвончимхэ ныротта?). [Получается, из-за постановления о правах учащихся участились случаи нарушения прав учителей?] // MBC News. 28.07.2023. URL: https://imnews.imbc.com/replay/2023/nwdesk/article/6508808_36199.html (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

² 세계에서 양육비 가장 많이 드는 나라 '압도적' 1위는. (Сегеесо яньюкпи каджан мани тынын нара 'аптоджок' ирвинын.). [Рейтинг стран по затратам на воспитание детей с большим отрывом возглавляет...] // Чосон Ильбо. 23.02.2024. URL: https://www.chosun.com/international/international_general/2024/02/23/75OFBE6DLVEPJFF7HFJ2BRKCIA/ (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

³ '하나만 낳아 기르자'...출생아중 첫째아 비중 63%로 사상 최고. ('Ханаман наа кырыджа'...чхульсэньаджун чхотччэа пиджун 63%ро сасан чхвего). [Давай обойдёмся одним ребёнком. Доля первенцев среди новорожденных достигла 63 %. Это самый высокий показатель в истории.] // Yonhap News Agency. 25.03.2023. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20230325036900002> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

к эмпатии по отношению к школьным учителям, с которыми родители связаны напрямую [Ём, 2019, 181—182].

Хотя основным фактором, осложняющим работу учителей, является давление со стороны родителей, значительные трудности создают и ученики, проявляющие неуважение к преподавателю. Несоблюдение дисциплины является особенно чувствительной проблемой для южнокорейских педагогов, поскольку традиционные конфуцианские ценности предполагают почитание наставника и беспрекословное подчинение его авторитету. По мнению автора, подобная ситуация, как бы парадоксально это ни звучало, сложилась в результате насаждения другой конфуцианской ценности — чрезмерной заикленности на учёбе и успеваемости. Диплом престижного университета воспринимается как гарантия успешного будущего, однако в последнее время процесс поступления в вуз стал значительно сложнее, чем раньше, поэтому подготовка к вступительным экзаменам начинается чуть ли не с начальной школы. Всё чаще корейцы с самого детства слышат фразу «공부만 잘하면 된다», которую можно перевести следующим образом: «Достаточно лишь хорошо учиться». Родители, обращаясь к своим детям с этой фразой, подразумевают, что отличные оценки — это залог успеха, поэтому следует упорно учиться, и всё остальное приложится. Однако данную фразу можно интерпретировать и другим образом: главное в жизни — учёба, а вот поведение и отношение к окружающим — дело второстепенное. Можно предположить, что дети, ошибочно полагающие, что оценки важнее всего, в итоге и становятся источником проблем для педагогов. Кроме того, избыточная ориентация на академические результаты приводит к формированию завышенных ожиданий со стороны родителей в адрес школьных учителей, что, в свою очередь, лишь усугубляет положение последних [Mooge, 2024, 13].

Примеры попрания прав учителей

Среди основных видов нарушений прав педагогов можно выделить вербальные оскорбления, срывы учебных занятий, применение физической силы, а также систематические попытки родителей связаться с учителями посредством телефонных звонков, SMS-сообщений и т. п. Кроме того, в отношении педагогов зафиксированы случаи сексуальных домогательств¹.

С начала 2010-х годов наблюдается рост числа инцидентов, связанных с нападениями учащихся на учителей. В 2009 г. был зарегистрирован 31 подобный случай, в 2010-м их число увеличилось до 45, а в 2011-м достигло 59². В дальнейшем их количество стало только нарастать: в 2018 г. было зафиксировано 172 та-

¹ 그레픽. 교권침해 유형·주요 원인. (Кырэпхик. Кёгвончхимхэ юхён-чүё вонин). [Инфографика. Как и почему нарушаются права учителей.] // Yonhap News Agency. 03.08.2023. URL: <https://www.yna.co.kr/view/GYH20230803000900044> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

² 맞은 교사 해마다 증가...교권침해 상담↑. 학생에게. (Хаксэнъеге маджын кёса хэмада чынга...кёгвончхимхэ сандам ^). [Число учителей, подвергшихся физическому насилию со стороны студентов, растёт каждый год... Растёт число заявок на консультации, связанные с нарушением прав учителей] // KBS News. 13.10.2013. URL: <https://news.kbs.co.kr/news/pc/view/view.do?ncd=2738096> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

ких инцидента, в 2021-м — 239, а в 2022-м — 361. В качестве примера можно привести резонансный случай, произошедший в 2023 г. в Сеуле, когда ученик шестого класса начальной школы оскорбил своего учителя, повалил его на пол, нанес множественные удары и даже пнул несколько раз. Конфликт начался с того, что школьник, испытывающий трудности с контролем гнева, вместо назначенной ему психологической консультации решил пойти на урок физкультуры. Классный руководитель, в свою очередь, попытался его убедить всё же отправиться на консультацию¹.

Помимо этого, существует проблема сексуальных домогательств со стороны учеников в отношении педагогов: согласно опросу, проведённому в 2023 г. среди педагогических работников Ульсана, почти половина лиц, совершивших домогательства в отношении учителей, — это школьники. За ними следуют коллеги-учителя и административный персонал школы². Наиболее распространённой формой домогательств являются сравнения и уничижительные комментарии, имеющие сексуальный подтекст.

В некоторых случаях ученики могут оклеветать своего преподавателя, что может привести к его увольнению из учебного заведения. Так, в 2016 г. учащиеся одной из городских школ обвинили своего учителя в сексуальных домогательствах, заявив, что он трогал их бёдра. Учитель категорически отрицал эти обвинения, но, несмотря на это, был вынужден уволиться. Впоследствии он совершил самоубийство. В ходе полицейского расследования ученики отказались от своих показаний³, и прокуратура оправдала учителя посмертно⁴.

Однако, как отмечает представитель Корейского объединения ассоциаций учителей, из чувства учительской привязанности педагоги крайне редко подают жалобы на своих учеников, даже если те явно нарушают их права. В итоге в подобных случаях учителя вынуждены либо взять временный перерыв в работе, либо перевестись в другую школу⁵.

¹ 초등생에까지... 얻어맞은 교사 5년간 1100명. (Чходынсэнъёккаджи... одоматнын кёса 5нёнган 1100 мён). [Даже младшеклассники... За последние пять лет 1100 учителей подверглись физическому насилию] // Chosun Ilbo. 20.07.2023. URL: <https://www.chosun.com/national/education/2023/07/20/5T5UUBUKXJEYTM6VU5Y44UWLE/> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

² “샘 엉덩이 이만해” 울산 교직원 성희롱 가해자 절반은 학생: 네이트 뉴스. (“Ссэм ондонъи иманхэ” ульсан кёджигвон сонхирон кахэджа чольбанын хаксэн.). [«Попа учительницы вот такого размера». В Ульсане на долю учащихся приходится половина обвиняемых в домогательствах в адрес учителей] // Nate News. 05.12.2023. URL: <https://news.nate.com/view/20231205n11117> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

³ ‘폭언·성희롱’ 교권침해 만연해도 교사들은 “속수무책”. (‘Пхогон·сонхирон’ кёгвончхимхэ манёнхэдо кёсадырын “сокумучхэк”). [Несмотря на учащающиеся инциденты с вербальным насилием и сексуальными домогательствами учителя ничего не могут с этим поделать] // Newspim. 18.07.2018. URL: <https://newspim.com/news/view/20180718000172> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

⁴ 김동철. 부안 교사 자살 사건 관련 피고소인 10명 무혐의 처분. (Ким Дончхоль. Пуан кёса часаль сагон кваллён пхигосоин 10мён мухёми чхобун). [10 обвиняемых оправданы по делу о самоубийстве учителя из Пуана.] // Yonhap News Agency. 25.06.2018. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20180625080400055> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

⁵ ‘폭언·성희롱’ (‘Пхогон·сонхирон’). [«Словесные оскорбления и сексуальные домогательства»] // Newspim. 18.07.2018. URL: <https://newspim.com/news/view/20180718000172> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

Отдельно стоит отметить, что количество случаев нарушения прав учителей росло в годы президентства Мун Чжэ Ина (2017—2022). В частности, наблюдалось увеличение числа инцидентов, связанных с сексуальными домогательствами, вербальными и физическими формами насилия¹.

Согласно опросам Корейской федерации ассоциаций учителей, уровень удовлетворённости учителей своей работой стремительно снижался в годы президентства Мун Чжэ Ина. Если в 2016 г. он составлял 70,2 %, то в 2019 г. упал до 52,4 %, а в 2020-м и вовсе достиг отметки в 32,1 %. В следующем году уровень незначительно возрос до 35,7 %, однако в 2022 г. вновь упал до 33,5 %. Более того, если в 2016 г. с утверждением «Если бы я родился ещё раз, я бы выбрал профессию школьного учителя» соглашались 52,6 % школьных учителей, то в 2022 г. этот показатель упал до 29,9 %². Ещё одним индикатором усугублявшейся проблемы можно считать размещённую в 2018 г. на сайте Голубого дома петицию с требованием ужесточить наказание учащихся во имя адекватного образовательного процесса и защиты прав учителей. Петиция более чем за месяц набрала почти 40 тыс. подписей, однако этого было недостаточно, чтобы преодолеть порог, необходимый для ее вынесения на рассмотрение правительством (200 тыс. за 30 дней)³.

Всё вышеописанное дало администрации Юн Сок Ёля (2022—2025) основания винить правительство Муна в доведении ситуации с правами учителей до критического состояния⁴. Впрочем, стоит отметить, что рост случаев недостойного поведения со стороны учеников и снижение удовлетворённости своей работой среди учителей были последствиями перегибов, допущенных на протяжении долгого времени предыдущими президентами и их кабинетами. Тем не менее Мун Чжэ Ина всё же можно обвинить в отсутствии реакции на эти негативные тренды. Вместе с тем следует учитывать, что на годы президентства Муна пришлись и более серьезные испытания (например, пандемия коронавируса), которые отодвинули решение проблемы учеников и учителей на второй план.

¹ 학생에게 맞고·성희롱 당하고... 文 정부, 매년마다 '교권침해' 증가. (Хаксэнъеге матко·сонхирон танхаго... 文 чонбу, мэнёнмада 'кёгвончхимхэ' чынга...). [Учителя подвергаются избиениям и сексуальным домогательствам со стороны учеников... При правительстве президента Муна каждый год растут случаи ущемления прав учителей.] // News 2Day. 27.07.2020. URL: <https://www.news2day.co.kr/157411> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

² 그래픽,교직 만족도 설문조사 결과. ([Кырэпхик. Кёджик манджокто сольмунджоса кёльгва]. [Инфографика] Результаты опроса среди учителей об удовлетворённости работой] // Yonhap News Agency. 11.05.2022. URL: <https://www.yna.co.kr/view/GYH20220511000800044> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

³ 폭언·성희롱' ('Пхогон·сонхирон'). [«Словесные оскорбления и сексуальные домогательства»] // Newspim. 18.07.2018. URL: <https://newspim.com/news/view/20180718000172> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

⁴ 국힘, 초등교사 사망 두고 “문재인 정권-학생인권” 탓. (Кукхим, чходынгёса саман туго “мунджэин чонгвон-хаксэнъингвон” тхат.). [Партия «Сила народа» на фоне самоубийства учительницы начальной школы винит правительство Муна, продвигавшего защиту прав учеников.] // Oh My News. 21.07.2023. URL: https://www.ohmynews.com/NWS_Web/View/at_pg.aspx?CNTN_CD=A0002946645 (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

Протесты педагогических работников в 2023 г. и последовавшие за ними изменения в образовательном законодательстве

Наиболее остро вопрос о правовом положении школьных учителей встал в июле 2023 г. после самоубийства молодой учительницы начальной школы № 2 в сеульском районе Сочхогу. Приблизительно за неделю до трагедии между учениками погибшей произошла ссора: один из них тыкал карандашом портфель своего одноклассника, а тот, в свою очередь, пытаясь остановить обидчика, случайно поцарапал себе лоб этим самым карандашом. С подачи СМИ этот эпизод получил название «инцидент с карандашом» (кор. 연필 사건). В день инцидента родители пострадавшего связывались с учительницей несколько раз, что, по словам коллег, лишь усилило её стресс и чувство беспомощности в сложившихся обстоятельствах: она не предоставляла родителям ученика свои контактные данные и не давала согласия на их передачу¹. Возможно, этот эпизод наряду с переживаниями, вызванными поведением других учеников, стал одной из причин трагедии.

В ноябре полиция заявила, что промежуточные выводы расследования указывают на то, что самоубийство учительницы было вызвано совокупностью факторов, включая стресс. Установить, сыграл ли «инцидент с карандашом» ключевую роль в трагедии, не удалось. Это объясняется тем, что телефон погибшей не удалось подвергнуть криминалистической экспертизе из-за технических особенностей айфона (iPhone). Проверка телефонов родителей пострадавшего ученика не выявила ничего, что могло бы указывать на угрозы или оскорбления в адрес учительницы. Расследование в отношении этих родителей ещё продолжается², однако в декабре того же года один из учителей, опубликовавший пост, в котором родители были представлены главными виновниками трагедии, столкнулся с обвинением в клевете³.

Тем не менее летом 2023 г. на фоне масштабного освещения этой трагедии развернулось активное обсуждение её причин, сопровождаемое появлением многочисленных слухов. Согласно одному из них, к самоубийству учительницы могла быть причастна семья Хан Ги Хо, депутата Национального собрания от правящей партии «Сила народа», чей родственник якобы учился в классе погибшей, однако этот слух был официально опровергнут⁴. Наиболее широкое рас-

¹ Late teacher suffered from parents' phone calls after 'pencil incident': ministry. Korea Herald. 04.08.2023. URL: <https://www.koreaherald.com/article/3184471> (дата обращения: 10.04.2025).

² 경찰 "서이초 교사 사망...업무 스트레스 등 복합적 요인이 원인". (Кёнчхаль "Соичхо кёса саман...омму сытхыресы тын покхачок ёини вонин"). [Полиция заявила, что смерть учительницы из школы в Сочхогу связана со множеством факторов, такие как стресс на работе и т. п.] // News 1. 14.11.2023. URL: <https://www.news1.kr/society/incident-accident/5230528> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

³ 경찰, '서이초 연필 사건' 의혹 글 쓴 현직 교사 소환 조사. (Кёнчхаль "Соичхо кёса саман...омму сытхыресы тын покхачок ёини вонин"). [Полиция вызвала для расследования учителя, написавшего сомнительный пост «Инцидент с карандашом в школе Сочхогу».] // Chosun Biz. 30.12.2023. URL: https://biz.chosun.com/topics/topics_social/2023/12/30/4ANSAIB64VDCFM ZSY5YUDCOV MU/ (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

⁴ 한기호, 초등 교사 극단적 선택에 "서이초 다니는 손주 없어...허위사실 유포 법적 책임". (Хан Гихо, чходын кёса кыктанджок сонтхэге "Соичхо танинын сонджу опсо...ховисасиль юпхо попчок чхэгим).

пространение получила версия о том, что до трагедии ситуацию довели именно угрозы и оскорбления со стороны родителей ребёнка, пострадавшего в ходе «инцидента с карандашом».

Непроверенные слухи, наложившиеся на реально существующие проблемы, спровоцировали бурную волну негодования среди учителей. В поле зрения общественности вновь попали события 2021 г., когда с интервалом в полгода свели счёты с жизнью два молодых педагога из одной школы, находящейся в пров. Кёнги¹.

Широкий общественный резонанс вызвал моментальную реакцию правительства: уже 24 июля Ли Джу Хо, заместитель премьер-министра по социальным вопросам и министр образования, заявил, что ущемление прав учителей является следствием чрезмерного насаждения Постановления о правах учащихся, что привело к разрушению системы государственного образования. Он пообещал, что уже в августе правительство подготовит комплекс мер, направленных на решение этой проблемы.

17 августа 2023 г. Ли Джу Хо озвучил проект официального постановления о руководящей роли учителей в жизни учащихся (кор. 교원의 학생생활지도에 관한 고시안). В рамках проекта было предусмотрено оказание психологической поддержки учителям в виде осмотра, консультации или лечения. Кроме того, был введен запрет на использование мобильных телефонов во время уроков и разработаны меры по отстранению от занятий учеников, мешающих образовательному процессу². Правительство попыталось решить проблему защиты прав учителей, смягчив наиболее явные дисбалансы, однако последовавшие самоубийства среди педагогов и масштабные протесты вынудили его пересмотреть позицию и пойти на более серьёзные уступки.

В конце августа 2023 г. с собой покончила учительница начальной школы города Кунсан³, а в сентябре того же года в городе Йонъин совершил самоубийство учитель физкультуры. Смерть последнего была связана со стрессом, вызванным

[Хан Гихо о самоубийстве учителя начальной школы: «У меня нет внуков, посещающих школу в Сочхогу... Я приму юридические меры в отношении тех, кто распространяет ложные сведения»] // Newsis. 20.07.2023. URL: https://www.newsis.com/view/NISX20230720_0002383645 (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

¹ 두 초임교사의 죽음... 이 학교에선 무슨 일이. (Ту чхоимгёсаи чугым... и хаккёесон мусын ири). [Смерть двух молодых учителей... Что не так с этой школой?] // MBC News. 07.08.2023. URL: https://imnews.imbc.com/replay/2023/nwdesk/article/6511930_36199.html (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

² 수업 중 휴대전화 사용 금지, 수업 방해 제지 등 교권 확립·학습권 보호를 위한 지침, 2학기 시행. (Суоп чун хюдэджонхва саён кымджи, суоп панхэ чеджи тын кёгвон хваннип-хаксыпкан похорыль вихан чичхим, 2хакки сихэн). [Руководство по защите прав преподавателей, включая запрет на использование мобильных телефонов на уроках и саботаж учебного процесса, вводится во втором семестре] // Официальный блог Министерства образования Республики Корея. 17.08.2023. URL: <https://if-blog.tistory.com/14404> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

³ 군산 앞바다서 초등교사 숨진 채 발견...전교조 “진상 규명해야”. (Кунсан аппадасо чходынгёса сумджин чхэ палыгён...чонгёджо “чинсан кюмёнхэя”). [Тело молодой школьной учительницы обнаружено на берегу моря в Кунсане. Корейское объединение учителей требует выяснения обстоятельств] // Hankyoreh. 02.09.2023. URL: <https://www.hani.co.kr/arti/area/honam/1106796.html> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

давлением со стороны родителей учеников. Предыстория такова: в июле 2023 г. во время урока он ненадолго оставил учеников без присмотра, что привело к травме одного из них. Семья пострадавшего мальчика подала в суд на учителя, обвинив его в причинении смерти по неосторожности¹. Ребёнок, к слову, остался жив, но семья стремилась привлечь учителя к уголовной ответственности за халатность, повлекшую за собой травму их сына.

Важно отметить, что самоубийства среди учителей не носили массового характера, однако сам факт подобных трагедий и их широкое освещение в средствах массовой информации летом 2023 г. запустили цепную реакцию.

4 сентября 2023 г., на 49-й день после самоубийства учительницы начальной школы № 2 района Сочхогу, тысячи людей вышли на митинг в защиту прав педагогов. Многие учителя взяли отпуск или больничный, чтобы принять участие в акции протеста и почтить память покойной. Некоторые школы даже были вынуждены приостановить работу, в связи с чем 4 сентября неофициально прозвали «Днём остановки государственного образования» (кор. 공교육 멈춤의 날)². По некоторым подсчётам, на акции протеста вышло около 300 тыс. человек³. В ходе митинга было озвучено восемь основных требований учителей⁴, содержание которых сводится к следующему: 1) пересмотр п. 5 ст. 17 Закона о защите детей; 2) конкретизация обязанностей учащихся, родителей и ведомственных органов управления образованием; 3) разработка комплекса мер по отдельному обучению учащихся, саботирующих образовательный процесс; 4) создание общенациональной единой системы рассмотрения родительских жалоб; 5) переосмысление определения школьного насилия с целью сосредоточить внимание школ на образовательной деятельности; 6) чёткая правовая основа для системы продлённого дня; 7) защита прав учителей в сфере преподавания, оценивания успеваемости и воспитания учащихся; 8) обязательное участие учителей в разработке законопроектов, связанных с образовательным процессом.

Первое требование подразумевало пересмотр положения, согласно которому ни одно лицо не имеет права подвергать ребёнка физическому или эмоциональ-

¹ 60대 교사 숨진 채 발견...“학부모 고소당해 심한 스트레스?”. (60тэ кёса сумджин чхэ пальгён...“хакпумо косоданхэ симхан сытхыресы”). [Найден мёртвым 60-летний учитель... 'Он очень переживал из-за того, что родители ученика подали на него в суд.] // Hankyoreh. 04.09.2023. URL: <https://www.hani.co.kr/arti/area/capital/1106986.html> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

² 공교육 멈춤의 날...전국서 교사들 연가·병가 내고 참여. (‘Конгёюк момчхумэ наль’...чонгуксо кёсаль ёнга-пёнга нёго чхамё. Yonhap News’). [День остановки государственного образования. Учителя со всей страны берут отпуска и больничные, чтобы принять участие в акции протеста.] // Yonhap News Agency. 04.09.2023. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20230903047451530> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

³ 20만여 명이 윤석열 정부의 정세 위협에 항의하다. (20манё мёнги юнсогёль чонбуи чинге вихёбе ханыхада). [Более 200 тысяч человек посетили акцию протеста.] // Сайт «Рабочая солидарность». 03.09.2023. URL: <https://ws.or.kr/article/29898> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

⁴ 오마이TV (Oh My TV). 교육당국 겨냥해 정책 요구안 발표한 전국 교사 집회 정책팀장 “학폭 개념재정의하고 학교는 교육에 집중할 수 있도록 하라.” (О май ТВ. Кёюгтангук кёнянхэ чончхэг ёгуан пальпхёхан чонгуг...). [Ответственный за политику национального объединения учителей выступил с требованиями к правительству. «Измените определение школьного насилия и обеспечьте школам возможность сосредоточиться на образовании»]. 02.09.2023. YouTube, 9:42. URL: <https://youtu.be/Tu0Wgvo3suk?feature=shared> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

ному насилию, способному нанести ущерб его психическому здоровью и развитию [Адонбокчибоп...]. Дело в том, что некоторые учащиеся и их родители злоупотребляли этим положением, и в результате любое замечание или дисциплинарная мера могли рассматриваться как повод для подачи жалобы.

Второе требование обусловлено тем, что ученикам и их родителям было предоставлено много прав, которые не были должным образом сбалансированы наложением соответствующих обязанностей, в результате чего сложилась ситуация, в которой учитель должен всё, но не может ничего.

Третье требование нацелено на реализацию уже озвученного Министерством образования РК проекта положения об отстранении от занятий учащихся, мешающих образовательному процессу. Учителя опасались, что эта норма была сугубо декоративной, и настаивали на необходимости доработки таковой с учетом ее практической применимости.

Четвертое требование обусловлено тем, что родители часто настойчиво стремятся связаться с педагогами всеми возможными способами даже в нерабочее время, чтобы выразить своё мнение, подать жалобу на качество образовательного процесса или даже оскорбить.

Пятое требование было выдвинуто в связи с тем, что ответственность за борьбу со школьным насилием в полноте всех его трактовок была фактически возложена на учителей. Официальное определение школьного насилия, зафиксированное в Законе о предотвращении насилия в школах и мерах противодействия ему, сформулировано достаточно расплывчато, и при желании к нему можно причислить даже незначительные конфликты: «Школьное насилие представляет собой действия, совершаемые как внутри, так и за пределами школы в отношении обучающихся и приводящие к физическому, психологическому или материальному ущербу. К таким действиям относятся: причинение телесных повреждений, побои, ограничение свободы, угрозы, нарушение права на свободное перемещение, клевета, оскорбления, вымогательство, принуждение к выполнению определённых действий или поручений, сексуальное насилие, а также буллинг и кибербуллинг» [Хаккёпхоннёк...].

Действительно, в южнокорейском обществе остро стоит проблема школьного буллинга, и педагоги в теории могут способствовать её решению: согласно аналитической записке ЮНЕСКО, учителя играют ключевую роль в предотвращении школьного насилия и борьбе с ним [The Key...], однако с определённого момента южнокорейские педагоги, по сути, потеряли возможность осуществлять воспитание учеников из-за угрозы быть наказанными или уволенными за причинение эмоционального вреда ребёнку. Права учеников на протяжении долгого времени расширялись за счёт ущемления прав учителей, что, в свою очередь, лишало последних возможности всерьёз влиять на ситуацию со школьным насилием, поскольку они уже не обладали непоколебимым авторитетом: учащиеся осознавали, что им позволено больше, чем учителям. Более того, перекладывать решение проблемы школьного насилия на плечи преподавательского состава вдобавок к их основным учебным и педагогическим обязанностям — это не выход.

Шестое требование обусловлено отсутствием чётких правовых рамок, регулирующих функционирование в начальных школах системы продлённого дня,

направленной на обеспечение присмотра за детьми из семей, где работают оба родителя, неполных семей, а также семей с низким доходом. Учителя настаивают на том, что школы — это не детские сады для детей школьного возраста.

21 сентября 2023 г. Национальное собрание Республики Корея приняло поправки к четырём законам, регулирующим образование: Особому закону для повышения статуса учителей и защиты образовательной деятельности (кор. 교원의 지위 향상 및 교육활동보호를 위한 특별법); Закону о начальном и среднем образовании (кор. 초·중등 교육법); Закону о дошкольном образовании (кор. 유아교육법) и Основному закону об образовании (кор. 교육기본법).

Поправки, внесённые в Основной закон об образовании, очертили этические рамки нового правового режима: согласно п. 3 ст. 12 ученики обязаны развивать нравственность и не вмешиваться в преподавательскую деятельность, а также не нарушать школьный порядок. Данная норма обязывает родителей или опекунов сотрудничать с педагогами и уважать их, что позволит учителям профессионально осуществлять преподавательскую деятельность [Кёюккибон-боп...].

Одним из значительных результатов учительских протестов можно считать пересмотр п. 5 ст. 17 Закона о защите детей: отныне оправданные действия учителя в рамках воспитательного или образовательного процесса более не могут расцениваться как эмоциональное или физическое насилие. Это положение было зафиксировано в ст. 20. 2 Закона о начальном и среднем образовании. В ст. 20 того же закона отдельно отмечается, что отныне рассмотрение жалоб будет находиться в компетенции директора школы, а не учителей. Кроме того, в соответствии со ст. 20. 3, школы обязаны предпринять все необходимые меры для обеспечения защиты личных данных педагогов. Это особенно важно для предотвращения контактов с учителями в нерабочее время [Чхо...]. В сентябре 2025 г. будет запущена единая система подачи жалоб¹, что позволит разгрузить учебные заведения и даст им возможность сосредоточиться исключительно на образовательном процессе.

Согласно п. 3 ст. 6 Особого закона для повышения статуса учителей и защиты образовательной деятельности, школы более не имеют права увольнять учителя, если в его адрес поступило обвинение в жестоком обращении с детьми, до выяснения всех обстоятельств. В соответствии с п. 5 ст. 14 этого же закона министр образования отныне должен каждые пять лет обновлять план по защите прав учителей; п. 6 ст. 14 обязывает нижестоящие органы содействовать министру в реализации этого плана. П. 7 ст. 14 обязывает министра представлять парламенту отчёт о проделанной работе. Согласно п. 2 ст. 20 в случае нарушения образовательного процесса вследствие ущемления прав учителя школа обязана незамедлительно отделить друг от друга потерпевшего (учителя) и обвиняемого

¹ “시도 때도 없는 학부모 전화 이젠 끝” .. 교육부, 초중고 온라인 민원 시스템 구축. (“Сидо ттэдо опнын хак-пумо чонхва иджен ккыт” кёюкпу, чходжунго оллаин минвон сисытхем кучхук). [«Пришёл конец бесконечным звонкам от родителей». Министерство образования запускает онлайн-систему подачи жалоб для начальной и средней школ] // Edupress. 05.02.2025.URL: <https://www.edupress.kr/news/articleView.html?idxno=20301> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

(ученика), организовав для последнего отдельное обучение. В соответствии со ст. 21 учителю при работе с инцидентами школьного насилия отныне будет предоставляться юридическая помощь [Кёвонэ чиви...].

Некоторые законодатели сочли разумным решить проблему прав учителей за счёт ограничения прав учащихся. В апреле 2024 г. Южная Чхунчхон стала первой провинцией, отменившей Постановление о правах учащихся, однако Верховный суд РК удовлетворил ходатайство Управления провинции по делам образованию об отсрочке отмены постановления¹. Ситуация повторилась и в Сеуле: 26 апреля 2024 г. Сеульское городское собрание утвердило законопроект об отмене действующего в столице Постановления о правах учащихся. Управление по делам образования г. Сеул выразило несогласие с данной инициативой и подало в Верховный суд РК ходатайство об отсрочке отмены постановления. Ходатайство была удовлетворено, поэтому Постановление о правах учащихся сохраняет свою силу вплоть до завершения судебного разбирательства².

Выводы

На первый взгляд принятые правительством Юн Сок Ёля меры, направленные на улучшение правового и социального статуса учителя, могут показаться справедливыми на фоне плачевной ситуации с положением учителя в современном южнокорейском обществе, однако важно сделать всё возможное, чтобы подобные перегибы не привели к ситуации, когда бесправным и униженным вновь станет ученик. Внесение поправок в Постановление о правах учащихся представляется более взвешенным подходом, чем его полная отмена.

Важно подчеркнуть, что в абсолютных цифрах вопиющие случаи нарушения прав педагогов всё же являются редкостью, однако сам факт их существования провоцирует бурную общественную реакцию, поскольку уважение к наставнику является одним из фундаментальных принципов конфуцианской культуры, лежащей в основе южнокорейского общества. В этом контексте проявление неуважения к школьным учителям воспринимается как вызов системе.

Решение проблемы прав учеников и учителей, если таковое возможно, лежит в тщательном мониторинге случаев нарушений прав обеими сторонами и оперативном реагировании на негативные тенденции. Именно такой подход позволит

¹ ‘충남도의회 ‘학생인권조례’ 폐지에... 도교육청, 대법에 무효 소송. (‘Чхуннамдоихве ‘хаксэнгынгвонджоре’ пхеджие... тогёюкчхон, тэбоке мухё сосон). [Законодательное собрание провинции отменило Постановление о правах учащихся. Суд признал отмену недействительной после ходатайства Управления провинции по образованию] // Chosun Ilbo. 13.05.2024. URL: <https://www.chosun.com/national/regional/chungcheong/2024/05/13/4OJ4RND CZFEURKODANI4MOLHAQ/> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

² ‘서울 학생인권조례 효력 당분간 유지... 대법 ‘폐지 집행정지’ 인용. (‘Соуль хаксэнгынгвонджоре хёрёк танбунган юджи... тэбоп ‘пхеджи чипхэнджонджи’ инён). [Сеульское Постановление о правах учащихся пока остаётся в силе... Верховный суд удовлетворил ходатайство об отсрочке отмены] // Hankook Ilbo. 23.07.2024. URL: <https://www.hankookilbo.com/News/Read/A2024072317510005750> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

выработать грамотную политику и минимизировать резонансные инциденты, которые неизбежно приведут к очередным перегибам.

Будущее покажет, как команда нового президента справится с этим вызовом. Главная задача — найти баланс между защитой прав учителей и учеников.

Библиографический список

Толстоулаков И.А. Развитие демократического процесса в Южной Корее в период VI Республики. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2003.

[Education at a Glance 2024: OECD Indicators]. OECD Publishing, OECD. 2024. URL: https://www.oecd.org/en/publications/education-at-a-glance-2024_c00cad36-en.html (дата обращения: 30.04.2024). (На англ.)

The Key Role of Teachers in Ending School Violence and Bullying. UNESCO. 2022. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000383563> (дата обращения: 30.04.2024). (На англ.)

Moore, Briyanna (2024). Collapsing Education and Teacher Rights in South Korea: Exploring Korean Teacher, Student, and Parent Relationships. Honors Projects. 931. URL: <https://scholarworks.bgsu.edu/honorsprojects/931> (accessed: 10.04.2025).

염보아, 황의갑, 최선옥. 교권침해 실태와 영향요인에 대한 연구: 학부모의 인식을 중심으로. [Ём Бо А, Хван И Ган, Чхве Сон Ок. Исследование фактических условий и факторов, влияющих на нарушения прав учителей: фокус на восприятии родителей] // Журнал Корейской администрации общественной безопасности, 14(4), 165—190. 2018. URL: <https://www.kci.go.kr/kciportal/ci/sereArticleSearch/ciSereArtiView.kci?sereArticleSearchBean.artId=ART002319528> (дата обращения: 30.04.2024). (На кор.)

2025년 직종별 공무원 봉급표. 인사혁신처. [Заработная плата госслужащих по профессиям на 2025 год]. // Министерство по управлению персоналом. URL: https://www.mpm.go.kr/mpm/info/resultPay/bizSalary/2025/#pay2025_8 (дата обращения: 10.04.2025) (На кор.)

아동복지법. [시행 2025. 4. 1.] [법률 제20885호, 2025. 4. 1., 일부개정] [Закон о защите детей [вступил в силу 1 апреля 2025 г.] [Закон № 20885 от 1 апреля 2025 г., с частичными поправками]] // Национальный правовой информационный центр. URL: <https://www.law.go.kr/법령/아동복지법> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

교원의 지위 향상 및 교육활동 보호를 위한 특별법. [Особый закон о повышении статуса учителей и защите их образовательной деятельности] // Законодательный портал Южной Кореи. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsId=000886&ancYnChk=0#0000> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

교사의 직무수행 변화 분석과 향후 과제. 한국교육개발원. [Анализ изменений в профессиональной деятельности школьных учителей и перспективные задачи]. // Корейский центр развития образования. С. 86. URL: <https://www.kedi.re.kr/khome/main/research/selectPubForm.do?plNum0=14962> (дата обращения: 10.04.2025) (На кор.)

교육기본법. [시행 2024. 12. 12.] [법률 제20562호, 2024. 12. 20., 일부개정]. [Основной закон об образовании [вступил в силу 20 декабря 2024 г.] [Закон № 20562 от 20 декабря 2024 г., с частичными поправками]] // Национальный правовой информационный центр. URL: <https://www.law.go.kr/법령/교육기본법> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

서울특별시 학생인권 조례. [시행 2019. 3. 28.] [서울특별시조례 제7011호, 2019. 3. 28., 타법개정]. [Постановление о правах учащихся города Сеула [вступил в силу 28 марта 2019 г.] [Постановление города Сеула № 7011 от 28 марта 2019 г., изменение закона через поправки в другом законодательном акте]] // Национальный правовой информационный центр. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/ordinInfoP.do?ordinSeq=1388897> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

학교폭력예방 및 대책에 관한 법률 [시행 2025. 1. 21.] [법률 제20670호, 2025. 1. 21., 일부개정] [Закон о предотвращении насилия в школах и мерах противодействия ему. [вступил в силу 21 января 2025 г.] [Закон № 19740 от 21 января 2025 г., с частичными поправками]] // Национальный правовой информационный центр. URL: <https://www.law.go.kr/법령/학교폭력예방및대책에관한법률> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

초·중등교육법 [시행 2024. 4. 25.] [법률 제19740호, 2023. 10. 24., 일부개정] [Закон о начальном и среднем образовании [вступил в силу 25 апреля 2024 г.] [Закон № 19740 от 24 октября 2023 г., с частичными поправками]] // Национальный правовой информационный центр. URL: <https://www.law.go.kr/법령/초·중등교육법> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

References

Tolstokulakov, I.A. (2003) Razvitie demokraticeskogo protsesssa v Yuzhnoy Koree v period VI Respubliki [Development of the Democratic Process in South Korea During the VI Republic Period]. — Vladivostok: Far Eastern University Press. (In Russian)

Education at a Glance 2024: OECD Indicators. OECD Publishing, OECD. 2024. URL: https://www.oecd.org/en/publications/education-at-a-glance-2024_c00cad36-en.html (accessed: 10.04.2025).

The Key Role of Teachers in Ending School Violence and Bullying. UNESCO. 2022. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000383563> (accessed: 10.04.2025).

Moore, Briyanna (2024). Collapsing Education and Teacher Rights in South Korea: Exploring Korean Teacher, Student, and Parent Relationships. Honors Projects. 931. URL: https://scholarworks.bgsu.edu/honorsprojects/931 (accessed: 10.04.2025).

2025nyeon jikjongbyeol gongmuwon bonggeuppyo. 2025년 직종별 공무원 봉급표. 2025 Job-Specific Salary Table for Government Officials. Ministry of Personnel Management, The Republic of Korea. URL: https://www.mpm.go.kr/mpm/info/resultPay/bizSalary/2025/#pay2025_8 (accessed: 10.04.2025). (In Korean)

아동복지법. [시행 2025. 4. 1.] [법률 제20885호, 2025. 4. 1., 일부개정] Child Welfare Act. (Adongbokjibeop [sihaeng 2025. 4. 1.] [beomnyul che20885ho, 2025. 4. 1., ilbu gaejung]). [Effective from April 1, 2025.] [Law No. 20885, April 1, 2025, Partial Amendment] // National Legal Information Center, The Republic of Korea. URL: <https://www.law.go.kr/법령/아동복지법> (accessed: 10.04.2025). (In Korean)

초·중등교육법 [시행 2024. 4. 25.] [법률 제19740호, 2023. 10. 24., 일부개정]. (Cho·Jungdeunggyoyukbeop [sihaeng 2024. 4. 25.] [beomnyul che19740ho, 2023. 10. 24., ilbu gaejung]). [Elementary and Secondary Education Act. [Effective from April 25, 2024.] [Law No. 19740, October 24, 2023, Partial Amendment] // National Legal Information Center, The Republic of Korea. URL: <https://www.law.go.kr/법령/초·중등교육법> (accessed: 10.04.2025). (In Korean)

교사의 직무수행 변화 분석과 향후 과제. (Gyosae jinmusuhaeng byeonhwa bunseokgwa hyanghu gwaje). [Analysis of Changes in Teachers' Professional Activities and Future Tasks. Korea Educational Development Institute]. p. 86. URL: <https://www.kedi.re.kr/khome/main/research/selectPubForm.do?plNum0=14962> (accessed: 10.04.2025). (In Korean)

교원의 지위 향상 및 교육활동 보호를 위한 특별법. (Gyowone jiwi hyangsan mit gyoyukhwaldong bohoreul wihan teukbyeolbeop). [Special Act on Improving the Status of Teachers and Protecting Their Educational Activities]. National Legal Information Center, The Republic of Korea. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsId=000886&ancYnChk=0#0000> (accessed: 10.04.2025). (In Korean)

교육기본법. [시행 2024. 12. 20.] [법률 제20562호, 2024. 12. 20., 일부개정]. (Gyoyukgibonbeop [sihaeng 2024.12.20.] [beomnyul che20562ho, 2024. 12. 20., ilbu gaejung]). [Framework Act on Education. [Effective from December 20, 2024.] [Law No. 20562, December 20, 2024, Partial Amendment].

National Legal Information Center, The Republic of Korea. URL: <https://www.law.go.kr/법령/교육기본법> (accessed: 10.04.2025). (In Korean)

학교폭력예방 및 대책에 관한 법률 [시행 2025. 1. 21.] [법률 제20670호, 2025. 1. 21., 일부개정]. (Hakgyopongryeogyebang mit daechaeye gwanhan beomryul [sihaeng 2025. 1. 21.] [beomryul je20670ho, 2025. 1. 21., ilbugaejeong]). [School Violence Prevention and Countermeasures Act. [Effective from January 21, 2025.] [Law No. 20670, January 21, 2025, Partial Amendment] URL: <https://www.law.go.kr/법령/학교폭력예방및대책에관한법률> (accessed: 10.04.2025). (In Korean)

서울특별시 학생인권 조례. [시행 2019. 3. 28.] [서울특별시조례 제7011호, 2019. 3. 28., 타법개정]. (Seoulteukbyeolsi Haksaengin-gwon Jorye [Sihaeng 2019. 3. 28.] [Seoulteukbyeolsi Jorye Je7011ho, 2019. 3. 28., Tabeopgaejeong]). Seoul Metropolitan Government Student Rights Ordinance. [Effective March 28, 2019.] [Seoul Metropolitan Government Ordinance No. 7011, March 28, 2019, Amendment by Other Laws]. National Legal Information Center, The Republic of Korea. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/ordinInfoP.do?ordinSeq=1388897> (accessed: 10.04.2025). (In Korean)

염보아, 황의갑, 최선욱. 교권침해 실태와 영향요인에 대한 연구: 학부모의 인식을 중심으로. (Yeom, B.A., Hwang, U.G., Choi, S.O. (2018). Gyogwonchimhae siltaewa yeonghyangyoin-e daehan yeongu: Hakbumo-ui insig-eul jungsim-euro). [A Study on the Actual Conditions and Influencing Factors of Teacher's Rights Violations: Focusing on Parents' Perceptions]. 한국치안행정논집, 14(4), 165—190. URL: <https://www.kci.go.kr/kciportal/ci/sereArticleSearch/ciSereArtiView.kci?sereArticleSearchBean.artiId=ART002319528> (accessed: 10.04.2025). (In Korean)

Поступила в редакцию: 05.05.2025
Received: 05.05.2025

Принята к публикации: 05.06.2025
Accepted: 05.06.2025

В.В. Хатанзейская

Бьюла Бёрнс и её вклад в здоровье и образование: исследование работы канадской миссионерки в Корее

Аннотация. В начале XX в. миссионерская деятельность стала значимым аспектом не только религиозной жизни, но и социального, культурного и образовательного развития многих стран, включая Корею. В 1900-е годы произошла активизация миссионерской работы в связи с ростом движения «социального Евангелия», которое уделяло особое внимание социальным услугам, таким как образование и медицинское обслуживание, и канадские женщины-миссионерки сыграли одну из ключевых ролей в формировании новых социальных структур и внедрении образовательных инициатив. Благодаря пропаганде женщин-миссионерок в Корею собирались необходимые суммы для строительства школ, институтов, общежитий и больниц. Миссионерки способствовали повышению статуса женщин, в первую очередь за счет предоставления им возможности работать вне дома (большинство из них были так называемыми библейскими женщинами, мирянами-проповедниками, учителями и медсестрами) и обеспечили их образованием — то, что было почти невообразимо до конца XIX — начала XX в. в традиционной Корее. Особое внимание в нашем исследовании будет уделено деятельности одной из женщин-миссионерок того времени — Бьюле Вернон Бёрнс. В 1932 г. она была отправлена в Корею в качестве миссионера Объединенной церкви Канады, где проработала 42 года, из которых 35 лет она работала медсестрой и профессором, обучая корейских женщин и матерей.

Ключевые слова: канадские миссионеры, женщины-миссионерки, миссионеры в Корее, колониальная Корея, миссионерство, протестантизм, христианство в Корее.

Автор: Хатанзейская Виктория Васильевна, аспирант кафедры всеобщей истории Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, Архангельск, ул. Набережной Северной Двины, 17). ORCID: 0009-0006-6066-592X. Email: vvkhatan@mail.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Хатанзейская В.В. Бьюла Бёрнс и её вклад в здоровье и образование: исследование работы канадской миссионерки в Корее // Корееведение. 2025. № 2 (11). С. 33—40. DOI: 10.48647/ICCA.2025.19.17.005.

Hatanzeyskaya V.V.

Beulah Bourns and Her Contributions to Health and Education: A Study of a Canadian Missionary's Work in Korea

Abstract. At the beginning of the 20th century, missionary activity emerged as a significant force not only in religious life but also in the social, cultural, and educational development of many countries, including Korea. During the 1900s, the rise of the Social Gospel movement led to an expansion of missionary work, emphasizing social services

such as education and healthcare. Canadian women missionaries played a crucial role in shaping new social structures and promoting educational initiatives. Their efforts facilitated the raising of necessary funds within Korea for the construction of schools, institutes, dormitories, and hospitals. These missionary women contributed to the advancement of women's status, primarily by creating opportunities for them to work outside the home. Many served as biblical educators, lay preachers, teachers, and nurses. This study focuses on the work of one such missionary—Beulah Vernon Bourns—who was sent to Korea in 1932 by the United Church of Canada. Over a 42-year period, she dedicated 35 years to service as a nurse and educator, teaching Korean women and mothers.

Keywords: Canadian missionaries, women missionaries, missionaries in Korea, colonial Korea, missionary work, Protestantism, Christianity in Korea

Author: Viktoriya V. Hatanzeyskaya. PhD student of the Department of General History, Higher School of Social and Humanitarian Sciences and International Communication, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, 17 Naberezhnaya Severnoy Dviny Street). ORCID: 0009-0006-6066-592X. E-mail: vvkhatan@mail.ru

Conflict of Interests: The author declares the absence of the conflict of interests.

For citations: Hatanzeyskaya V.V. Byula Byrns i ye vklad v zdorovye i obrazovanie: issledovanie raboty kanadskoj missionerki v Koree [Beulah Bourns and her contribution to health and education: a study of the work of a canadian missionary in Korea] Korevedenie [Koreanology], 2025, 2 (11): 33—40. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.19.17.005.

Официальная миссия Канады в Корею открылась в 1898 г., этому предшествовало много событий, произошедших на полуострове. Начиная с 1888 г. канадские протестантские миссионеры вели свою деятельность в Корею в неофициальном статусе. Однако, лишь в 1898 г. пресвитерианская церковь Канады направила в Корею своего первого официального миссионера для основания миссии. В течение десятилетия с 1888 по 1898 г. десять канадцев, включая мужчин и женщин, прибыли в Корею в качестве христианских проповедников. Некоторые из них действовали независимо, в то время как другие были аффилированы с Американским миссионерским советом [Paik, L., 1987, с. 157].

Самым ранним сохранившимся источником о миссии Канады в Корею считается майский выпуск 1887 г. ежемесячного журнала колледжа Нокс в Торонто. В нем содержалась просьба канадского миссионера в Китае Дж. Гофорта о том, что в Корею также нужны миссионеры и просветители из Канады [Our treatment of Great trust, 1887, с. 25]. Наконец, его призывы привели к тому, что в начале 1888 г. было принято решение отправить в Корею миссионера, представляющего Ассоциацию молодых христиан (YMCA) университета Торонто. Им стал выпускник университета Дж. Гейл [Seven new missionaries, 1889, с. 105]. Помимо протестантских миссионеров в Корею прибывали медицинские работники. Первыми были доктор Р.А. Харди от университета Торонто, Уильямс Дж. Холл, назначенный от Совета иностранных миссий Объединенной церкви Канады, и Оливер Р. Эйвисон от Совета иностранных миссий пресвитерианской организации в Нью-Йорке [Yoo, Young-sik, 1996, с. 219].

Самым известным случаем в истории миссионерской деятельности в Корею является гибель преподобного Уильяма Джона Маккензи, независимого канад-

ского пресвитерианского миссионера, работавшего в церкви Сорэ, первой корейской протестантской церкви, основанной в 1884 г. [Oak, Sung-Deuk, 2013, с. 149]. Находившись долго под палящим солнцем и получив тепловой удар, Маккензи заболел либо малярией, либо тифом. Без квалифицированного медицинского обслуживания и ухода он стал бредить и сходить с ума. В итоге Маккензи покончил жизнь самоубийством [Foreign missions of the Presbyterian Church in Canada, 1899, с. 46]. После новостей о его смерти вопрос о возобновлении работы канадской миссии был передан пресвитериям Восточной Канады и затем Синоду Приморских провинций, где было решено открыть официальную миссию. В сентябре 1898 г. доктор Роберт и миссис Лена Гирсон, преподобный Руфус с миссис Эдит Фут и преподобный Дункан Макрей получили поручение отправиться в Сеул [Foreign missions of the Presbyterian Church in Canada, 1899, с. 48].

Жен первых официальных миссионеров можно считать первыми канадскими женщинами-миссионерками в Корее. Супруги предшественников, независимых миссионеров, в основном являлись домохозяйками, а некоторые работали медсестрами и не занимались проповеднической и преподавательской деятельностью. Эдит Фут, Эдит Макрэй и Лена Гирсон прибыли на полуостров вместе со своими мужьями, и, так же как они, были вдохновлены и настроены на преобразование жизни корейского народа. С начала работы миссии в Корее и до 1919 г. канадские миссионеры активно участвовали в социальной и политической жизни страны. Они не только занимались религиозной, образовательной деятельностью и медициной, но и оказывали значительную помощь в национально-освободительном движении, поддерживая корейских националистов в их борьбе за независимость и освобождение от японской оккупации [Kim-Cragg, D.A., 2020].

После 1920-х годов деятельность канадских миссионеров в пределах своих миссионерских станций в Северо-Восточной части Кореи (провинции Северный и Южный Хамгён) значительно сократилась. Это было обусловлено растущей самостоятельностью местных христиан и сложной политической ситуацией, в частности японской политикой колонизации. Многие корейцы начали самостоятельно развивать церковные структуры и активно участвовать в жизни своих общин, что уменьшило необходимость в иностранной миссионерской помощи [Park, Albert L., 2015, с. 131]. Тем не менее, несмотря на это снижение активности, отдельные канадские миссионеры продолжали свою работу в стране, стремясь способствовать развитию христианства и поддерживать местные церковные общины. Их усилия были направлены не только на духовное преображение, но и на улучшение социального положения корейцев. Важным аспектом их деятельности оставались женщины, которые играли ключевую роль в образовании и медицинской помощи, повышая тем самым уровень жизни корейского населения.

Женщины-миссионерки, которые составляли более половины миссионерского состава, прибывали в Корею в качестве домохозяек или профессиональных миссионеров. Посредством образования и медицинской работы, а не в качестве помощников мужчин-миссионеров, они посвятили себя возможности внести изменения в структуру сознания и жизни корейских женщин, и в то же время способствовали росту церкви в Корее.

В период с 1910 по 1927 г. двадцать две незамужние женщины-миссионерки были отправлены в Корею Комитетом по иностранным миссиям Объединенной церкви Канады (восточным и западным отделами). Большинство из них были учителями-евангелистами. В частности, Флоренс Мюррей и четыре дипломированные медсестры: Джесси Г. Уайтлоу, Мириам Фокс, Мод Маккиннон и Ада Сэнделл [Glover, F.J., 2018, с. 151]. Масштабная работа канадских женщин-миссионерок была развернута в пров. Хамгён в северо-восточной части Кореи и в Юго-Восточной Маньчжурии.

Гендерная динамика и ожидания свели роль женщины к «женской работе для женщин». Можно утверждать, что этот шаг сделал женщин-миссионерок гораздо более успешными на миссионерском поле, поскольку они использовали свои таланты для служения и обращения женщин и детей, вместо того чтобы распыляться, обращая мужчин в других областях [Cosmilla, J., 2021, с. 28].

На протяжении 1930-х годов медицинская работа оставалась важным аспектом миссии Объединенной церкви Канады в северной части Кореи. Роберт Грирсон, первый официальный канадский миссионер, прибывший на место в 1898 г., ушел в отставку со своего поста в Сонджине (совр. Кимчхек, КНДР) в середине 1930-х годов, после чего там уже больше не работали врачи-миссионеры. Причиной послужил серьёзный инцидент между миссионером и корейскими христианами. Он произошел после того, как доктор Грирсон ударил бывшего школьного учителя на почве методов ведения работы школы для мальчиков в Сонджине. Напряжение среди корейцев было настолько высоко, что вылилось в избиение доктора бандой корейцев в его собственной больнице, а также требование отстранения Грирсона от его миссионерских обязанностей. По итогу на специальном заседании Исполнительного совета пресвитерий, состоявшемся в апреле 1931 г., не только Грирсон, но и все миссионеры в Сонджине подали в отставку [Ion, Namish A., 1999, с. 61]. Однако Дональд Блэк и Флоренс Мюррей остались работать в больницах Лунцзиня (КНР) и Хамхына соответственно [Там же, с. 173]. Мюррей и Бьюла Вернон Бёрнс, медсестра из женского миссионерского общества Объединенной церкви Канады, продолжали работать в больнице Хамхына до июня 1942 г., когда они были репатриированы.

Родившаяся 28 марта 1906 г. в Хейвлоке, Нью-Брансуик, Канада, Бьюла была духовной опорой бедных и обездоленных людей. Она прожила среди них так много, что в Корее ее стали называть матерью Терезой [Chicago Korea Times]. Впервые она приехала в Корею в 1932 г. и оказала большое влияние на обучение медсестер в больнице Джехе в городах Хамхын и Ёнджон в Маньчжурии, в г. Хверёне пров. Северный Хамгён и уже в качестве директора по сестринскому делу в больнице Джехе в Хамхыне. В 1932 г. она возглавила подготовку медсестер в больнице на 50 пациентов, в то время как суперинтендант Ада Сэнделл ушла в отпуск. Медсестры, прошедшие обучение по сестринскому делу под ее началом, свидетельствовали о том, что они принимали клятву Найтингейл и чувствовали себя так, как будто они совершают таинство [Там же].

В 1933 г. она была направлена в небольшую больницу в Лунцзине, где занималась вопросами общественного здравоохранения и начала проявлять интерес к работе с матерями и младенцами. В течение шести лет она принимала участие в

разъездном служении в Хверёне, изучая язык и культуру, а также занимаясь целостным служением, включая общественное здравоохранение, обучение медсестер, а также ведя курсы для молодых матерей и курсы кулинарии и шитья [Famous Canadian women on the job]. Ее главной заботой было повышение уровня образования медсестер в Южной Корее. Так, она научила матерей и медсестер основам прикорма для маленьких детей, используя фасоль и соевые бобы: «Ребенку было три месяца, и девочка весила всего пять фунтов, когда была доставлена в клинику. Мать водила ее ко многим корейским врачам, и на маленьком теле было много шрамов от иглы и следы от распространения болезни, но ребенку становилось все хуже. «Пожалуйста, дайте мне лекарство!» — умоляла мать. «Ей нужны не лекарства, а еда» — отвечала я. «Сделай немного фасолевого молока, и корми ее таким образом. Один стакан фасоли на восемь стаканов воды. Вот как мы учим матерей делать молоко для своих детей!» [The Missionary Monthly, 1937, с. 540].

Приехав в эту страну, она столкнулась с множеством трудностей, включая давление со стороны японских властей, которые навязывали корейскому народу свои порядки и культуру. Несмотря на это, Бёрнс проявила невероятную стойкость и преданность своему делу. Для нее было важно не только проповедовать религию, но также и обучать корейских женщин медицине. Она понимала, что женщины играют важнейшую роль в сохранении здоровья семей и общин, а значит, их обучение могло существенно изменить жизнь корейских людей. Работа миссионерки охватывала весь диапазон медицинского ухода, от обучения основам гигиены до более сложных медицинских процедур. «Помощь и любовь к ребенку — верный путь для сердца матери; хотя многие невежественны и в Хверёне разговоры бесполезны, они [корейцы] все кажутся заинтересованными и из всех сил стараются усваивать свой урок месяц за месяцем. И лучше всего было осенью: куда бы мы ни пошли, мы видим, что благодаря этому практическому способу многие становятся христианами» [The Missionary Monthly, 1936, с. 295].

Совместно с другой известной медицинской работницей, Флоренс Мюррей, Бьюла Бёрнс продолжала свою работу, даже когда началась Вторая мировая война [The Missionary Monthly, 1942, с. 491]. Ситуация становилась все более напряженной, но это не остановило их служение. Они стали хранителями надежды для многих корейцев, которые чувствовали себя потерянными среди хаоса и страданий. Работая вместе, миссионерки не только обучали женщин, но и оказывали помощь всем нуждающимся, что сделало их настоящими героями в глазах местных жителей. Их подвиг и преданность своему делу остались в истории как яркий пример мужества и сострадания. Они показали, что даже в самые мрачные времена можно оставаться верным своим убеждениям и служить другим, и их работа в Корее вдохновляет новые поколения тех, кто стремится делать добро и помогать людям в трудных обстоятельствах. Бьюла Бёрнс вернулась в Канаду во время своего первого отпуска в 1938—1939 гг., в университете Манитобы изучала общественное здравоохранение и выступала на миссионерских встречах.

В 1939 г., во время Второй мировой войны, Ада Сэнделл временно приехала в Корею во время отпуска, но японские военные поместили ее под домашний арест на семь месяцев. Бьюла и доктор Мюррей также попали под домашний арест, но им позволили работать в соседней больнице. Канадские женщи-

ны-миссионерки были репатриированы в 1942 г. в рамках обмена военнопленными, Бёрнс вернулась на работу в объединенную церковную больницу в Британской Колумбии, где трудилась до конца войны.

Свои чувства и мысли перед отъездом из Кореи она описала в одной из статей в ежемесячном журнале «The Missionary Monthly», выпускавшемся отделом периодических изданий Женского миссионерского общества (Объединенная церковь Канады) с 1925 г. Бьюла писала: «Осенью 1940 г. многие из членов нашей миссии покинули поле боя. В то время у нас с доктором Мюррей не было никого, кто мог бы помочь нам остаться на наших местах. Кроме того, мы продолжали нашу работу, и на нашем пути было очень много препятствий. <...> В настоящее время в Корее не осталось ни одного миссионера. Мисс Сонг была оставлена вместо меня на попечение медсестер в надежде вскоре найти ей помощницу. Нельзя не похвалить ее за добродушие, профессиональные способности и прекрасный христианский характер. Мы молимся за нее и за всех христиан по всей Корее, чтобы они сохранили веру и терпение до конца» [The Missionary Monthly, 1942, с. 491].

В 1948 г., по специальной просьбе корейцев, она вернулась в Корею и взяла на себя обучение медсестер и другие обязанности в больнице Северанс в Сеуле. [Scott, W., 1975, с.172, с. 195]. Ее главной заботой по-прежнему было повышение уровня сестринского образования в Корее. Она была единственной западной женщиной и единственной канадкой, которая не покинула Сеул во время вторжения Северной Кореи. Она работала в лагерях беженцев, помогая эвакуировать сотни сирот и беженцев [Там же, с. 189].

В июле 1951 г. она переехала из Сеула в район Пусана и участвовала в создании там больницы Северанс. Бёрнс брала брошенных детей с редкими заболеваниями и заботилась о них, пока они не подрастут. В 1959 г. она стала пожизненным почетным членом Ассоциации выпускников медицинских сестер больницы общего профиля Виннипега, а в 1962 г. получила президентскую медаль Кореи за выдающуюся государственную службу. В 1974 г. она вышла на пенсию и вернулась домой в Манитобу. В честь нее названа часовня в больнице Северанс в Корее. Бьюла Вернон Бёрнс умерла в свой 84-й день рождения 28 марта 1990 г. Корейцы называли ее своим «голубоглазым ангелом» и забрали ее прах, чтобы похоронить на международном кладбище Янхваджим в Сеуле [Famous Canadian women on the job].

Постоянное стремление Бьюлы к образованию и улучшению медицинских услуг в Корее оказало значительное влияние на развитие в стране данной сферы. Её вклад в подготовку корейских медсестер не только способствовал повышению качества медицинской помощи, но и заложил основы для формирования в здравоохранении профессиональной элиты в здравоохранении. Бьюла Бёрнс внесла большой вклад в развитие медицины в Корее, способствуя не только обучению будущих специалистов, но и внедрению современных медицинских практик. Её работа вдохновила многих корейских женщин на изучение медицины и активное участие в жизни общества. Таким образом, наследие Бьюлы Бёрнс продолжает жить в сердцах тех, кто верит в силу образования и медицины как важнейших инструментов для улучшения жизни людей. Благодаря её усилиям медицинское сообщество Кореи стало более укрепленным и инновационным, что в конечном счете привело к значительному прогрессу в области здравоохранения в стране.

Библиографический список

Our treatment of Great trust / The Knox College monthly and Presbyterian magazine: Vol. 6, No. 1 (May 1887) / Library and Archives Canada.

Seven new missionaries / The Knox College monthly and Presbyterian magazine: Vol. 10, no. 2 (June 1889) / Library and Archives Canada.

Beulah Vernon Bourns // Famous Canadian women on the job. URL: <https://www.famouscanadianwomen.com/job/medical.htm>

Bourns, Beulah. Beans and Babies // The Missionary Monthly. Vol. XII, No. 12. December 1937. P. 540.

Bourns, Beulah. Better Baby Day // The Missionary Monthly. Vol. XI, No. 7. July 1936. P. 295.

Bourns, Beulah. Last Days in Korea // The Missionary Monthly. Vol. XVII, No. 11. November 1942. P. 491.

Cosmilla, Jeremy Lloyd O. Compassion and Service: The Roles of Two Female Missionary-Physicians in the Korean Mission of the Presbyterian Church of Canada (1898—1969) // Mount Royal Undergraduate Humanities Review. Vol. 6, 2021. P. 25—32.

Foreign missions of the Presbyterian Church in Canada. Halifax: Nova Scotia printing company, 1899. 51 p.

Glover, F. J. Dispatches from the Wilderness: A History of the Canadian Missionaries and Korean Protestants in Northern Korea and Manchuria, 1893—1928 (Doctoral thesis, University of Calgary, Calgary, Canada). 2018, 379 p.

Ion, Hamish A. The Cross in the Dark Valley: The Canadian Protestant Missionary Movement in the Japanese Empire, 1931—1945. Waterloo, Ont.: Wilfrid Laurier University Press: 1999. — 428 p.

Kim-Cragg, D.A. Nationalist missions, migrating christians: a postcolonial history of a canadian-korean church relationship and the transformation of the united church of Canada, 1898—1988 [Text] / PhD diss. thesis, University of Saskatchewan, 2020. 282 p.

Oak, Sung-Deuk. The making of Korean Christianity: Protestant encounters with Korean religions, 1876—1915 / Sung-Deuk Oak. Baylor University Press Waco, Texas, 2013. 437 p.

Paik, L.G. The history of Protestant missions in Korea, 1832—1910. Seoul : Yonsei univ. press, 1987—469 p.

Park, Albert L. A Heaven on Earth: Religion, Activism, and Protest in Japanese-Occupied Korea. Honolulu: University of Hawaii Press, 2015. — 307 p.

Scott, William. Canadians in Korea: Brief Historical Sketch of Canadian Mission Work in Korea, unpublished manuscript, 1975.

Yoo, Young-sik. The impact of Canadian missionaries in Korea: A historical survey of early Canadian mission work, 1888—1898 / Ph.D. Dissertation. Canada: University of Toronto, 1996. 499 p.

보은수 선교사 / 한국기독교사 게시판 (Миссионер Бо Ын Су / Бюллетень корейского христианского учителя). URL: <https://www.kich.org/bbs/view.html?idxno=4116>. (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

[한국을 사랑한 선교사 이야기 42] 블라 v. 번즈. [42-летняя корейская история миссионерской любви — Бьюла В. Бёрнс]. Chicago Korea Times. 04.16.2021. URL: <https://chicagokoreatimes.com/99111/한국을-사랑한-선교사-이야기-42-블라-v-번즈beulah-v-bourns/> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

References

Our treatment of Great trust / The Knox College monthly and Presbyterian magazine: Vol. 6, No. 1 (May 1887) / Library and Archives Canada.

Seven new missionaries / The Knox College monthly and Presbyterian magazine: Vol. 10, no. 2 (June 1889) / Library and Archives Canada.

Beulah Vernon Bourns // Famous Canadian women on the job. — URL: <https://www.famouscanadianwomen.com/job/medical.htm>

Bourns, Beulah. Beans and Babies // The Missionary Monthly. — Vol. XII, No. 12. December 1937. P. 540.

Bourns, Beulah. Better Baby Day // The Missionary Monthly. Vol. XI, No. 7. July 1936. P. 295.

Bourns, Beulah. Last Days in Korea // The Missionary Monthly. Vol. XVII, No. 11. November 1942. P. 491.

Cosmilla, Jeremy Lloyd O. Compassion and Service: The Roles of Two Female Missionary-Physicians in the Korean Mission of the Presbyterian Church of Canada (1898—1969) // Mount Royal Undergraduate Humanities Review. Vol. 6, 2021. P. 25—32.

Foreign missions of the Presbyterian Church in Canada. Halifax: Nova Scotia printing company, 1899. 51 p.

Glover, F. J. Dispatches from the Wilderness: A History of the Canadian Missionaries and Korean Protestants in Northern Korea and Manchuria, 1893—1928 (Doctoral thesis, University of Calgary, Calgary, Canada). 2018, 379 p.

Ion, Hamish A. The Cross in the Dark Valley: The Canadian Protestant Missionary Movement in the Japanese Empire, 1931—1945. Waterloo, Ont.: Wilfrid Laurier University Press: 1999. — 428 p.

Kim-Cragg, D.A. Nationalist missions, migrating christians: a postcolonial history of a canadian-korean church relationship and the transformation of the united church of Canada, 1898—1988 [Text] / PhD diss. thesis, University of Saskatchewan, 2020. — 282 p.

Oak, Sung-Deuk. The making of Korean Christianity: Protestant encounters with Korean religions, 1876—1915 / Sung-Deuk Oak. Baylor University Press Waco, Texas, 2013. 437 p.

Paik, L.G. The history of Protestant missions in Korea, 1832—1910. Seoul : Yonsei univ. press, 1987—469 p.

Park, Albert L. A Heaven on Earth: Religion, Activism, and Protest in Japanese-Occupied Korea. Honolulu: University of Hawaii Press, 2015. — 307 p.

Scott, William. Canadians in Korea: Brief Historical Sketch of Canadian Mission Work in Korea, unpublished manuscript, 1975.

Yoo, Young-sik. The impact of Canadian missionaries in Korea: A historical survey of early Canadian mission work, 1888—1898 / Ph.D. Dissertation. Canada: University of Toronto, 1996. 499 p.

보은수 선교사 / 한국기독교사 게시판. (Boeunsu seongyosa / hangukgidokgyosa gesipan). [Missionary Bo Eun-soo / Korean Christian History Bulletin Board]. URL: <https://www.kich.org/bbs/view.html?idxno=4116>. (accessed: 10.04.2025). (In Korean)

[한국을 사랑한 선교사 이야기 42] 불라 V. 번즈. (Hangugeul saranghan seongyosa iyagi 42. Byulla V. beonjeu). [Story of a Missionary Who Loved Korea 42. Byullah V. Burns.]. Chicago Korea Times. 04.16.2021. URL: <https://chicagokoreatimes.com/99111/한국을-사랑한-선교사-이야기-42-블라-v-번즈beulah-v-bourns/> (accessed: 10.04.2025). (In Korean)

Поступила в редакцию: 26.04.2025

Received: 26.04.2025

Принята к публикации: 05.06.2025

Accepted: 05.06.2025

Д.Н. Козлова

Перспективы развития отношений РК с Японией и США на современном этапе: анализ прогнозов южнокорейских экспертов

Аннотация. Данная статья посвящена анализу перспектив развития отношений Республики Корея с Японией и США в условиях политических изменений 2024—2025 гг., включая возвращение Дональда Трампа к власти в США и внутривнутриполитическую нестабильность в РК и Японии. Основная цель работы — оценить влияние этих факторов на двустороннее и трёхстороннее сотрудничество, а также изучить сценарии адаптации РК к транзакционной дипломатии США и перспективы дальнейшей институционализации альянса США—РК—Япония. В исследовании были использованы материалы южнокорейских аналитических центров (Институт Асан, EAI), научные публикации, а также публикации международных СМИ, официальные заявления правительств и материалы научных конференций. Особое внимание уделено работам, посвящённым стратегическим инициативам администрации Трампа, ядерной проблематике КНДР и политическим рискам для союзников США.

Выводы статьи указывают на двойной вызов для РК: необходимость адаптации к давлению США в условиях транзакционной дипломатии и поиск баланса между функциональным сотрудничеством с Японией и нерешёнными историческими спорами. Подчёркивается, что трёхсторонний альянс США—РК—Япония может утратить импульс из-за приоритета двусторонних отношений в политике Трампа и внутренних кризисов в РК и Японии. Сделан акцент на рисках эскалации напряжённости в случае отсутствия прогресса в вопросах исторической памяти, что ставит под сомнение долгосрочную устойчивость регионального партнёрства.

Ключевые слова: внешняя политика Республики Корея, транзакционная дипломатия, Кэмп-Дэвидский треугольник, международная безопасность, Азиатско-Тихоокеанский регион, принудительная гегемония, вакуум лидерства.

Автор: Козлова Дарья Николаевна, аспирант Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32).
ORCID: 0009-0008-1768-0790. E-mail: dn.kozlova@gmail.com

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Козлова Д.Н. Перспективы развития отношений РК с Японией и США на современном этапе: анализ прогнозов южнокорейских экспертов // Корееведение. 2025. № 2 (11). С. 41—60. DOI: 10.48647/ICCA.2025.19.36.006.

Kozlova D.N.

Prospects for the Development of Relations Between the Republic of Korea, Japan, and the United States at the Present Stage: An Analysis of Forecasts by South Korean Experts

Abstract. This article examines the prospects for the development of relations among the Republic of Korea (ROK), Japan, and the United States in the context of political shifts occurring in 2024–2025, including Donald Trump's return to power in the U.S. and domestic instability in both the ROK and Japan. The primary objective is to assess the impact of these developments on bilateral and trilateral cooperation, explore scenarios for the ROK's adaptation to U.S. transactional diplomacy, and analyze the potential for further institutionalization of the ROK-U.S.-Japan alliance. The study draws on materials from South Korean think tanks (such as the Asan Institute for Policy Studies and the East Asia Institute), academic publications, international media sources, official government statements, and data from academic conferences. Special attention is given to analyses of the Trump administration's strategic initiatives, North Korea's nuclear activities, and political risks confronting U.S. allies.

The findings highlight a dual challenge for the ROK: responding to U.S. pressure within a framework of transactional diplomacy while pursuing functional cooperation with Japan amid unresolved historical tensions. The article argues that the trilateral ROK-U.S.-Japan alliance may lose momentum due to Trump's preference for bilateral agreements and ongoing domestic crises in the ROK and Japan. It further emphasizes the risk of escalating tensions if progress on historical memory issues remains stalled, raising concerns about the long-term sustainability of regional partnerships.

Keywords: foreign policy of the Republic of Korea, transactional diplomacy, Camp David Triangle, international security, Asia-Pacific region, coercive hegemony, leadership vacuum.

Author: Kozlova N. Daria, PhD Student, Institute of China and Contemporary Asia, RAS. (Address: 117997, Moscow, Nakhimovskii pr., 32).
ORCID: 0009-0008-1768-0790. E-mail: dn.kozlova@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citations: Kozlova D.N. Perspektivy razvitiya otnoshenij RK s Japoniej i SShA na sovremennom jetape: analiz prognozov juzhnokorejskih jekspertov. [Prospects for the Development of Relations Between the Republic of Korea, Japan, and the United States at the Present Stage: An Analysis of Forecasts by South Korean Experts] // Koreevedenie [Koreanology], 2025, 2 (11). С. 41–60.
DOI: 10.48647/ICCA.2025.19.36.006.

Введение

В годы президентства Юн Сок Ёля сотрудничество Республики Корея (РК) с США и Японией вышло на принципиально новый уровень: были заложены институциональные основы трехстороннего союза, расширены межправительственные контакты, активизировались связи на высшем и высоком уровнях. Кроме того, состоялся первый с 2012 г. полноформатный саммит РК—Япония, а взаимодействие Сеула и Токио, не взирая на остающиеся проблемы исторической памяти, вышло за рамки реагирования на возможные угрозы со стороны

Северной Кореи и стало распространяться на такие сферы, как региональная безопасность и военное сотрудничество.

В 2025 г. исполняется ровно 60 лет с момента нормализации отношений между РК и Японией. В свете недавнего потепления между Сеулом и Токио в южнокорейской академической среде открыто декларировалось, что в 2025 г. будет «открыта новая эра в отношениях двух стран». Однако после ухода лидеров, которые были движущей силой и корейско-японских связей, и союза РК—Япония—США, таким оптимистичным прогнозам, судя по всему, уже не суждено сбыться.

С другой стороны, в условиях нарастания общей напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) РК и Япония даже после смены правительств могут пойти на дальнейшее развитие сотрудничества и институционализацию альянса. Логику подобных действий можно объяснить с точки зрения теории «перспектива—угроза», предложенной Кай Хе и Хуэйюнь Фэн. Они объединили теорию баланса угроз Стивена Уолта и теорию перспектив Даниэля Канемана и Амоса Тверски и пришли к выводу, что в условиях неопределенности, когда политики, находящиеся у власти, берут в расчет не только текущие угрозы, но и возможные будущие, политические элиты чувствуют большие риски, а значит — с большей готовностью пойдут на заключение альянсов и ограничение свободы своих действий в обмен на потенциальную помощь от союзников [He K., Feng H., 240—241].

И здесь интересно проследить, какие прогнозы в отношении развития двусторонних связей с Японией и США, а также тройственного альянса США—РК—Япония на текущем этапе делают южнокорейские эксперты и специалисты аналитических центров и какие стратегии действий они предлагают: склоняются ли они к тому, что тенденция к укреплению альянса ослабнет после смены власти в трёх странах либо, напротив, в условиях когнитивной угрозы политические лидеры в РК и Японии могут пойти на дальнейшее ограничение своего суверенитета? В ходе подготовки этой статьи были проанализированы идеи и выводы, предложенные в научных публикациях и в ходе научных конференций в течение последних месяцев, т. е. с момента, когда стало ясно, что все три политические силы и все главы государств, инициировавшие создание «кэмп-дэвидского треугольника», отходят или уже отошли от власти.

Перспективы развития отношений с США в период президентства Трампа

С возвращением в Белый дом Дональда Трампа внешнюю политику США в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) ждут большие изменения. Южнокорейский эксперт в сфере военной стратегии Ян Ук пишет о том, что победа Трампа на выборах стала «сигналом сейсмического сдвига в ландшафте международной безопасности» [Yang Uk, 2025]. Очевидно, что существенной корректировке подвергнется и стратегия Южной Кореи, но главный вопрос, конечно, — как именно.

В южнокорейской академической среде сейчас всё чаще и смелее обсуждается тезис о том, что мир вступает в новую эпоху, когда американское лидерство наиболее слабо. Профессор университета Сонгюнган Ли Сук Чон пишет об «ослаблении западного демократического лидерства». Источник этого, по ее словам, кроется в крахе внутренней демократии и внешнего лидерства в тех странах, которые обеспечивали либеральный порядок [Ли Сук Чон, 2025]. Профессор Сеульского университета Чон Чжэ Сон заявляет следующее: «После 30 лет однополярной гегемонии мощь Америки исчерпана, а обеспокоенность и отвращение американского народа к проекту единой гегемонии почти достигли своего пика» [Чон Джэ Сон, 2025].

В этой ситуации южнокорейские эксперты анализируют два возможных сценария развития событий.

1. США переходят к стратегии принудительной гегемонии. В этом сценарии Вашингтон не отказывается от претензии на глобальное лидерство, но издержки и бремя этого лидерства всё больше перекладываются на его союзников. В этом случае основное внимание РК должно быть сосредоточено на том, как максимизировать свою прибыль от сотрудничества с США, чтобы покрыть возросшие издержки.

2. США будут придерживаться умеренной стратегии великой державы и неизбежно согласятся с переходом к многополярной системе. В этом случае РК ждут куда более ощутимые перемены. Сеулу нужно будет попытаться выработать более реалистичный дипломатический курс, ориентированный прежде всего на достижении целей национального развития страны.

В случае реализации первого сценария возникает вопрос о цене сотрудничества с США. В частности, Чон Чжэ Сон пишет о том, что Штатам на текущем этапе приходится переходить к принудительной гегемонии. Раньше США, вне зависимости от периодических изменений в своей внешнеполитической стратегии, «гарантировали основу для безопасности своих союзников посредством альянсов и получали взамен экономические уступки». Сейчас, если Вашингтон намерен заставить своих союзников платить большую цену и вносить больший вклад в безопасность, расходы его партнеров существенно возрастут. В свою очередь, последние будут уже не ориентироваться на ряд преимуществ от альянса с США, а оценивать стоимость издержек от него и стоимость отказа от тех преимуществ, которые Штаты предоставили им как гегемон [Чон Джэ Сон, 2025].

При этом к процессу переговоров с США РК придется подходить с принципиально иной позиции — с учетом политической тактики Трампа. Ядром внешней политики президента США является транзакционная дипломатия, которая в южнокорейской литературе переводится как «дипломатия сделок» (거래적 외교)¹. Трамп достигает своих целей путем «соглашений с врагами и оказания давления

¹ Под транзакционной дипломатией понимается прагматичный подход к международным отношениям, который ставит во главу угла не общие принципы отношений или долгосрочные союзы, а конкретные соглашения, сделки и обмены. В отличие от традиционных дипломатических методов, которые делают упор на нормы и институты и укрепление доверия, транзакционная дипломатия часто проводится посредством переговоров, которые фокусируются на получении немедленной и ощутимой выгоды.

на союзников». И возникает вопрос, что именно при такой «дипломатии сделок» может приобрести РК и что она может предложить США, чтобы повысить свою стратегическую ценность как союзника? Иными словами, все отношения с США начинают рассматриваться в формате торга, где на одной чаше весов — список того, что РК хочет получить от Штатов, а на другой — то, что РК готова предложить.

Участие в диалоге США—КНДР

Главное, чем сейчас озабочены и дипломаты, и эксперты в Южной Корее, — это возможность новой серии контактов США и КНДР на высшем уровне, в ходе которых Сеул оставят «за бортом», и южнокорейцам придётся наблюдать за этим процессом со стороны. Большой резонанс в южнокорейской среде вызвала статья, опубликованная в New York Times главой аналитического центра Silverado Policy Accelerator Дмитрием Альперовичем и профессором Школы передовых международных исследований имени Джонса Хопкинса Сергеем Радченко о том, что США следует стремиться к всеобъемлющему мирному соглашению с КНДР и искать стратегический компромисс, основанный на замораживании ядерной программы при сохранении ядерного статуса и ядерного оружия КНДР. Как было заявлено в этой статье, именно Северная Корея является «самым слабым звеном, к которому Соединённые Штаты могут обратиться, чтобы ослабить <...> ось КНР—Россия—КНДР—Иран» [Alperovitch D., Radchenko S., 2024]. И ожидается южнокорейские эксперты опасаются, что Трамп, следуя своему «одностороннему» стилю дипломатии, может обойти «ключевых заинтересованных лиц», под которыми, разумеется, подразумевают Южную Корею. Эта проблема была одной из ключевых в ходе научной конференции, организованной в декабре Институтом Brookings. Южнокорейские эксперты сошлись во мнении, что такая политика Трампа может подорвать интересы безопасности РК и будет «потворствовать ядерному потенциалу КНДР»¹. Поэтому цель дипломатии в отношении США они видят в том, чтобы Южная Корея была непосредственным участником как разработки стратегии в отношении КНДР, так и самого переговорного процесса. Вспоминают южнокорейские эксперты и о том, что в 2018 г. (после саммита США—КНДР в Сингапуре) Трамп объявил о приостановке совместных учений с РК в одностороннем порядке, без консультаций с Южной Кореей. «Трудно предсказать, какими будут последствия, если он (Трамп. — *Прим. авт.*) снова встретится с Ким Чен Ыном», — заключает Чхве Кан, президент Института политических исследований Асан [Choi Kang, 2025].

Впрочем, пока, за исключением резонансного заявления Дональда Трампа, в котором он назвал КНДР ядерной державой, в официальном дипломатическом поле не было никаких явных признаков радикальных изменений подхода США к северокорейскому вопросу. А 15 февраля 2025 г. на полях конференции в Мюнхене состоялась трехсторонняя встреча главы Госдепартамента и министров ино-

¹ The Future of Alliances, Partnerships, and the Indo-Pacific Regional Order // EAI-Brookings Conference. Commentary/Issue Briefing. 02.12.2024. URL: https://www.eai.or.kr/new/en/pub/view.asp?intSeq=22809&board=eng_issuebriefing%27,%27eng_workingpaper%27,%27eng_special%27,%27eng_multimedia&keyword_option=&keyword=&more= (accessed: 03.12.2024).

странных дел РК и Японии, на которой дипломаты в очередной раз подтвердили своё стремление к «полной денуклеаризации КНДР в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН»¹.

Возвращение ядерного оружия на территорию РК

Еще одна цель, которую ставит перед собой РК, — добиться возвращения ядерного оружия на юг Корейского полуострова. В 1991 г. США вывели тактическое ядерное оружие с территории РК (правда, без какой-либо независимой верификации этого процесса). И сейчас всё чаще и на уровне политиков (в том числе высших должностных лиц), и на уровне экспертов выдвигаются предложения о «передислокации 20—30 единиц ядерного тактического оружия» на юг полуострова. Это якобы необходимо для сдерживания КНДР, поскольку «невидимые американские атомные подводные лодки или атомные авианосцы не могут служить политическим оружием» [Choi Kang, 2025]. Более того, утверждается, что ядерное вооружение на территории Южной Кореи в конечном итоге не нанесёт ущерба отношениям военного сотрудничества между РК и США, а, скорее, может оказаться полезным и что оно не обязательно ослабит глобальную денуклеаризацию и расширенную систему ядерного сдерживания [Robert E. Kelly, Min-hyung Kim, 2024]. Также проводится мысль о том, что «передислокация ядерного оружия» должна предшествовать возобновлению переговоров с КНДР [Choi Kang, 2025].

Сотрудничество в сфере кораблестроения

Для того чтобы «выбить себе место за переговорным столом», в Южной Корее выдвигаются идеи о том, что именно РК может предложить США взамен (опять же в логике транзакционной дипломатии и «политики сделок» Трампа). В частности, продвигается инициатива укрепления сотрудничества с Вашингтоном в сфере ВПК. Во время первого срока Трамп поставил цель построить флот из 350 кораблей, но не смог достичь этого из-за нехватки бюджета и ограниченных судостроительных мощностей американской промышленности. Южнокорейские эксперты высказывают предложение, что РК могла бы обеспечить техническое обслуживание и строительство новых кораблей ВМС США. И, таким образом, Южная Корея могла бы зарекомендовать себя как союзника в сфере ВПК и повысить свою стратегическую значимость для США [Yang Uk, 2025].

Безусловно, не возникает сомнений, что мощности южнокорейского судостроения представляют большой интерес для США. Согласно выводам Clarksons Research, доля РК на мировом рынке судостроения составляет 28 % (второе место сразу после КНР с 53 %)². И уже в ходе первого телефонного разговора Юн Сок Ёля и Дональда Трампа президент США заявил, что Со-

¹ Joint Statement on the Trilateral United States — Japan — Republic of Korea Meeting in Munich. US Department of State. 15.02.2025. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-the-trilateral-united-states-japan-republic-of-korea-meeting-in-munich/> (accessed: 09.03.2025).

² Clarksons 2024 Global Shipbuilding Review reveals largest order intake for 17 years // Ship Management. 09.01.2025. URL: <https://shipmanagementinternational.com/clarksons-2024-global-shipbuilding-review-reveals-largest-order-intake-for-17-years/> (accessed: 25.02.2025).

единённые Штаты стремятся сотрудничать с РК в судостроительной промышленности, особенно в военном судостроении, экспорте, ремонте и техническом обслуживании.

Тем не менее весьма маловероятно, что подобное сотрудничество может быть использовано для того, чтобы выторговать место для Сеула за столом американо-северокорейских переговоров. Южная Корея сама заинтересована в строительстве и поставках кораблей для американского ВПК. Более того, в 2024 г. конгломерат Hanwha Group уже приобрел Philly Shipyard в Филадельфии, что ознаменовало выход РК на судостроительный рынок США [Kap Nyeong-woo, 2025]. На данном этапе развитие сотрудничества в этой сфере имеет для Сеула ничуть не меньшее значение, чем для Вашингтона. И вряд ли оно окажется под угрозой в случае, если Трамп не пойдет на какие-либо уступки южнокорейцам в сфере дипломатии.

Более того, опыт дипломатии администрации Трампа, в том числе в ходе переговоров по разрешению украинского кризиса, ясно показывает, что Белый дом на текущем этапе стремится к прямым двусторонним контактам, без вовлечения третьих сторон. Нет оснований полагать, что в случае возобновления диалога с КНДР Соединённые Штаты будут делать исключение для Южной Кореи.

Отправка военных за рубеж

Пишут и о втором «рычаге» для возможного торга РК с США. Высказывается предположение, что в рамках расширения альянса со Штатами Южная Корея может предложить задействовать свои войска (например, как предлагает Ян Ук, международные резервные силы поддержки мира Командования специальных операций армии РК¹, 2-ю дивизию быстрого реагирования или Корпус морской пехоты РК) в качестве сил быстрого реагирования (QRF) в ИТР. Проводится мысль о том, что именно благодаря своим военным возможностям РК может представлять большую стратегическую ценность для США, чем Япония [Yang Uk, 2025].

Впрочем, возникают сомнения как в том, что Трамп будет заинтересован в наращивании именно военного присутствия в ИТР (а не сосредоточится полностью на экономических методах борьбы), так и в том, что в случае реального конфликта (вокруг Тайваня или спорных территорий в Южно-Китайском море) РК будет действительно готова задействовать свои силы для противостояния, а не просто для демонстрации политики сдерживания и приверженности своим союзническим обязательствам.

Перспективы транзакционной дипломатии в сфере экономики

На основе транзакционного подхода будет строиться и экономическая политика Трампа. И здесь в РК возникают опасения, что новый президент США будет использовать южнокорейскую экономику в качестве «денежной машины» и будет применять в том числе и тактику публичного давления. Такие опасения усилились после обращения Трампа к Конгрессу, в котором корейцы обратили

¹ International Peace Supporting Standby Force (국제 평화 지원단) / Onnuri Unit (Korean: 온누리 부대).

внимания на два момента. Во-первых, глава Белого дома заявил, что Япония, Южная Корея и другие страны хотят стать партнерами в строительстве гигантского газопровода на Аляске «с инвестициями в триллионы долларов каждая»¹. В ответ на такое заявление южнокорейские СМИ аккуратно предложили, что слово «каждая» Трамп добавил просто от себя в качестве импровизации, а сумма в триллион не отражает реальные расчеты, а появилась исключительно в логике «уникального закона преувеличения президента Трампа» [Чхве Сын Чжин, Син Ю Гён, 2025]. Такая реакция корейских СМИ показывает как шок южнокорейцев от подобных заявлений Трампа, так и их нежелание, вопреки резким действиям нового американского лидера, портить отношения с США. Ведь Трамп, по сути, в одностороннем порядке заявил о финансовых обязательствах своего союзника, так как окончательное решение об участии РК в этом проекте принято до сих пор не было. Второй момент в речи Трампа, который вызвал беспокойство в Сеуле, — это заявление о том, что РК (наряду с КНР) якобы вводит несправедливые тарифы на американские товары, и таможенные пошлины в РК в четыре раза выше, чем в США². Однако большая часть торговли между США и РК ведётся в рамках Договора о свободной торговле: в соответствии с ним Сеул отменил тарифы более чем на 99 % американских товаров. Так что в РК заявление главы Белого дома о «несправедливых» пошлинах не могли расценить иначе, как очередной сигнал грядущего ужесточения тарифной политики США. Впрочем, в РК раздаются предложения применить транзакционный подход и в сфере экономических отношений с Трампом: в частности, использовать возможное свое участие в проекте по строительству газопровода на Аляске как потенциальный козырь в переговорах с США по таможенным тарифам [Jo He-rim, 2025].

Перспективы «кэмп-дэвидского треугольника»

Наследием эпохи Байдена в ИТР стало создание сети минилатеральных альянсов и продвижение межрегиональных международных объединений, а также интеграция их в новую «решётчатую» региональную архитектуру безопасности. В июне 2024 г. на тот момент глава Пентагона Ллойд Остин охарактеризовал усилия администрации Байдена как стремление построить «новую конвергенцию» пересекающихся и взаимодополняющих институтов безопасности. В числе главных «флагманских» достижений американский министр назвал трехстороннее оборонное сотрудничество США—РК—Япония, партнерство AUKUS по атомным подводным лодкам, интегрированное сотрудничество в области ПВО и ПРО с Австралией и Японией, а также Quad [Lloyd J., 2024]. В течение 2024 г. также были предприняты усилия для расширения сотрудничества AUKUS Pillar 2 по

¹ Remarks by President Trump in Joint Address to Congress // The White House. 06.03.2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/remarks/2025/03/remarks-by-president-trump-in-joint-address-to-congress/> (accessed: 09.03.2025).

² Там же.

передовым военным возможностям с целью включения Японии, РК и, возможно, Канады и Новой Зеландии¹.

Тем не менее есть основания полагать, что при Трампе формируемая сеть альянсов под эгидой США подвергнется серьезному пересмотру. В частности, такая точка зрения была преобладающей на научной конференции, прошедшей 22 ноября 2024 г. и организованной совместно Институтом Брукинга и Институтом Восточной Азии (EAI). Чон Чжэ Сон в своей статье, посвященной «стратегии трэмпизма», подчеркивает, что ядром внешней политики Дональда Трампа является «односторонняя, а не многосторонняя внешняя политика и максимизация американских национальных интересов посредством транзакционной дипломатии, а не широкой дипломатии, основанной на правилах» [Чон Джэ Сон, 2025]. В связи с этим высказываются предположения, что сеть альянсов в АТР может быть перестроена в более транзакционном ключе, т. е. с ориентацией на двустороннее партнерство в конкретных сферах. Пренебрежительное отношение Трампа к многосторонним форматам и возвращение к стратегии America First могут привести к тому, что интеграционные процессы в АТР под эгидой США будут поставлены на паузу. Это касается в том числе и «кэмп-дэвидского треугольника». Практически все южнокорейские эксперты соглашались, что в ближайшие четыре года не стоит ждать прорыва по линии трехстороннего взаимодействия США—РК—Япония. «Отсутствие устойчивого лидерства США может ослабить институционализацию трехстороннего сотрудничества», — к такому выводу приходят в EAI². В такой ситуации будущее трехстороннего альянса, как полагают в Институте Асан, окажется в зависимости от действий РК и Японии, которым придется взять на себя инициативу по продвижению сотрудничества в области безопасности и определению конкретных механизмов взаимодействия³.

За первые два месяца президентства Трампа состоялась одна трехсторонняя встреча глав дипломатии США, РК и Японии — на полях конференции в Мюнхене. По итогам этих переговоров министры подчеркнули «необходимость укрепления альянсов для обеспечения мира и процветания, в том числе посредством прочного сотрудничества в сфере безопасности между тремя странами». США также подтвердили свои «непоколебимые обязательства» по защите своих союзников, Японии и Южной Кореи, «подкрепленные непревзойденной военной мощью Америки, включая ее ядерный потенциал»⁴. Однако ничего принципиально нового для укрепления трехстороннего альянса в этом пресс-релизе заявлено не

¹ Asan International Security Outlook 2025 // The Asan Institute for Policy Studies. 18.01.2025. P. 40. URL: <https://en.asaninst.org/contents/asan-international-security-outlook-2025/> (accessed: 27.02.2025).

² The Future of Alliances, Partnerships, and the Indo-Pacific Regional Order. // EAI-Brookings Conference. Commentary-Issue Briefing. Edited by: Jisoo Park. EIA. 02.12. 2024. URL: https://www.eai.or.kr/new/en/pub/view.asp?intSeq=22809&board=eng_issuebriefing%27,%27eng_workingpaper%27,%27eng_special%27,%27eng_multimedia&keyword_option=&keyword=&more= (accessed: 03.12.2024).

³ Asan International Security Outlook 2025 // The Asan Institute for Policy Studies. 18.01.2025. P. 41—42. URL: <https://en.asaninst.org/contents/asan-international-security-outlook-2025/> (accessed: 27.02.2025).

⁴ Joint Statement on the Trilateral United States — Japan — Republic of Korea Meeting in Munich // US Department of State. 15.02.2025. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-the-trilateral-united-states-japan-republic-of-korea-meeting-in-munich/> (accessed: 09.03.2025).

было, как и не были обозначены дальнейшие практические шаги для возможно-го развития сотрудничества. Единственные «новшества» в этом пресс-релизе касаются формулировок в отношении Тайваня: впервые на уровне трёх стран было заявлено о поддержке его участия в «приемлемых» (appropriate) международных организациях; также стороны выступили против изменения статус-кво в Тайваньском проливе. Раньше такие формулировки содержались исключительно в заявлениях американской стороны¹. Теперь США, видимо, «подгоняют» официальные позиции своих ключевых союзников под свои собственные.

В РК высказываются слабые надежды, что Трамп может и пересмотреть свое скептическое отношение к многосторонним форматам. Поскольку, *во-первых*, может признать ценность такого минилатерального и межрегионального сотрудничества как инструмента распределения бремени (в случае снижения бремени США и увеличении вклада союзников. Это как раз тот вариант, который соответствует приоритетам политики Трампа². А *во-вторых*, Трамп может пересмотреть свой подход в контексте объединения сил союзников для противостояния Китаю. Но остается неясным, почему именно на этом направлении он должен отдать предпочтение многосторонним форматам, а не двусторонним транзакционным обязательствам.

Также среди южнокорейских экспертов высказываются предположения, что замедлить темпы развития трехстороннего сотрудничества может и Китай, который в условиях протекционистской политики Трампа сделает ставку на «поиск трещин внутри коалиции США—РК—Япония» и расширение экономических связей со своими соседями по региону (РК и Японией) в надежде нивелировать последствия тарифной войны Трампа³. Это, в свою очередь, может ослабить на ближайшие годы стремление РК и Японии проявлять инициативу к дальнейшей институционализации «треугольника» под эгидой США.

В любом случае, очевидно, что динамика развития трехстороннего союза в ближайшие годы столкнется с существенными трудностями. И не только из-за снижения инициативы со стороны администрации Трампа и нежелания Вашингтона инвестировать значительные ресурсы в многосторонние соглашения о безопасности, но и вследствие внутренних проблем в РК и Японии, а также отсутствия политической и военной необходимости брать на себя *большие* союзнические обязательства. И у РК, и у Японии сейчас нет практической потребности в институционализации военно-политического союза.

¹ В документах, принятых в Кэмп-Дэвиде в августе 2023 г. («Принципы Кэмп-Дэвида» и «Дух Кэмп-Дэвида») говорилось лишь о «важности мира и стабильности в районе Тайваньского пролива как неотъемлемого элемента безопасности и процветания в международном сообществе», «неизменности основных позиций по Тайваню» и приверженности «мирному решению проблем, связанных с районом Тайваньского пролива». Но не было заявлено ничего, связанного с возможностью участия Тайваня в международных организациях и поддержании статус-кво в регионе.

² Asan International Security Outlook 2025 // The Asan Institute for Policy Studies. 18.01.2025. P. 65. URL: <https://en.asaninst.org/contents/asan-international-security-outlook-2025/> (accessed: 27.02.2025).

³ Ibid. P. 77.

Перспективы развития отношений с Японией

В ближайшей перспективе политика Японии, скорее всего, будет продиктована необходимостью реагировать на возникающие угрозы как в сфере внутренней политики и национальной экономики, так и в сфере международных отношений. Среди них — рост расходов на размещение американских войск в Японии, а также стратегические риски, связанные с протекционистской экономической политикой Трампа и введением пошлин. Но обращает на себя внимание вывод, который из этого делают южнокорейские эксперты. Так, директор Института Восточной Азии и профессор университета Ёнсе Сон Ёль полагают, что риски, связанные с президентством Трампа, создают одинаковые проблемы и для Японии, и для РК. А значит, обе страны окажутся в «одной лодке»: они имеют положительное сальдо торгового баланса с США, что делает их целями для будущих тарифных мер администрации Трампа. Ситуация, с точки зрения Сон Ёля, в ближайшие годы может создать атмосферу для дальнейшей активизации связей Сеула и Токио и стать драйвером расширения и упрочения двусторонних отношений. Кроме того, отмечается, что для РК отношения с Японией будут иметь высокую стратегическую ценность и с точки зрения экономической безопасности и технологий, поскольку традиционные экономические связи Юга с Китаем серьезно пострадали в результате политики сдерживания [Sohn Yul, 2025]. Также не исключено, что протекционистская политика Трампа может привести к активизации трёхстороннего сотрудничества уже в формате КНР—РК—Япония. Так, в докладе Института Асан анализируется прогноз, согласно которому Китай в 2025 г. может «продолжить демонстрировать свою приверженность восстановлению отношений сотрудничества с Южной Кореей на фоне потенциального всплеска споров в альянсе Южная Корея—США» и будет «стремиться улучшить отношения с союзниками США в регионе, чтобы оживить свою экономику и ослабить антикитайскую коалицию во главе с США»¹.

В сфере развития отношений с Японией южнокорейские эксперты в перспективе нескольких лет предлагают сосредоточиться на последовательной работе по трем направлениям:

- расширение функционального сотрудничества в области безопасности и экономики;
- создание «атмосферы примирения» для работы над разрешением исторических споров;
- обеспечение синхронности двух обозначенных выше процессов: разрешение исторических противоречий и расширение сотрудничества в практических областях должны идти параллельно.

В дипломатическом плане южнокорейские эксперты видят задачу в продолжении челночной дипломатии между лидерами РК и Японии, в регуляризации саммитов РК—Япония, США—РК—Япония и РК—Япония—Китай, а также в

¹ Asan International Security Outlook 2025. The Asan Institute for Policy Studies. 18.01.2025. P. 75—76. URL: <https://en.asaninst.org/contents/asan-international-security-outlook-2025/> (accessed: 27.02.2025).

расширении сотрудничества РК—Япония через партнеров по Индо-Тихоокеанской четверке (IP4: РК, Австралия, Япония и Новая Зеландия)¹.

Тем не менее последовательная реализация этих дипломатических целей и развитие отношений двух стран сейчас оказываются полностью зависимыми от внутриполитической повестки, а именно — от способности политической элиты РК и Японии удержать власть и принимать решения, ориентированные на будущее.

«Вакуум лидерства» в РК

Ситуацию, которая в текущий момент сложилась в РК, можно охарактеризовать как «вакуум лидерства». Объявление президентом Юн Сок Ёлем военного положения южнокорейские эксперты рассматривают не просто как «анахроничное решение конкретного человека», но и как демонстрацию «экстремального конфликта и раскола в корейской политике», а также «крайней поляризации и конфронтации между политическими силами» РК [Sohn Yul, 2025]. Это привело не только к отстранению президента от власти, но и к системному «политическому параличу», который на данном этапе делает невозможной разработку политической линии. Прежде всего потому, что неясно, кому нужно разрабатывать эту стратегию и кому в итоге ее придется реализовывать.

Проблема заключается и в том, что поляризация корейской политики выходит за рамки борьбы за общественное мнение и голоса избирателей и напрямую мешает выработке разумной внешней политики. Дипломатия становится заложницей внутриполитических распрей. Особенно очевидно это на примере Японии. Более того, партийные разногласия в последние годы лишь усиливаются. Если в 2022 г., по данным исследования EAI, разрыв между политиками-консерваторами и демократами в оценке действий в отношении Японии составлял 2—6 %, то в 2023 г. он вырос до 12, а в 2024 г. — до 23 % [Sohn Yul, 2025].

«Вакуум лидерства» в Японии

Другой фактор, который необходимо учитывать при прогнозировании отношений РК и Японии, — это внутриполитическая нестабильность последней и шаткость положения кабинета Сигэру Исибы, о чем в открытую заявляет и сам глава японского правительства. Администрация Исибы, проиграв выборы в Палату представителей в октябре 2024 г. и не дотянув до большинства 22 места, впервые за 30 лет стала партией меньшинства и оказалась в ситуации, когда ей необходимо было расширять свою коалицию с оппозиционными партиями. С тех пор как либерал-демократы вернули себе власть в 2012 г., это первый случай, когда им не удалось получить большинство, даже в коалиции с партией Комэйто. Более того, в июле 2025 г. администрация Исибы вновь окажется под угрозой из-за выборов в Палату советников. И скорее всего, именно исход этого голосования определит, удержится ли у власти кабинет Сигэру Исибы.

Как отмечает профессор университета Ёнсе Ким Сон Чжо, проблемы кабинета Исибы — лишь частное проявление большой структурной проблемы в японской политике, а именно усталости от однопартийного превосходства либе-

¹ Там же. С.89.

рал-демократов. Она дошла до такой степени, что не сработал даже традиционный прием «псевдосмены режима», когда на должность премьера назначается человек из фракции меньшинства [Ким Сон Чжо, 2024] (Сигэру Исибу часто называли «оппозицией в рядах правящей партии»). Тем не менее политическая элита Японии ждет от кабинета Исибы в первую очередь консервативности и стабильности, а не реформ. Скорее всего, он не представит видение экономической, внутривластной или внешней политики, принципиально отличное от видения администрации Фумио Кисида. Именно эта консервативность в условиях, когда назрела необходимость для реформ, и создает «риск лидерства» в Японии, который также может стать дестабилизирующим фактором для корейско-японских отношений.

Крайнюю осторожность и консервативность кабинета Сигэру Исибы отмечают и эксперты Института политических исследований Асан. В ежегодном докладе аналитического центра, посвященном международной ситуации, они обратили внимание на инаугурационную речь Исибы, где он аккуратно избежал упоминания двух ключевых вопросов, имеющих центральное значение для его политической карьеры: создания азиатской версии НАТО и пересмотра Договора о безопасности и Соглашения о статусе сил между США и Японией. Это, скорее всего, можно рассматривать как свидетельство намерения Исибы сохранить текущую политику Японии и не вносить какие-либо существенные изменения в основы отношений с США¹.

Вопросы компенсаций жертвам принудительного труда

Безусловно, говоря о будущем отношений РК и Японии, нельзя оставить в стороне и вопросы исторической памяти, а также их возможное влияние на сферу политики. В 2023 г., во время подготовки к саммиту РК—Япония в Токио, власти Южной Кореи пошли на односторонние уступки и в качестве жеста доброй воли приступили к урегулированию многолетнего спора о компенсациях жертвам принудительного труда в годы японской колонизации. Этот шаг ознаменовал собой поворот в 2023—2024 гг. в отношениях двух стран. Однако даже спустя два года после вынесения вердикта Верховным судом РК дискуссии о его исторической справедливости и юридической обоснованности не прекращаются. Возникают проблемы с нехваткой финансовых ресурсов для выплаты компенсаций, недоступностью подтверждающих документов, а также отказом некоторых жертв принять компенсацию, которую выплачивает не японская сторона².

Возобновление переговоров по разработке континентального шельфа

Потенциальные проблемы в отношениях в 2025 г. может создать и вопрос континентального шельфа. Соглашение о континентальном шельфе Кореи и

¹ Asan International Security Outlook 2025 // The Asan Institute for Policy Studies. 18.01.2025. P. 82. URL: <https://en.asaninst.org/contents/asan-international-security-outlook-2025/> (accessed: 27.02.2025).

² Asan International Security Outlook 2025 // The Asan Institute for Policy Studies. 18.01.2025. P. 88. URL: <https://en.asaninst.org/contents/asan-international-security-outlook-2025/> (accessed: 27.02.2025).

Японии, подписанное в 1974 г. и вступившее в силу в 1978 г., истекает в 2028 г., но оно позволяет любой из сторон расторгнуть соглашение с уведомлением за три года до его истечения. Т. е. крайний срок для расторжения — 2025 г. В сентябре 2024 г. представители МИД двух стран провели первую за 40 лет встречу по Соглашению о совместной разработке континентального шельфа. Ключевым в этом соглашении является вопрос о разработке так называемого Сектора 7 (или семи шахт) — зоны, потенциально богатой нефтью (о которой в РК в 2011 г. был даже снят одноименный фильм ужасов). По предварительным оценкам Центра Вудро Вильсона за 2005 г., в этом районе могут быть залежи 100 млрд баррелей нефти и 200 трлн кубических футов природного газа, что эквивалентно объему, который Южная Корея может использовать в течение 100 лет. Сам факт возобновления встреч по этому вопросу после 40-летнего перерыва южнокорейские эксперты оценивают положительно и склоняются к тому, что для Кореи лучше всего «сохранить существующее соглашение и продолжить [осваивать] среду для совместной разведки и разработки» [Син Юн Чэ, 2024]. Но потенциальная конфликтность вокруг этой зоны определено будет нарастать. Бывший сотрудник Госдепартамента США и научный сотрудник Института Бейкера Генри Хаггард Бейкер заявил, что Штаты также должны обсудить, будут ли они участвовать в разработке этой зоны шельфа [Син Юн Чэ, 2024]. Не стоит забывать и тот факт, что китайское газовое месторождение Чуньсяо, открытое в 1995 г., находится менее чем в одном километре от Сектора 7. Эта зона расположена на важном пути выхода Китая к Тихому океану, представляя, таким образом, интерес для четырех стран и обладая большой потенциальной конфликтностью. Скорее всего, возможный пересмотр соглашения 1974 г. еще не раз будет обсуждаться в ближайшие месяцы.

Дискуссии вокруг рудников Садо

Вновь может возникнуть вопрос о золотых рудниках на о. Садо. Менее года назад шахты, на которых широко использовался принудительный труд корейских работников, были признаны объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО. Правительство Юн Сок Ёля тогда не только поддержало эту номинацию в Комитете всемирного наследия, но и согласилось, что в описании шахт Садо не будет использовано выражение «принудительный труд». Это в очередной раз разожгло внутренние споры в РК и разговоры о том, что дипломатия должна быть в первую очередь нацелена на продвижение национальных интересов своего государства, а уже потом — на развитие добрососедских отношений [Lee Eunwoo, 2024]. Уже первая поминальная церемония в ноябре 2024 г. на объекте недалеко от шахт Садо прошла без участников из РК, которые церемонию проигнорировали из-за того, что Япония не принесла извинений за жестокое использование ею принудительного труда корейских рабочих.

Годовщина окончания Второй мировой войны

Еще одним испытанием на прочность для отношений РК и Японии может стать 80-летняя годовщина освобождения Корейского полуострова от японского колониального господства, а также окончания Второй мировой войны. Южноко-

рейские эксперты уже вспоминают речь Синдзо Абэ по случаю 70-й годовщины в 2015 г., когда премьер Японии не стал приносить извинения будущим поколениям и, как подчеркивают в РК, преуменьшил значение таких вопросов, как колонизация и агрессия¹. В связи с этим в РК большие ожидания того, какой будет речь японского премьера в свете потепления отношений между двумя странами: прозвучат ли в ней извинения перед корейским народом и будет ли пересмотрено отношение Японии к последствиям колонизации.

Таким образом, становится очевидным, что на этапе перехода сотрудничества РК и Японии в сфере безопасности на новый уровень по историческим вопросам ожидается ощутимый прогресс. Без этого любые подвижки в отношениях двух стран неизбежно будут сталкиваться с противодействием со стороны общества и приведут к дальнейшему расколу политической элиты. При этом Сеул и Токио могут перейти от «оттепели» к новому витку обострения отношений. Даже те южнокорейские эксперты, которые еще год-два назад писали о необходимости «оставить прошлое в прошлом» и двигаться вперед, сейчас признают, что РК следует отдать приоритет разрешению исторических споров, поскольку Южная Корея, «ранее полагавшаяся на конструктивное взаимодействие Японии, вновь испытала разочарование» [Чхве Ынми, Дипломатия Японии...]. Решение же таких вопросов, как создание «азиатской версии НАТО», расширенное ядерное сдерживание и переоценка «трех неядерных принципов», в РК советуют пока отложить и не поднимать в ближайшей перспективе [Чхве Ынми, Внешняя политика...] (судя по всему, под «ближайшей перспективой» понимается срок президентства Дональда Трампа). Так что, скорее всего, в текущих условиях РК и Япония отдадут приоритет развитию функционального сотрудничества с минимальным политическим влиянием, возможно, в таких областях, как региональное развитие и борьба со стихийными бедствиями, которые являются ключевыми направлениями политики кабинета Исибы. Это позволит сохранить динамику сотрудничества и повысить согласованность политики, не допуская обострения по крайне чувствительным историческим вопросам и проблеме безопасности.

Заключение

Анализ перспектив развития отношений РК с Японией и США позволяет выделить несколько ключевых тенденций, которые будут определять динамику сотрудничества и конфронтации в регионе.

Во-первых, возвращение Трампа в Белый дом создает для РК двойной вызов: Сеулу нужно, с одной стороны, адаптироваться к транзакционному подходу новой администрации, включая давление по вопросам военных расходов и возможного возобновления переговоров с КНДР; с другой — необходимо искать новые рычаги влияния, такие как сотрудничество в судостроении или расширение военного присутствия в ИТР. При этом сохраняется риск маргинализации Южной

¹ Asan International Security Outlook 2025 // The Asan Institute for Policy Studies. 18.01.2025. P. 88. URL: <https://en.asaninst.org/contents/asan-international-security-outlook-2025/> (accessed: 27.02.2025).

Кореи в ключевых дипломатических процессах, что требует от Сеула большей смелости и автономии в формировании стратегии национальной безопасности. Содержание и цели будущей политики Трампа относительно известны, но остаётся много вопросов относительно тактики, которую изберёт американская администрация. В этом плане высокая степень непредсказуемости политики Трампа вызывает в РК вполне обоснованное беспокойство.

Во-вторых, трехсторонний альянс РК—Япония—США, институционализированный в период президентства Юн Сок Ёля, столкнется с существенными вызовами. Смена политических лидеров в странах-участницах, особенно возвращение Дональда Трампа к власти в США, приведет к пересмотру приоритетов в сторону транзакционной дипломатии и двусторонних соглашений. Многосторонние форматы, такие как «кэмп-дэвидский треугольник», вероятно, утратят импульс развития, поскольку администрация Трампа сосредоточится на перераспределении бремени расходов и получении краткосрочных выгод. В свою очередь, текущая внутривластная ситуация в РК и Японии будет ограничивать способность правительств этих стран выработать долгосрочную внешнеполитическую стратегию и перейти к активным действиям на международной арене. Если рассматривать процессы, происходящие сейчас в АТР с точки зрения теории «перспектива—угроза», то структурные факторы (нарастание противостояния в регионе между КНР и США, развитие сотрудничества КНДР—РФ) говорят о том, что РК и Япония должны пойти на дальнейшую институционализацию союза. Однако перевесят, скорее всего, не структурные, а ситуативные факторы (прежде всего нестабильность и слабость правящих элит, дефицит политической воли со стороны США, а также отсутствие хороших личных связей между новыми политическими лидерами). Так что никаких прорывов по линии «кэмп-дэвидского треугольника», вероятно, в ближайшие годы не последует.

В-третьих, в сфере сотрудничества РК с Японией динамика двусторонних отношений остаётся зависимой от нерешенных исторических проблем. Несмотря на временное потепление, отсутствие прогресса в этих вопросах может спровоцировать новый виток напряженности, особенно в контексте празднования 80-летия освобождения Кореи от японского колониального ига. Определенным стабилизирующим фактором в таких условиях может стать функциональное сотрудничество в сферах экономики, бизнеса и борьбы со стихийными бедствиями. Оно позволит сохранить диалог даже при смене правительств. Ожидается, что отношения двух стран будут развиваться, прежде всего, в контексте реагирования на риски в сфере безопасности и экономики, которые принесет новый президентский срок Трамп. Однако ключевой переменной здесь по-прежнему останется именно внутривластная ситуация как в РК, так и Японии, а точнее «вакуум власти» и «риск лидерства». Стимулы для развития двустороннего сотрудничества РК и Японии действительно есть, хотя и небольшие. В перспективе нескольких лет это могло бы иметь положительный эффект уже для трёхстороннего альянса, так как на текущий момент слабым местом в союзе США—РК—Япония является именно линия РК—Япония. Но пойдут ли южнокорейские демократы на улучшение отношений с Японией? Вероятность этого крайне мала, а риски ухудшения отношений двух стран и перехода от «оттепели» к «заморозке», напротив, велики.

В конечном счете всё будет зависеть от способности политических элит преодолеть внутренние разногласия и адаптироваться к меняющемуся глобальному ландшафту и новой многополярной системе отношений.

Библиографический список

Alperovitch D, Radchenko. S. Trump-Kim, Part II, Could Shake Up the World. The New York Times. 29.12.2024. URL: <https://www.nytimes.com/2024/12/29/opinion/us-north-korea-china-russia-axis.html> (accessed: 03.02.2025).

Asan International Security Outlook 2025. The Asan Institute for Policy Studies. 18.01.2025. URL: <https://en.asaninst.org/contents/asan-international-security-outlook-2025/> (accessed: 27.02.2025).

Choi Kang. The US-ROK nuclear alliance should precede US-North Korea talks. The Asan Institute for Policy Studies. 03.01.2025. URL: <https://en.asaninst.org/contents/the-us-rok-nuclear-alliance-should-precede-us-north-korea-talks/> (accessed: 05.03.2025).

Clarksons 2024 Global Shipbuilding Review reveals largest order intake for 17 years. Ship Management International. 09.01.2025 URL: <https://shipmanagementinternational.com/clarksons-2024-global-shipbuilding-review-reveals-largest-order-intake-for-17-years/> (accessed: 25.02.2025).

He K., Feng H. 'Why is there no NATO in Asia?' revisited: Prospect theory, balance of threat, and US alliance strategies. European Journal of International Relations. 2012, 18(2), 227—250. URL: <https://doi.org/10.1177/1354066110377124> (accessed: 31.01.2025).

Jo He-rim. Trump bemoans Korean tariffs, calls for repeal of CHIPS Act. The Korea Times. 05.03.2025. URL: <http://koreaherald.com/article/10434228> (accessed: 09.03.2025).

Joint Statement on the Trilateral United States — Japan — Republic of Korea Meeting in Munich. US Department of State. 15.02.2025 URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-the-trilateral-United-states-japan-republic-of-korea-meeting-in-munich/> (accessed: 09.03.2025).

Kan Hyeong-woo. Trump says US may turn to allies for shipbuilding efforts. The Korea Herald. 22.01.2025. URL: <https://www.koreaherald.com/article/10404750> (accessed: 20.02.2025).

Lee Eunwoo. Japan's Sado Island Gold Mines Designated as UNESCO World Heritage Site With South Korea's Backing. The Diplomat. 07.08.2024. URL: <https://thediplomat.com/2024/08/japans-sado-island-gold-mines-designated-as-unesco-world-heritage-site-with-south-koreas-backing/> (accessed: 27.02.2025).

Lloyd J. Austin III. 'The New Convergence in the Indo-Pacific': Remarks by Secretary of Defense Lloyd J. Austin III at the 2024 Shangri-La Dialogue (As Delivered). U.S. Department of Defense. 01.06.2024. URL: <https://www.defense.gov/News/Speeches/Speech/Article/3793580/the-new-convergence-in-the-indo-pacific-remarks-by-secretary-of-defense-lloyd-j/> (accessed: 21.02.2025).

Remarks by President Trump in Joint Address to Congress. The White House. 06.03.2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/remarks/2025/03/remarks-by-president-trump-in-joint-address-to-congress/> (accessed: 09.03.2025).

Robert E. Kelly, Min-hyung Kim. Why South Korea Should Go Nuclear. The Bomb Is the Best Way to Contain the Threat From the North. Foreign Affairs. 30.12.2024. URL: <https://www.foreignaffairs.com/north-korea/why-south-korea-should-go-nuclear-kelly-kim> (accessed: 20.02.2025).

The Future of Alliances, Partnerships, and the Indo-Pacific Regional Order. [EAI-Brookings Conference. Commentary-Issue Briefing]. Edited by: Jisoo Park. EIA. 02.12. 2024. URL: <https://www.brookings.edu/events/future-of-alliances-partnerships-and-the-indo-pacific-regional-order/> (accessed: 22.11.2024).

Yang Uk. Prospects for the U.S. National Security Policies in Trump's Second Term and the Realignment of the ROK-U.S. Alliance. The Asan Institute for Policy Studies. 05.02.2025 URL: <https://>

en.asaninst.org/contents/prospects-for-international-security-policy-in-trumps-second-term-and-the-realignment-of-the-rok-u-s-alliance/ (accessed: 21.02.2025).

김성조. “2024 일본 선거 이슈브리핑” 자민당 정치의 위기: 장기집권, 정치자금, 정치개혁.” // EAI 이슈브리핑. 31.10.2024 [Ким Сон Чжо. «Брифинг по выборам в Японии 2024 г.» Кризис в политике Либерально-демократической партии: долгосрочное правление, политические фонды, политическая реформа» // Брифинг Института Восточной Азии]. URL: https://eai.or.kr/new/ko/pub/view.asp?intSeq=22791&board=kor_issuebriefing (accessed: 15.01.2025). (На кор.)

신윤재. 한국 100년간 쓸 석유 나온다?...일본과 ‘7광구 협상’ 깨지면 중국만 혜택 [한중일 톨아보기] // 매일 경제. 27.09.2024. [Син Юн Чэ. «Хватит ли у Кореи нефти на 100 лет?»... Если «переговоры по Сектору 7» с Японией провалятся, то только Китай будет счастлив [Более подробный взгляд на Корею, Китай и Японию // Мэйль Кёнчжэ.]. URL: <https://www.mk.co.kr/news/world/11126904> (accessed: 27.02.2025). (На кор.)

손열. 2025년 한일관계 3대 리스크 관리 // 동아시아연구원. 08.01.2025. [Сон Ёль. Три основных риска в отношениях Кореи и Японии в 2025 году // Институт исследований Восточной Азии]. URL: https://www.eai.or.kr/new/ko/pub/view.asp?intSeq=22866&board=kor_issuebriefing (accessed: 15.01.2025). (На кор.)

이숙중. 자유주의 국제질서의 쇠퇴 속 한국 민주주의 외교의 과제 // EAI 논평·이슈브리핑. 14.01.2025. [Ли Сок-Джон. Проблемы корейской демократической дипломатии на фоне упадка либерального международного порядка // Комментарий Института Восточной Азии /Брифинг по проблеме]. URL: https://eai.or.kr/new/ko/pub/view.asp?intSeq=22876&board=kor_issuebriefing&keyword_opt ion=&keyword=&more= (accessed: 30.01.2025). (На кор.)

전재성. “[신년기획 특별논평 시리즈] 트럼프주의 외교 전략과 세계질서의 미래, 한미관계.” // EAI 논평. 03.01.2025. [Чон Джэ Сон. 2025. «[Новогодняя серия специальных комментариев] Дипломатическая стратегия Трампа и будущее мирового порядка, корейско-американские отношения» // Институт Восточной Азии]. URL: <https://www.eai.or.kr/new/ko/pub/view.asp?intSeq=22678> (accessed: 03.01.2025). (На кор.)

최승진. 신유경. “한국, 너네 돈 많잖아”...사실상 돈 내놓으라는 트럼프의 가스라이팅 // 매일경제. 05.03.2025. [Чхве Син Чжин, Син Ю Гён. «Корея, у тебя много денег»... Газлайтинг Трампа — это по сути требование денег // Мэйль Кёнчжэ.]. URL: <https://www.mk.co.kr/news/world/11256548> (accessed: 09.03.2025). (На кор.)

최은미. 사도광산 주도석 파행 이후의 대일외교: ‘소수여당’ 이시바 2차 내각과 한일관계 // 아산 정책 연구원. 09.12.2024. [Чхве Ынми. Дипломатия Японии и Южной Кореи после провала траурной церемонии на шахте Садо: второй кабинет Исибы «партии меньшинства» и отношения Японии и Южной Кореи // Институт политических исследований Асан]. URL: <https://www.asaninst.org/contents/%ec%82%ac%eb%8f%84%ea%b4%91%ec%82%b0-%ec%b6%94%eb%8f%84%ec%8b%9d-%ed%8c%8c%ed%96%89-%ec%9d%b4%ed%9b%84%ec%9d%98-%eb%8c%80%ec%9d%bc%ec%99%b8%ea%b5%90-%ec%86%8c%ec%88%98%ec%97%ac%eb%8b%b9/> (accessed: 30.01.2025). (На кор.)

최은미. 이시바 시게루(石破茂) 신내각의 외교안보정책과 한일관계 전망 // 아산 정책 연구원. 02.10.2024. [Чхве Ынми. Внешняя политика и политика безопасности нового кабинета Сигэру Исибы и перспективы корейско-японских отношений // Институт политических исследований Асан] URL: <https://www.asaninst.org/contents/%ec%9d%b4%ec%8b%9c%eb%b0%94-%ec%8b%9c%ea%b2%8c%eb%a3%a8%e7%9f%b3%e7%a0%b4%e8%8c%82-%ec%8b%a0%eb%82%b4%ea%b0%81%ec%9d%98-%ec%99%b8%ea%b5%90%ec%95%88%eb%b3%b4%ec%a0%95%ec%b1%85%ea%b3%bc-%ed%95%9c/> (accessed: 30.01.2025). (На кор.)

References

Alperovitch D., Radchenko. S. Trump-Kim, Part II, Could Shake Up the World. The New York Times. 29.12.2024. URL: <https://www.nytimes.com/2024/12/29/opinion/us-north-korea-china-russia-axis.html> (accessed: 03.02.2025).

Asan International Security Outlook 2025. The Asan Institute for Policy Studies. 18.01.2025. URL: <https://en.asaninst.org/contents/asan-international-security-outlook-2025/> (accessed: 27.02.2025).

Choi Kang. The US-ROK nuclear alliance should precede US-North Korea talks. The Asan Institute for Policy Studies. 03.01.2025. URL: <https://en.asaninst.org/contents/the-us-rok-nuclear-alliance-should-precede-us-north-korea-talks/> (accessed: 05.03.2025).

Clarksons 2024 Global Shipbuilding Review reveals largest order intake for 17 years. Ship Management International. 09.01.2025 URL: <https://shipmanagementinternational.com/clarksons-2024-global-shipbuilding-review-reveals-largest-order-intake-for-17-years/> (accessed: 25.02.2025).

He K., Feng H. ‘Why is there no NATO in Asia?’ revisited: Prospect theory, balance of threat, and US alliance strategies. European Journal of International Relations. 2012, 18(2), 227—250. URL: <https://doi.org/10.1177/1354066110377124> (accessed: 31.01.2025).

Jo He-rim. Trump bemoans Korean tariffs, calls for repeal of CHIPS Act // The Korea Times. 05.03.2025. URL: <http://koreaherald.com/article/10434228> (accessed: 09.03.2025).

Joint Statement on the Trilateral United States — Japan — Republic of Korea Meeting in Munich // US Department of State. 15.02.2025. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-the-trilateral-united-states-japan-republic-of-korea-meeting-in-munich/> (accessed: 09.03.2025).

Kan Hyeong-woo. Trump says US may turn to allies for shipbuilding efforts // The Korea Herald. 22.01.2025. URL: <https://www.koreaherald.com/article/10404750> (accessed: 20.02.2025).

Lee Eunwoo. Japan’s Sado Island Gold Mines Designated as UNESCO World Heritage Site With South Korea’s Backing // The Diplomat. 07.08.2024. URL: <https://thediplomat.com/2024/08/japans-sado-island-gold-mines-designated-as-unesco-world-heritage-site-with-south-koreas-backing/> (accessed: 27.02.2025).

Lloyd J. Austin III. ‘The New Convergence in the Indo-Pacific’: Remarks by Secretary of Defense Lloyd J. Austin III at the 2024 Shangri-La Dialogue (As Delivered) // U.S. Department of Defense. 01.06.2024. URL: <https://www.defense.gov/News/Speeches/Speech/Article/3793580/the-new-convergence-in-the-indo-pacific-remarks-by-secretary-of-defense-lloyd-j/> (accessed: 21.02.2025).

Remarks by President Trump in Joint Address to Congress // The White House. 06.03.2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/remarks/2025/03/remarks-by-president-trump-in-joint-address-to-congress/> (accessed: 09.03.2025).

Robert E. Kelly, Min-hyung Kim. Why South Korea Should Go Nuclear. The Bomb Is the Best Way to Contain the Threat From the North. Foreign Affairs. 30.12.2024. URL: <https://www.foreignaffairs.com/north-korea/why-south-korea-should-go-nuclear-kelly-kim> (accessed: 20.02.2025).

The Future of Alliances, Partnerships, and the Indo-Pacific Regional Order. [EAI-Brookings Conference. Commentary-Issue Briefing]. Edited by: Jisoo Park. EIA. 02.12. 2024. URL: <https://www.brookings.edu/events/future-of-alliances-partnerships-and-the-indo-pacific-regional-order/> (accessed: 22.11.2024).

Yang Uk. Prospects for the U.S. National Security Policies in Trump’s Second Term and the Realignment of the ROK-U.S. Alliance. The Asan Institute for Policy Studies. 05.02.2025. URL: <https://en.asaninst.org/contents/prospects-for-international-security-policy-in-trumps-second-term-and-the-realignment-of-the-rok-u-s-alliance/> (accessed: 21.02.2025).

김성조. “[2024 일본 선거 이슈브리핑] 자민당 정치의 위기: 장기집권, 정치자금, 정치개혁.” // EAI 이슈브리핑. (Gim Seong Jo. [2024 ilbon seongeo isyubeuriping] jamindang jeongchiui wigi: janggiijpgwon, jeongchijageum, jeongchigaehyeok.te // EAI Iisyubeuriping). [Kim Seong-jo. “[2024 Japanese Election Issue Briefing] Crisis of the Liberal Democratic Party’s Politics: Long-term Rule, Political Funds, Political Reform.” // EAI Issue Briefing. 31.10 2024. URL: https://eai.or.kr/new/ko/pub/view.asp?intSeq=22791&board=kor_issuebriefing (accessed: 15.01.2025). (In Korean)

신윤재. 한국 100년간 쓸 석유 나온다? ...일본과 ‘7광구 협상’ 깨지면 중국만 패재 [한중일 톨아보기] // 매일 경제. (Sinyunjae. Hanguk 100 nyeongan sseul seogyu naonda? Ilbongwa 7gwang-gu hycopsangt kkaeji-myeon junggungman kwaecjae [Hanjungil Topabogi] // Maeil Gyeongje). [Shin Yoon-jae. “Will Korea’s Oil Supply for 100 Years Produce?”... If the ‘7-Mine Area Negotiation’ with Japan Breaks Down, Only China Will Be Happy [A Look at Korea, China, and Japan] // Maeil Kyungjae]. 27.09.2024. URL: <https://www.mk.co.kr/news/world/11126904> (accessed: 27.02.2025). (In Korean)

손열. 2025년 한일관계 3대 리스크 관리 // 동아시아연구원. (2025nyeong hanilgwangye 3dae riseukeu gwalli // dongasiyeonguwon.). [Sohn Yul. Managing the Three Major Risks in Korea-Japan Relations in 2025 // East Asia Institute]. 08.01.2025. URL: https://www.eai.or.kr/new/ko/pub/view.asp?intSeq=22866&board=kor_issuebriefing (accessed: 15.01.2025). (In Korean)

이숙중. 자유주의 국제질서의 쇠퇴 속 한국 민주주의 외교의 과제 // EAI 논평·이슈브리핑. (I Suk Jong. Jayujuui gukjeilseoui soetoe song hangung minjujuui oegyoui gwaje // EAI Nonpyeong-isubeuriping). [Lee Sook-jong. The Tasks of Korean Democratic Diplomacy in the Decline of the Liberal International Order // EAI Commentary/Issue Briefing]. 14.01.2025. URL: https://eai.or.kr/new/ko/pub/view.asp?intSeq=22876&board=kor_issuebriefing&keyword_option=&keyword=&more= (accessed: 30.01.2025). (In Korean)

전재성. “[신년기획 특별논평 시리즈] 트럼프주의 외교 전략과 세계질서의 미래, 한미관계.” // EAI 논평. (Jeon Jae Seong. [Sinnyeonghihoeng teukbyeollonpyeong sirijeu] Teureompeujuui ogyo jeollyakgwa segyejilseoui mirae, hanmigwangye // EAI Nonpyeong). [Jeon Jae-seong. [New Year Special Commentary Series] Trumpism’s Diplomatic Strategy and the Future of World Order, Korea-US Relations // EAI Nonpyeong]. 03.01.2025. URL: <https://www.eai.or.kr/new/ko/pub/view.asp?intSeq=22678> (accessed: 03.01.2025). (In Korean)

최승진, 신유경. “한국, 너네 돈 많잖아”...사실상 돈 내놓으라는 트럼프의 가스라이팅 // 매일경제. (Choe Seung Jin. Sinyugyeong. Hanguk, neone don manchanate...Sasilsang don naenoeuraneun teureompeuui gaseuraeting // Maeilgyeongje). [Choi Seung-jin, Shin Yu-kyung. “Korea, you have a lot of money”... Trump’s gaslighting, essentially demanding money // Maeil Kyungjae]. 05.03.2025. URL: <https://www.mk.co.kr/news/world/11256548> (accessed: 09.03.2025). (In Korean)

최은미. 사도광산 추도식 파행 이후의 대일외교: ‘소수여당’ 이시바 2차 내각과 한일관계 // 아산 정책 연구원. (Choe Unmi. Sadogwangsan chudosing pahaeng ihuui daeroegyo: tsosuyeodangt isiba 2cha naegakgwa hanilgwangye // Asan jeongchaeng yeonguwon). [Choi Eun-Mi. South Korea-Japan Relations: Navigating the ‘Minority Party’ Ishiba’s Second Cabinet and the Post-Sado Mine Memorial Ceremony Disruption // The Asan Institute for Policy Studies]. 09.12.2024. URL: <https://www.asaninst.org/contents/%ec%82%ac%eb%8f%84%ea%b4%91%ec%82%b0-%ec%b6%94%eb%8f%84%ec%8b%9d-%ed%8c%8c%ed%96%89-%ec%9d%b4%ed%9b%84%ec%9d%98-%eb%8c%80%ec%9d%bc%ec%99%b8%ea%b5%90-%ec%86%8c%ec%88%98%ec%97%ac%eb%8b%b9/> (accessed: 30.01.2025). (In Korean)

최은미. 이시바 시게루(石破茂) 신내각의 외교안보정책과 한일관계 전망 // 아산 정책 연구원. (Choe Un Mi. Isiba sigeru sinnaegagui ogyoanbojeongchaekgwa hanilgwangye jeonmang // Asan jeongchaeng yeonguwon). [Choi Eun-Mi. The Foreign and Security Policy of the New Shigeru Ishiba Cabinet and the Prospects for Korea-Japan Relations // The Asan Institute for Policy Studies]. 02.10.2024. URL: <https://www.asaninst.org/contents/%ec%9d%b4%ec%8b%9c%eb%b0%94-%ec%8b%9c%ea%b2%8c%eb%a3%a8%e7%9f%b3%e7%a0%b4%e8%8c%82-%ec%8b%a0%eb%82%b4%ea%b0%81%ec%9d%98-%ec%99%b8%ea%b5%90%ec%95%88%eb%b3%b4%ec%a0%95%ec%b1%85%ea%b3%bc-%ed%95%9c/> (accessed: 30.01.2025). (In Korean)

Поступила в редакцию: 22.04.2025
Received: 22.04.2025

Принята к публикации: 05.06.2025
Accepted: 05.06.2025

Фэн Бовэй

Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и КНДР и его роль в евразийской системе безопасности: взгляд из Китая

Аннотация. Статья посвящена анализу Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, подписанному между Россией и Северной Кореей 19 июня 2024 г. Формирование всеобъемлющего стратегического партнерства между двумя странами имеет важное значение в условиях выстраивания новой геополитической реальности и архитектуры безопасности в Северо-Восточной Азии (СВА). Автор уделяет большое внимание анализу исторического развития отношений Москвы и Пхеньяна, практической ценности и перспективам нового формата сотрудничества. Особое место в работе занимает изучение позиции КНР и ее роли в дальнейшем укреплении российско-северокорейского сотрудничества и создании новых механизмов обеспечения региональной безопасности. Автор дает свою оценку Договору, утверждая, что он может способствовать формированию новой евразийской архитектуры безопасности, которая стала бы альтернативой западной модели во главе с США.

Ключевые слова: Корейский п-ов, РФ и КНДР, стратегическое партнерство, Евразийская архитектура безопасности, многополярность.

Автор: Фэн Бовэй, аспирант Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0009-0006-1742-2076.
E-mail: 985727044b@gmail.com

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Фэн Бовэй. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и КНДР и его роль в евразийской системе безопасности: взгляд из Китая // Корееведение. 2025. № 2 (11). С. 61—73.
DOI: 10.48647/ICCA.2025.20.59.001.

Feng Bowei

The Comprehensive Strategic Partnership Treaty between Russia and the DPRK and Its Role in the Eurasian Security System: A Perspective from China

Abstract. This article analyzes the Comprehensive Strategic Partnership Treaty signed between Russia and North Korea on June 19, 2024. The establishment of such a comprehensive strategic partnership holds significant importance in the context of a shifting geopolitical landscape and the evolving security architecture in Northeast Asia. The author pays close attention to the historical development of Russia—North Korea relations, the practical value of the new cooperation format, and the future prospects of this partnership. A particular focus is placed on China's stance and its role in strengthening Russian—North Korean cooperation and fostering new mechanisms for regional security. The author evaluates the treaty as a potential catalyst for the formation of

a new Eurasian security architecture — an alternative to the Western model led by the United States.

Keywords: Korean Peninsula, Russian Federation and DPRK, strategic partnership, Eurasian security architecture, multipolarity.

Author: Feng Bowei, PhD Student, Institute of China and Contemporary Asia, RAS. (Address: 117997, Moscow, Nakhimovskii pr., 32). ORCID: 0009-0006-1742-2076. E-mail: 985727044b@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citations: Feng Bowei, Dogovor o vseoblemlyushhem strategicheskom partnerstve mezhdu RF i KNDR i ego rol' v evrazijskoj sisteme bezopasnosti: vzgljad iz Kitaja [The Comprehensive Strategic Partnership Treaty between Russia and the DPRK and Its Role in the Eurasian Security System: A Perspective from China] // Koreevedenie [Koreanology], 2025, 2 (11). С. 61—73. DOI: 10.48647/ICCA.2025.20.59.001.

4 декабря 2024 г. вступил в силу Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве (ДВСП) между Российской Федерацией и КНДР, подписанный президентом Российской Федерации В.В. Путиным и председателем Государственных дел КНДР Ким Чен Ыном 19 июня 2024 г. во время государственного визита президента России в Пхеньян. Это событие стало этапным результатом интенсивного взаимодействия между Россией и КНДР, начавшегося с визита Ким Чен Ына в Россию в сентябре 2023 г. [Bowen Y., 2024] С момента подписания Договор вызвал широкий отклик, а его оборонительные положения расцениваются государствами коллективного Запада и его сторонниками в Азии как потенциальная угроза геополитическому равновесию в СВА¹.

Некоторые аналитики считают, что данное соглашение усиливает образ оси «Пекин—Москва—Пхеньян»². Другие утверждают, что укрепление партнерских отношений между Россией и КНДР может ослабить влияние Китая на Пхеньян³.

В настоящее время «международный порядок, основанный на правилах», который пытался установить Запад и Европа в межгосударственных отношениях, находится на грани распада. Подписание ДВСП не только знаменует новый этап в отношениях между Россией и КНДР, но и оказывает значительное влияние на ситуацию в СВА, а также на формирование евразийской системы безопасности. Поэтому анализ драйверов его подписания, оценка позиции Китая как третьей стороны, а также выявление значимости этого события для евразийской архитектуры безопасности имеют важное практическое значение.

¹ The New York Times. Russia and North Korea's Defense Pact Is a New Headache for China // The New York Times Chinese. 21.06.2024. URL: <https://cn.nytimes.com/china/20240621/china-russia-north-korea/> (accessed: 12.12.2024).

² Sun Yun: The Strategic Implications of Deepening Russia-North Korea Relations for China // Голос Америки. 13.09.2024. URL: <https://www.voachinese.com/a/sun-yun-on-strategic-impact-of-deepening-russia-north-korea-relations-on-china-20230926/7284315.html> (accessed: 14.01.2025).

³ Russia and North Korea hold hands, China embarrassed? // Lianhe ZaoBao. 01.11.2024. URL: <https://www.kzaobao.com/shiju/20240620/164016.html> (accessed: 14.01.2025).

Предыстория и содержание договора о всеобъемлющем партнерстве между Россией и КНДР

Анализ текущих российско-северокорейских стратегических партнерских отношений требует рассмотрения их исторической базы. С середины XX в. и до настоящего времени взаимодействие между двумя странами претерпевало изменения, обусловленные геополитической средой и проблемами развития каждой из сторон.

СССР был первой страной, установившей дипломатические отношения с КНДР после ее возникновения, а подписанное в 1949 г. Соглашение между СССР и КНДР об экономическом и культурном сотрудничестве заложило основу для двусторонних отношений. Во время Корейской войны СССР направил летчиков, авиационный корпус, и оказал иную военную помощь КНДР. После войны Советский Союз продолжал направлять Северной Корее большое количество технических специалистов и советников, чтобы помочь ей восстановить народное хозяйство. В 1953 г. СССР выделил 1 млрд руб. на послевоенное восстановление страны. А в 1955 г. стороны подписали Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве, способствующее восстановлению промышленной базы КНДР и ускорению её экономического строительства.

В 1957 г. США разместили на территории Южной Кореи ядерное оружие. Резкое обострение международной обстановки в СВА привело в 1961 г. к заключению советско-корейского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Договор предусматривал, что, в случае вооруженного нападения на одну из сторон со стороны какого-либо государства или военного союза, другая сторона незамедлительно предоставит необходимую военную и иную помощь. Это обеспечило КНДР определенные гарантии безопасности.

К концу 1980-х годов, с переходом Советского Союза к новой азиатской политике и в связи с изменениями в дипломатии, обозначенными термином «новое мышление», правительство Горбачёва начало устанавливать партнерские отношения со странами Запада и Востока. В 1990 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и Республикой Корея (РК). В 1992 г. двумя странами был подписан Основной договор о взаимных отношениях между Российской Федерацией и Республикой Корея, направленный на укрепление дружеских отношений и развитие сотрудничества в области торговли, культуры, науки и энергетики [Karpovich O., Smagina L., 2021]. С распадом СССР были сокращены и отчасти полностью оборваны все экономические и научно-технические связи России с КНДР. В 1994 г. президент РФ Борис Ельцин официально объявил об аннулировании советско-северокорейского корейского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1961 г. Можно отметить, что в этот период обе страны столкнулись с масштабными внутренними переменами. Утрата сырьевой и технологической поддержки нанесла серьезный удар по экономике КНДР, а Россия в результате потеряла значительное влияние на Корейском полуострове [Zabrovskaya L., 2016].

Во время недолгого премьерства Е.М. Примакова начался период медленного восстановления отношений между Россией и КНДР, в рамках которого, уже

при В.В. Путине, в феврале 2000 г. Россия и КНДР подписали Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (утратил силу 4 декабря 2024 г.). Всего лишь через два месяца после своего вступления в должность в качестве второго президента России В.В. Путин в июле 2000 г. посетил с официальным визитом КНДР, став, таким образом, первым высшим руководителем СССР и России, посетившим Северную Корею. В 2001 г. в Московской декларации Российской Федерации и Корейской Народно-Демократической Республики, принятой по итогам визита председателя ГКО КНДР Ким Чен Ира, стороны подчеркнули необходимость создания справедливого мирового порядка, что стало важным шагом в укреплении их двусторонних отношений [Asmolov K., Zakharova L., 2020].

После второго ядерного кризиса в Корее Россия активно участвовала в проводившихся в Пекине шестисторонних переговорах, начатых по инициативе Китая в 2003 г. Все эти обстоятельства позволили Москве вновь занять важное место в международных отношениях СВА. В соответствии с совместным заявлением министров иностранных дел России и Китая по корейской ядерной проблеме, опубликованным в 2017 г., обе стороны подчеркивали, что развертывание системы ПРО ТНААД на Корейском п-ве не способствует его денуклеаризации, а также призвали США и РК прекратить проведение масштабных военных учений, одновременно выразив недовольство ракетными испытаниями КНДР¹. Оба государства — Россия и Китай — подчеркнули необходимость политического урегулирования корейской ядерной проблемы. Вместе с тем Россия считала, что добиться полной денуклеаризации в краткосрочной перспективе невозможно [Lukin A., 2017]. В качестве долгосрочной цели необходимо формирование в СВА структуры многостороннего доверия и безопасности.

После начала специальной военной операции на Украине (СВО) Россия и КНДР активизировали свои отношения: Пхеньян публично поддержал независимость ДНР и ЛНР, и, как заявил пресс-секретарь Кремля Дмитрий Песков, в сентябре 2023 г. во время визита лидера КНДР в Россию стороны активно обсуждали вопросы военного взаимодействия и безопасности². Можно сказать, что начиная с XXI в. российско-северокорейское взаимодействие приобрело более рациональный и прагматичный характер: обе стороны исходят из собственных национальных интересов и стремятся укрепить влияние друг друга в регионе через политическое взаимодействие и взаимное доверие.

Исторический обзор показывает, что отношения России и КНДР прошли путь от идеологической кооперации в эпоху холодной войны до равноправного и взаимовыгодного сотрудничества. После начала конфликта на Украине Россия столкнулась с масштабными санкциями со стороны Запада, а также с усилением санкций со стороны США, ЕС и союзников в Восточной Азии, включая РК. По-

¹ 新华社. 中俄发表关于朝鲜半岛问题的联合声明 [Китай и Россия опубликовали совместное заявление по вопросу Корейского полуострова] // Xinhua Net. 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2017-07/05/c_1121263916.html (дата обращения: 10.12.2024). (На кит.)

² Peskov: Russia-DPRK relations are not directed against third countries. 13.09.2023. URL: <https://www.interfax-russia.ru/main/peskov-otnosheniya-rf-kndr-ne-napravleny-protiv-tretyh-stran> (accessed: 10.12.2024).

следняя поддерживает антироссийскую политику, включая предоставление экономической и нелетальной военной помощи Украине. В этих условиях Россия была вынуждена временно отказаться от своей стратегии поддержания баланса на Корейском п-ве. КНДР, со своей стороны, уже долгое время находится под международными санкциями.

С приходом к власти в Южной Корее президента Юн Сок Ёля политика Сеула в отношении КНДР стала более жесткой. В 2022 г. США и РК провели пять крупных совместных военных учений, а в одном из них, 30 сентября, приняла участие Япония. В попытках сблизиться с администрацией Дж. Байдена, Юн Сок Ёль пошел на значительные уступки в отношениях с Японией. США, Южная Корея и Япония не только проводят регулярные встречи на высшем уровне, посвященные вопросам дипломатии и обороны, но и на августовском саммите в Кэмп-Дэвиде в 2023 г. приняли совместное заявление, направленное против Китая и КНДР [Xiang Naoyu, 2023].

Впоследствии лидеры Японии и Южной Кореи неоднократно участвовали в мероприятиях НАТО, демонстрируя единство так называемого демократического альянса и стремление к формированию аналогичной НАТО военно-политической структуры в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Данная стратегия ставит под угрозу суверенитет не только КНДР, но также России, Китая и ряда государств Юго-Восточной Азии. Это вызвало резкую реакцию Пхеньяна, который ответил серией ракетных испытаний, объявил Южную Корею своим «врагом номер один» и разорвал транспортное сообщение с Сеулом¹. Таким образом, экономическая изоляция и угроза безопасности со стороны Запада стали общими вызовами для России и КНДР, что побудило обе страны активизировать стратегическое сотрудничество.

Среди ключевых положений Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Россией и КНДР мировое сообщество уделяет особое внимание ст. 4, согласно которой если одна из сторон подвергнется вооруженному нападению со стороны одного или нескольких государств и окажется в состоянии войны, другая сторона обязуется предоставить все доступные военные и другие виды помощи. Этот пункт широко воспринимается как шаг к превращению российско-северокорейских отношений в своего рода квази-военный союз.

Американские СМИ считают, что это действие возвращает регион к ситуации времен холодной войны, а подписание данного договора сводит на нет усилия по предотвращению распространения ядерного оружия в КНДР². Однако ряд китайских аналитиков отмечает, что договор о стратегическом партнерстве между Россией и КНДР не является аналогом военного союза США, Южной Кореи и Японии [Zhang Yun, 2024]. В отличие от подхода США в последние годы,

¹ 新华社. 韩国缘何成为朝鲜“头号敌国” [Почему Южная Корея стала «врагом номер один» для Северной Кореи] // Xinhua Daily Telegraph. 18.01.2024. URL: http://www.news.cn/mrdx/2024-01/18/c_1310760853.html (дата обращения: 10.12.2024). (На кит.)

² The New York Times. “Putin Once Tried to Curb North Korea’s Nuclear Program. That’s Now Over”. The New York Times Chinese. 20.06.2024. URL: <https://cn.nytimes.com/world/20240620/putin-kim-russia-nuclear/> (accessed: 12.12.2024).

данный договор не предполагает создание многостороннего механизма безопасности на основе двусторонних отношений.

Напротив, российско-северокорейское партнерство на данном этапе акцентирует внимание на необходимости построения региональной безопасности на принципах равенства и справедливости. Как отмечено в ст. 1 договора, стратегическое партнерство основывается на взаимном уважении суверенитета и территориальной целостности, невмешательстве во внутренние дела и равноправном сотрудничестве.

На этом фоне подписание договора о всеобъемлющем партнерстве между Россией и КНДР стало не только продолжением 76-летней истории их стратегического взаимодействия, но и прагматичным выбором в условиях текущей геополитической нестабильности. Этот договор окажет глубокое влияние на двусторонние отношения между Россией и КНДР и, возможно, станет примером для формирования новой архитектуры безопасности на евразийском пространстве.

Позиция Китая и реализация концепции глобальной безопасности

Китай не является стороной прямого конфликта в северокорейской ядерной проблеме, но, будучи ближайшим соседом двух корейских государств и участником мирного процесса в СВА, он заинтересован в обеспечении безопасности в регионе. Ключевым требованием Китая в этом вопросе остается мирное урегулирование проблемы денуклеаризации КНДР. Однако из-за постоянных провокаций со стороны США стремления к миру и денуклеаризации не получают практической реализации. Шестисторонние переговоры уже 16 лет находятся в состоянии стагнации. После прихода к власти Юн Сок Ёля в Южной Корее риски вооруженного конфликта значительно возросли, а кратковременные достижения эпохи Мун Чжэ Ина оказались утрачены.

Кризис на Корейском п-ве с 2022 г. вновь обострился на фоне серьезного ухудшения китайско-американских и российско-американских отношений, а возможное создание военно-политического альянса США, Японии и Южной Кореи ставит под угрозу стабильность в регионе. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Россией и КНДР был воспринят Западом как попытка создания военного союза. Некоторые аналитики расценили это как вызов влиянию Китая в регионе¹. Другие утверждают, что нейтральная позиция Пекина является проявлением сдержанности². Однако подобные оценки игнорируют его последовательную приверженность дипломатическим принципам и концепции глобальной безопасности.

Во-первых, как отметил официальный представитель Министерства иностранных дел Китая на брифинге 29 ноября 2024 г: «Россия и КНДР — это суве-

¹ The Economist. “North Korea's Aid to Russia Raises Difficult Questions in China”. 31.10.2024. URL: <https://www.economist.com/china/2024/10/31/north-koreas-aid-to-russia-raises-difficult-questions-in-china> (accessed: 12.12.2024).

² The Guardian. “China Unnerved by Russia's Growing Ties to North Korea, Claims US Official”. 24.11.2024. URL: <https://www.theguardian.com/world/2024/nov/24/china-unnerved-russia-growing-ties-north-korea-claims-us-official> (accessed: 12.12.2024).

ренные государства, их двусторонние отношения являются внутренним делом обеих стран. Китай не обладает конкретной информацией по данному вопросу»¹. Нейтральная позиция КНР в отношении договора основывается не только на уважении суверенитета и права на самостоятельные решения, но и отражает традиционное для Китая стремление к соблюдению принципов равенства и невмешательства во внутренние дела.

Во-вторых, в 2023 г. Китай опубликовал концептуальный документ «Глобальная инициатива безопасности», который призывает к противодействию односторонним действиям и предлагает подход к глобальным вызовам безопасности на основе взаимовыгодного сотрудничества, обеспечивая большую стабильность и предсказуемость. В частности, в п. 4 документа подчеркивается, что «безопасность одной страны не должна обеспечиваться за счет нанесения ущерба безопасности другой страны», а также, что «любое государство, стремясь к собственной безопасности, должно учитывать законные интересы других стран» [Global Security Initiative concept paper]. В п. 5 указывается на невозможность урегулирования конфликтов путем войн и санкций, подчеркивается необходимость диалога и переговоров. Если рассматривать ситуацию шире, в контексте общей динамики безопасности в СВА, принципы инициативы глобальной безопасности остаются полностью применимыми. Нежелание Китая активно высказываться по данному вопросу связано со стремлением избежать эскалации существующей напряженности, что также соответствует реализации концепции глобальной безопасности.

Дун Сянжун, директор Исследовательского управления по политике в Азиатско-Тихоокеанском регионе Китайской академии общественных наук, также заявила в интервью южнокорейским СМИ, что в настоящее время в регионе Северо-Восточной Азии нет коллективного механизма безопасности, подобного НАТО. Установление союзнических отношений между Россией и КНДР является стратегическим выбором на фоне жестких международных санкций и имеет свою разумность. По ее мнению, США продолжают считать КНР своим основным соперником, и это не изменится из-за союза России и КНДР. Главное внимание Китая по-прежнему уделяется проблеме ядерного распространения на Корейском п-ве, и союз России и КНДР находится в пределах дипломатического суверенитета обеих стран; она считает, что между союзом Северной Кореи и Россией и ядерным распространением в СВА нет прямой связи².

Профессор Сюй Бо из Цзилиньского университета, исходя из стратегических представлений, национальных интересов и международной системы, считает, что Россия придаёт большее значение роли КНДР как геополитического опорного пункта. По его мнению, между Россией и Северной Кореей существуют долго-

¹ 俄罗斯与朝鲜加强军事合作 外交部回应 [Россия и Северная Корея укрепляют военное сотрудничество; реакция МИД] // CCTV. 29.11.2024. URL: <https://v.cctv.com/2024/11/29/VIDEQ95kKrKZL6vKXQF3Q9PT241129.shtml> (дата обращения: 12.12.2024). (На кит.)

² The alliance between North Korea and Russia is both countries' choice... Nuclear technology transfer is not allowed // Korea JoongAng Daily. 08.07.2024. URL: <https://chinese.joins.com/news/articleView.html?idxno=115822> (accessed: 14.01.2025).

срочные интересы в области безопасности и экономики, а украинский кризис способствовал развитию их военного сотрудничества. Однако многолетние санкции со стороны западных стран привели к асимметрии в торгово-экономических связях. В то же время он отмечает, что оборонные отношения и экономические связи между странами СВА эффективно снижают риск конфронтации между блоками, и сотрудничество между Россией и КНДР по-прежнему основано на существующей архитектуре безопасности [Xu Bo, Zou Songyang, 2025, 28—46]. Это также является распространённой точкой зрения среди китайских учёных. Исследователь Фуданьского университета Ма Бинь отмечает, что Россия долгое время рассматривалась в СВА как «маргинализированный» актор, однако проблема Корейского п-ва может предоставить России возможность для быстрого повышения своего статуса в регионе. Он также считает, что в российско-северокорейских отношениях политика, безопасность и экономика не являются изолированными; именно взаимодействие этих трёх факторов стало важным путём развития российского Дальнего Востока и укрепления позиций России в Северо-Восточной Азии [Ma Bin, 2016, 150—162].

Кроме того, нынешняя ситуация в СВА характеризуется доминированием альянса США, Японии и Южной Кореи, направленного против КНДР, что нарушает баланс сил. При этом Северная Корея сохраняет свою независимость и приверженность самостоятельному развитию. Хотя Китай остается крупнейшим торговым партнером КНДР, его политическое влияние ограничено отсутствием реальных механизмов для достижения консенсуса между сторонами. Особенно это стало очевидно в условиях обострения китайско-американских отношений.

Участие России в ситуации на полуострове может внести дополнительную гибкость в региональную политику, которая становится все более поляризованной. При этом двусторонние отношения между Китаем и Россией, Россией и КНДР, а также Китаем и КНДР основываются на равноправии и взаимной выгоде. Эти отношения не являются примерами нулевой суммы или классического военного союза. Более того, трехстороннее взаимодействие не подразумевает автоматического следования, зависимости или единства в рамках коалиции. Важным является отказ от воспроизведения конфронтационной схемы типа «Север против Юга», характерной для холодной войны [Long Z., Jiaxuan L., 2023, 29—46].

Тем не менее, как отмечают западные СМИ, положения договора о взаимопомощи в военной сфере могут усугубить сложность ядерной проблемы КНДР. Вопрос о том, приведет ли дальнейшее развитие российско-северокорейского военного сотрудничества к более жестким провокациям со стороны США, которые могут обострить ситуацию на полуострове и сорвать диалоговый формат урегулирования, пока остается открытым.

Таким образом, позиция Китая в отношении ДВСП между Россией и КНДР является не пассивной сдержанностью, а подтверждением приверженности своим принципам безопасности. Китай стремится не только избежать эскалации напряженности в СВА, но и содействовать реализации концепции глобальной безопасности.

Договор между Россией и КНДР и евразийская система безопасности

В 2024 г. российское руководство неоднократно подчеркивало необходимость создания новой системы безопасности. В феврале президент Владимир Путин в своем послании Федеральному собранию заявил о важности формирования равноправной и неделимой системы безопасности на евразийском пространстве [Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, 2024]. В мае, во время официального визита Путина в Китай, стороны также обсудили эту тему. По словам президента России, китайская сторона отметила, что российская инициатива не противоречит принципам инициативы глобальной безопасности, предложенной Китаем, а, напротив, является её дополнением [Встреча с руководством МИД России, 2024]. На саммите ШОС Владимир Путин вновь публично представил свое видение создания «евразийской системы безопасности», которая должна заменить устаревшую «евроатлантическую модель», основанную на доминировании США¹.

Концепция евразийской стратегии охватывает обширное геополитическое пространство, однако ключевым звеном, связывающим текущие кризисы на Украине и на Корейском п-ве, остается Россия и КНДР. Уже во время визита Путина в КНДР некоторые эксперты заявили, что это событие стало отправной точкой для реализации плана по созданию системы евразийской безопасности². Заместитель министра иностранных дел России Андрей Руденко подчеркнул, что подписание ДВСП между Россией и КНДР закладывает основу для формирования новой архитектуры евразийской безопасности³. Таким образом, российско-северокорейское соглашение не только свидетельствует о новом уровне двусторонних отношений, но и имеет долгосрочные последствия для реализации концепции евразийской системы безопасности.

Евразийский континент представляет собой сложное геополитическое пространство с многочисленными и неоднозначными отношениями между государствами. Наиболее важным элементом предлагаемой системы безопасности является отказ от модели однополярного военного альянса, созданной США⁴. Теоретически полноценная евразийская система безопасности может включать такие региональные державы, как Россия, Китай, Индия и Иран, меньшие по

¹ Росстелс-агентство. «Россия предлагает создать 'новую рамку безопасности' для стран Евразийского континента» // Sputnik news. 08.07.2024. URL: <https://sputniknews.cn/20240708/1060295917.html> (дата обращения: 12.12.2024). (На кит.)

² Росстелс-агентство. «Россия предлагает создать 'новую рамку безопасности' для стран Евразийского континента» // Sputnik news. 08.07.2024. URL: <https://sputniknews.cn/20240620/1059974561.html> (дата обращения: 12.12.2024). (На кит.)

³ Руденко заявил, что отношения с КНДР вышли на качественно новый уровень // ТАСС. 24.10.2024 г. URL: <https://tass.ru/politika/22211493> (дата обращения: 12.12.2024).

⁴ Евразийская структура безопасности: от идеи к практике // РСМД. 15.04.2024 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evraziyskaya-struktura-bezopasnosti-ot-idei-k-praktike/> (дата обращения: 12.12.2024).

размеру государства региона, уже существующие международные организации, а также отдельные государства — члены НАТО или союзников США в Азии. Принцип равенства и неделимой безопасности, лежащий в основе новой системы, предполагает, что она будет построена на «децентрализованной» модели, сравнимой с архитектурой блокчейна. Для этого потребуется разработка прозрачных и надежных механизмов взаимодействия между государствами и организациями.

В этом контексте российско-северокорейский договор о всеобъемлющем партнерстве является важным элементом, поскольку сочетает в себе факторы, которые не включают западные альянсы, такие как НАТО или созданные США азиатские союзы. Подписанное соглашение между Россией и КНДР характеризуется равноправием, прозрачностью и независимостью. Трехстороннее взаимодействие между Россией, Китаем и КНДР отражает независимые, не зависящие друг от друга позиции стран и отсутствие тесной координации в духе жестких альянсов. Дополнительная синергия между российской концепцией евразийской системы безопасности и китайской инициативой глобальной безопасности создает потенциал для применения этих принципов и в других регионах. В контексте безопасности Северо-Восточной Азии российско-северокорейское сотрудничество может способствовать установлению динамического баланса между региональными альянсами и альянсом США, Японии и Южной Кореи, избегая жесткой конфронтации.

Однако значение Корейского п-ва в рамках евразийской стратегии имеет свои ограничения. Полуостров находится на периферии евразийского континента, а интересы сторон здесь четко определены. При этом США стремятся использовать угрозу расширения своего военного присутствия для продвижения политики поляризации. В отличие от этого, Центральная Азия, которую многие геополитики называют «центральной зоной», окружена Россией, Китаем, Турцией и Ираном. В регионе наблюдается усиление инвестирования со стороны Запада, что способствует многообразию дипломатических подходов. Простое копирование российско-северокорейского соглашения может усилить напряженность и недоверие между крупными державами. Кроме того, исследователь Китайской академии общественных наук Сяо Бинь отметил, что общие угрозы меняются вместе с изменениями в международной системе и во внешней политике государств. Поэтому государства будут рассматривать вопросы, смогут ли они получить реальную защиту в рамках этой системы безопасности, сталкиваясь с реальными рисками, а также откажутся ли от них страны-партнёры или окажут им помощь [Bin X., 2024].

Несмотря на это, подписание российско-северокорейского договора подчеркивает позитивные аспекты, такие как необходимость создания регионального баланса, продвижение многостороннего диалога между странами и организациями, а также минимизацию негативных последствий от конфронтационной политики альянсов. Однако, чтобы эффективно применить подобные подходы в других регионах, потребуется активное участие России, Китая и заинтересованных сторон в разработке надежных механизмов сотрудничества.

项昊宇. 准三边同盟：从戴维营峰会看美日韩合作的趋向与限度 // 东北亚学刊. [Сян Хаоюй. Почти треугольный альянс: тенденции и пределы сотрудничества США, Японии и Южной Кореи в контексте встречи в Кэмп-Дэвиде] // Журнал исследований Северо-Восточной Азии. 05(2023). Рр. 1—12, 146. (На кит.)

徐博, 邹松洋. 俄乌冲突背景下俄朝合作的演变逻辑：战略观念、国家利益与国际体系 // 俄罗斯学刊. [Сюй Бо, Цзоу Сунъян. Логика эволюции сотрудничества между Россией и КНДР на фоне российско-украинского конфликта: стратегические представления, национальные интересы и международная система] // Русский академический журнал. 2025, 15(02). Рр. 28—46. (На кит.)

赵隆, 廉佳璇. 俄朝构建“全方位”关系：驱动逻辑、外溢效应与结构短板 // 俄罗斯学刊. [Чжао Лун, Лян Цзясюань. «Россия и Северная Корея: построение 'всесторонних' отношений: логика двигателей, эффекты внешнего влияния и структурные недостатки»] // Русский академический журнал. 2023, 13(06). Рр. 29—46. (На кит.)

中华人民共和国中央人民政府. 全球安全倡议概念文件（全文）[Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. «Концептуальный документ инициативы по глобальной безопасности (полный текст)». 21.02.2023. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2023-02/21/content_5742481.html (дата обращения: 10.12.2024). (На кит.)

References

Lukin A. Rossiya i severokorejskij yadernyj krizis [Russia and the North Korean Nuclear Crisis] // Izvestia of the Eastern Institute. 2017. No.2 (34). Рр. 59—67. (In Russian)

Asmolv K., Zakharova L. Otnosheniya Rossii s KNDR v XXI veke: itogi dvadcatiletiya. [Russia's Relations with North Korea in the 21st Century: A Twenty-Year Review] // RUDN Journal of International Relations. 2020. No.3. Рр. 585—604. (In Russian)

Zabrovskaya L. Vliyanie perestrojki na harakter otnoshenij SSSR i KNDR [The Impact of Perestroika on the Nature of USSR-North Korea Relations] // Russia and the Asia-Pacific Region. 2016. No.1 (91). Рр. 46—56. (In Russian)

Official Website of the President of Russia. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. 29.02.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (accessed: 12.12.2024).

Official Website of the President of Russia. Meeting with the Leadership of the Russian Ministry of Foreign Affairs. 14.06.2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/74285> (accessed: 12.12.2024).

Karpovich O., Smagina L. Rossiya — Respublika Koreya: itogi i perspektivy (30 let ustanovleniya diplomaticheskikh otnoshenij [Russia — Republic of Korea: Results and Prospects (30 Years of Diplomatic Relations)] // Comparative Politics. 2021. No.2. Рр. 111—120. (In Russian)

Khrenov V., Rostovskaya M. Sovetsko-severokorejskie ekonomicheskie otnosheniya v poslevoennyj period (1953—1991 gg.) [Soviet-North Korean Economic Relations in the Postwar Period (1953—1991)] // Korean Studies in Russia: Directions and Development. 2024. No.2. Рр. 176—183. (In Russian)

Yao Bowen. China balances cautiously between Russia and North Korea // East Asia Forum. 2024. URL: <https://eastasiaforum.org/2024/12/10/china-balances-cautiously-between-russia-and-north-korea/> (accessed: 12.12.2024).

Xiao Bin. Putin Visit to China Highlights Security Cooperation // CHINA US Focus. 14.05.2024. URL: <https://cn.chinausfocus.com/foreign-policy/20240509/43229.html#chneng> (accessed: 12.12.2024).

北京大学中外人文研究基地. 张云：俄朝接近导致中国在半岛的影响力弱化？观点 // Peking University Research Base for Chinese and Foreign Humanities. Zhang Yun: Does the Closer Russia-North Korea

Relationship Weaken China's Influence on the Korean Peninsula? Opinion. 27.06.2024. URL: <https://www.igcu.pku.edu.cn/info/1026/6729.htm> (accessed: 12.12.2024). (In Chinese).

马斌. 俄朝关系新进展及其驱动因素分析 // 中国与世界. [New Developments in Russia—North Korea Relations and Analysis of Their Driving Factors // China and the World]. 2016(00). Pp. 150—162. (In Chinese).

项昊宇. 准三边同盟：从戴维营峰会看美日韩合作的趋向与限度 // 东北亚学刊. [Xiang Haoyu. A Quasi-Trilateral Alliance: Trends and Limits of U.S.-Japan-South Korea Cooperation from the Perspective of the Camp David Summit // Journal of Northeast Asian Studies]. 05(2023). Pp. 1—12, 146. (In Chinese).

徐博, 邹松洋. 俄乌冲突背景下俄朝合作的演变逻辑：战略观念、国家利益与国际体系 // 俄罗斯学刊. [Xu Bo, Zou Songyang. The Evolutionary Logic of Russia—North Korea Cooperation in the Context of the Russia—Ukraine Conflict: Strategic Concepts, National Interests, and the International System // Russian Academic Journal]. 2025, 15(02). Pp. 28—46. (In Chinese).

赵隆, 廉佳璇. 俄朝构建“全方位”关系：驱动逻辑、外溢效应与结构短板 // 俄罗斯学. [Zhao Long Lian Jiaxuan. Russia and North Korea's “Comprehensive” Relationship: Driving Logic, Spillover Effects, and Structural Weaknesses // Russian Studies]. 2023, 13(06). Pp. 29—46. (In Chinese).

中华人民共和国中央人民政府. 全球安全倡议概念文件（全文） [The Central People's Government of the PRC. Global Security Initiative Concept Paper (Full Text)]. 21.02.2023. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2023-02/21/content_5742481.htm (accessed: 10.12.2024). (In Chinese).

Поступила в редакцию: 22.05.2025
Received: 22.05.2025

Принята к публикации: 23.06.2025
Accepted: 23.06.2025

В.К. Есина

Переосмысление травмы: книга Пак Ю Ха «“Женщины для утешения” Японской империи» и попытка автора пересмотреть образ вианбу в южнокорейском обществе

Аннотация. Проблема «женщин для утешения» — это один из наиболее болезненных и спорных вопросов в отношениях между Южной Кореей и Японией. На протяжении многих лет официальный южнокорейский нарратив о *вианбу* строился вокруг образа пассивных жертв, рекрутированных в японские полевые бордели и подвергавшихся там насилию и унижению.

Однако книга корейской исследовательницы Пак Ю Ха «“Женщины для утешения” Японской империи» поставила под сомнение правдивость этого стереотипного представления, предложив более глубокий взгляд на судьбы этих женщин. По словам Пак, не все кореянки были юные, чистые и невинные, как принято считать, и не все из них страдали на «станциях утешения», а некоторые даже получали зарплату и налаживали с японцами вполне дружеские отношения. Автор также критикует деятельность правозащитников, особенно Корейского совета, которые, по ее мнению, монополизировали право на формирование образа *вианбу*, в результате чего в современном корейском обществе сложилась довольно агрессивная и непримиримая среда, не допускающая никаких других точек зрения по проблеме «женщин для утешения».

После публикации книги Пак Ю Ха стала в глазах корейской общественности предательницей. В течение десяти лет она пыталась в суде отстоять свое право на академическую интерпретацию и свободу слова, пока Верховный суд Южной Кореи в октябре 2023 г. не оправдал ее.

Можно сказать, что, написав книгу, Пак вступила в конфликт не с самой историей, а с механизмом формирования исторической памяти. История «женщин для утешения» — это важная часть национальной памяти корейского народа о войне и японском колониализме, и потому в обществе неизбежно сложился миф о них как о национальных героинях, борцах и жертвах. Однако Пак подошла к проблеме сугубо рационально, затрагивая болезненные аспекты и стремясь открыть людям глаза на неудобную правду. Попытка такого переосмысления, пусть и не направленная на отрицание страданий жертв, была воспринята как посягательство на святое. Конфликт, развернувшийся вокруг книги, стал не просто спором о фактах, а борьбой за контроль над интерпретацией травматического прошлого. В статье утверждается, что подобные нарративы не поддаются пересмотру извне — изменения возможны лишь тогда, когда в обществе сфор-

мируется внутренняя готовность к диалогу и переосмыслению. Судьба книги Пак Ю Ха показывает, что без такой готовности даже ценные и смелые исследования обречены остаться на периферии общественного сознания.

Ключевые слова: «женщины для утешения», вианбу, книга, Пак Ю Ха, общество, Южная Корея.

Автор: Есина Валерия Константиновна, магистрант Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1). ORCID: 0009-0003-6021-0106. E-mail: yesinavaleria@gmail.com

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Есина В.К. Переосмысление травмы: книга Пак Ю Ха «Женщины для утешения» Японской империи» и попытка автора пересмотреть образ вианбу в южнокорейском обществе // Корееведение. 2025. № 2 (11). С. 74—103. DOI: 10.48647/ICCA.2025.67.10.007.

Esina V. K.

Rethinking Trauma: Comfort Women of the Japanese Empire by Park Yu-ha and Author's Attempt to Reframe the Image of the Wianbu in South Korean Society

Abstract. The issue of “comfort women” is one of the most painful and contentious topics in relations between South Korea and Japan. For many years, the official South Korean narrative about the *wianbu* was built around the image of passive victims, recruited into Japanese military brothels and subjected to violence and humiliation. However, the book *Comfort Women of the Japanese Empire* by Korean scholar Park Yu-ha challenged the truthfulness of this stereotypical portrayal, offering a more complex view of these women's lives. According to Park, not all Korean women were young, pure, and innocent, as commonly believed, and not all of them suffered in the “comfort stations”. Some even received salaries and formed relatively friendly relationships with the Japanese.

The author also criticizes the activities of human rights advocates, particularly the Korean Council, which, in her view, monopolized the right to shape the image of the *wianbu*. As a result, modern Korean society has developed a rather aggressive and uncompromising atmosphere that allows no alternative viewpoints on the issue of “comfort women”. After the publication of her book, Park Yu-ha was branded a traitor by the Korean public. For ten years, she fought in court to defend her right to academic interpretation and freedom of speech, until South Korea's Supreme Court acquitted her in October 2023.

It can be said that by writing her book, Park did not enter into conflict with history itself, but rather with the mechanism of historical memory formation. The story of the “comfort women” is an important part of the Korean people's national memory of war and Japanese colonialism. Therefore, a myth inevitably took shape in society, portraying them as national heroines, fighters, and victims. Yet Park approached the issue in a strictly rational manner, touching on painful aspects and seeking to open people's eyes to inconvenient truths.

Such an attempt at rational rethinking, even though it was not aimed at denying the suffering of the victims, was perceived as an attack on something sacred. The conflict that unfolded around the book became not just a dispute over facts, but a struggle for control over the interpretation of a traumatic past. This article argues that such narratives cannot be revised from the outside. Change is only possible when society develops an internal readiness for dialogue and re-evaluation. The fate of Park Yu-ha's book

shows that without such readiness, even valuable and courageous research is doomed to remain on the margins of public consciousness.

Keywords: comfort women, wianbu, book, Park Yuha, society, South Korea.

Author: Valeria K. Esina, Master's Student of the Institute of Asian and African Studies at Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0009-0003-6021-0106.
E-mail: yesinavaleria@gmail.com

Conflict of Interest: The author declares the absence of the conflict of interests.

For citations: Esina V.K. Pereosmyslenie travmy: kniga Pak Ju Ha «“Zhenshiny dlya utesheniya” Japonskoj imperii» i popytka avtora peresmotret' obraz wianbu v juzhnokorejskom obshhe-stve [Rethinking Trauma: Comfort Women of the Japanese Empire by Park Yu-ha and Author's Attempt to Reframe the Image of the Wianbu in South Korean Society] // Koreevedenie [Koreanology], 2025, 2 (11). С. 74—103.
DOI: 10.48647/ICCA.2025.67.10.007.

Введение

Проблема «женщин для утешения» — это один из наиболее болезненных вопросов в японо-южнокорейских отношениях. На протяжении десятилетий официальный корейский нарратив о *вианбу* строился вокруг образа пассивных жертв, насильно увезенных в японские полевые бордели и столкнувшихся там с нечеловеческой жестокостью. Этот образ формировался при активном участии гражданских активистов, неправительственных организаций и средств массовой информации, в результате чего в общественном сознании закрепился единственный легитимный образ жертв, а любые свидетельства и интерпретации, не вписывающиеся в этот канон, оказались вытеснены на периферию памяти или вовсе исключены из нее.

Книга корейской исследовательницы Пак Ю Ха «“Женщины для утешения” Японской империи» бросила вызов этому представлению, предложив более глубокий и неоднозначный взгляд на судьбы этих женщин. Закономерно ее исследование вызвало большой общественный резонанс, продемонстрировав, насколько борьба за сохранение памяти может трансформироваться в борьбу за монополию на ее интерпретацию, вплоть до исключения из дискурса самих жертв, чьи воспоминания не укладываются в каноническую версию событий.

В настоящей статье анализируется, как и чьими усилиями в Южной Корее сформировался образ «женщин для утешения», какие именно идеи Пак Ю Ха вызвали в обществе отторжение и критику. Цель данного исследования — выяснить, в чем заключается конфликт между книгой Пак Ю Ха и устоявшимся представлением о *вианбу* как о жертвах колониального режима в соответствии с доминирующим в официальном политическом дискурсе и корейской историографии подходе о колониальной эксплуатации.

Кто такие «женщины для утешения»

Военные публичные дома, или «станции утешения», появились в японской армии в 1930-х годах. Так руководство боролось с изнасилованиями, которые могли привести к конфликтам между военными и местным населением. Станции также были призваны поддерживать боевой дух солдат, пресекать возмож-

ность шпионажа через проституток и защищать личный состав от венерических заболеваний [Стрельцов, 2022, с. 88]. Там оказывались девушки из стран, попавших под японскую колониальную зависимость. Точных данных о количестве и национальном составе работниц нет, а приводимые в литературе оценки варьируются от десятков тысяч до полумиллиона человек. В их рядах были китайки, индонезийки, голландки, филиппинки и даже японки, но считается, что большую часть работниц составляли кореянки. Японцы называли девушек «ианфу» (慰安婦) — «женщины для утешения», корейское же прочтение этих иероглифов — «вианбу» (위안부).

Девушки попадали на станции разными способами: одни поступали на службу добровольно, других рекрутировали насильственно либо же продавали собственные семьи, однако многих кореянок попросту обманывали, предлагая работу в метрополии. Работавшая на «станции утешения» в годы войны г-жа Кан рассказывала: «Однажды мне сказали: “Доа! Если ты пойдешь, куда тебе скажут, ты разбогатеешь. Сможешь есть досыта!” Я тогда рассудила, что так и я смогу нормально есть и одеваться, и мои родители, братья и сестры тоже смогут хорошо жить... Тогда почему бы и не попробовать? Они сказали, что могут забрать меня в любой день. Говорили, если пойти туда и немного поработать, можно будет отправлять деньги домой. Я пошла с этими мыслями». На вопрос, знала ли она, чем ей придется заниматься, г-жа Кан ответила: «Не знала, конечно. И родители [не знали]. Они знали только, что деньги будут приходить хорошие. Я думала, буду еду готовить или что там... убираться буду. Даже в мыслях не было другой работы. Такое даже в страшном сне не приснится. <...> Если бы знала все заранее, пошла бы за ними? Может быть, просто утопилась бы в речке. Да и семья бы меня не пустила»¹. Другую девушку, 16-летнюю Сон Син До, заманили на станцию, пообещав ей, что она будет присматривать за прачечной и медпунктом, но в итоге она попала на японские военные базы в Китае, где ей также пришлось заниматься проституцией².

Сложно сказать, какими были условия жизни и работы на станциях. Вероятно, они различались в зависимости от военной части. Во многих свидетельствах описывается сочетавшийся с жестоким обращением и побоями тюремный режим. На таких станциях девушки фактически оказывались армейским имуществом и обращение с ними было соответствующее. Г-жа Кан вспоминала: «Меня схватили и колотили. Били просто до смерти. Поймали и колотили до смерти, словами не передать. Меня четыре дня морили голодом. Это ведь не шутки. Когда тебя бьют здоровенные амбалы, кто это сможет выдержать? Не выразить словами»³. Другая женщина, г-жа Ли Ок Сон, рассказывала, что за один день им при-

¹ Интервью с г-жой Кан от Школы Востоковедения НИУ ВШЭ / пер. с кор. Нонны Бобровой // Высшая школа экономики. URL: <https://oriental.hse.ru/hismem/kan> (дата обращения: 10.04.2025).

² Testimony of Former Comfort Woman // Korea JoongAng Daily. 04.01.2003. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2003/01/04/socialAffairs/Testimony-of-Former-Comfort-Woman/1869678.html> (accessed: 20.05.2025).

³ Интервью с г-жой Кан от Школы востоковедения НИУ ВШЭ / пер. с кор. Нонны Бобровой // Высшая школа экономики. URL: <https://oriental.hse.ru/hismem/kan> (дата обращения: 10.04.2025).

ходилось обслуживать 40—50 солдат, а тех девушек, которые отказывались делать это, выстраивали у стены и резали ножами. Ли сказала: «Я не называю это “станцией утешения”. Я называю это бойней»¹. В свою очередь, Джен Рафф-О’Херн, голландка, которая была увезена из индонезийского лагеря для военнопленных, вспоминала, как прибыла на станцию: «Мы сразу же начали протестовать. Мы говорили, что нас не заставят это делать, что они не имеют права нас заставлять, ведь это противоречит Женевской конвенции. А они просто смеялись над нами. Они говорили, что могут сделать с нами все, что захотят»². По свидетельствам других *вианбу*, их жизнь была не такой тяжелой: они имели свободное время, получали деньги на личные нужды и т. п. Так, например, г-жа Мун Ок Чжу, работавшая в Бирме, утверждала, что смогла накопить небольшую сумму денег, часть из которых отправила семье в Корею³.

С течением войны условия жизни *вианбу* закономерно ухудшались, возможности уйти у них не было. Но даже если бы командование и отпустило работницу, ей просто некуда было идти, ведь станции располагались вдали от их родины. В итоге выживало меньшинство: после капитуляции Японии эвакуацией женщин никто не занимался, многие не смогли вернуться домой и пропали без вести, а часть были убиты отступающими войсками [Стрельцов, 2022, с. 90].

Как формировался образ «женщин для утешения» в корейском обществе

Как общественно-политическая проблема вопрос «женщин для утешения» оформился только в 1990-е годы, хотя о нем говорили и раньше. Первая монография на эту тему была опубликована японским журналистом Сэнда Како в 1973 г. под названием “Military Comfort Women: The Indictment of 80,000 Voiceless Women” и стала «скрытым» бестселлером среди ученых и интеллектуалов, не привлекая широкого внимания общественности [Stetz, Oh, 2015, pp. 33—34]. Примечательно, что Како, начавший исследование в 1960-х годах, т. е. спустя всего примерно двадцать лет после окончания Второй мировой войны, до этого не имел никакого представления о *вианбу* и узнал о них совершенно случайно, когда занимался подготовкой фотоальбома «Боевой опыт Японии» для журнала Mainichi Graph. Он писал: «Именно в ходе этой работы я наткнулся на десятки странных фотографий женщин. На снимках, по всей видимости, были кореянки, которые шли вместе с солдатами и несли багаж на головах. Эти фото встречались мне постоянно. Судя по всему, они были сделаны вскоре после начала японской оккупации Китая. Женщины были одеты в японскую одежду, их прически тоже были в японском стиле. Когда они садились на корабль, китайцы смотрели на них с отвращением. На негативах не было никаких пояснений, кем были эти

¹ An Important Statue for “Comfort Women” in San Francisco // The New Yorker. 12.10.2017. URL: <https://www.newyorker.com/culture/culture-desk/an-important-statue-for-comfort-women-in-san-francisco> (accessed: 19.05.2025).

² Ibid.

³ The Truth about the Comfort Women // Kyoikukan Inxex. 03.08.2024. URL: https://www.shirakaba.gr.jp/home/tayori/k_tayori157EN.htm (accessed: 20.05.2025).

женщины, и я решил выяснить это самостоятельно, и именно тогда впервые узнал о *вианбу*» [Stetz, Oh, 2015, p. 34].

В 1980-х годах в Японии было опубликовано еще несколько книг о *вианбу*, но и они не привлекли широкого внимания общественности [Stetz, Oh, 2015, p. 34]. В Корее данная тема также долгое время оставалась в тени, поэтому в массовом сознании вплоть до 1990-х не сложилось как такового образа «женщин для утешения»: о них попросту ничего не знали, а сами они не спешили публично делиться своими историями, на что были свои причины. Выделим некоторые из них.

Во-первых, в патриархальном корейском обществе сексуальное насилие воспринималось как позор для женщины и ее семьи. Жертва считалась «оскверненной» и потому нежеланной для брака, причем в том, что с ней произошло, была виновата она сама¹. Женщины чувствовали себя никчемными и грязными, и многие из них после войны так и не смогли вернуться к нормальной жизни. Вот как о своей жизни рассказывала Ким Бок Дон, ставшая *вианбу* в 14 лет: «После того, как меня забрали, многие девушки из моей деревни тоже куда-то уехали. Никто точно не знал, стали ли они “женщинами для утешения”. Сами они говорили, что поехали работать в госпиталь или детский приют. Я тоже говорила, что работала в госпитале. В нашей деревне не было врача, и когда дети болели, я делала им уколы и знала, какие лекарства следует принимать, поэтому все мне верили. Поначалу о моем прошлом знали только мама и старшая сестра, но потом узнали и другие братья и сестры. Хотя и мама тоже сначала не знала и пыталась выдать меня замуж, поэтому мне пришлось ей рассказать. Я этого не хотела, но не могла иначе. Над моим телом столько издевались, что я не желала портить жизнь другому мужчине. <...> Две женщины, с которыми я вместе работала на станции, после возвращения на родину оказались в борделях. Я спросила у одной: “Как у тебя не дрожит тело от ужаса?”, а она ответила: “А что еще я умею делать? Я только это и знаю”»². Ким Бок Дон в итоге все-таки вышла замуж, но брак этот был бездетным и несчастливym, и после смерти мужа она осталась совсем одна. Ее история свидетельствует о том, что многие женщины после пережитого ставили на себе крест и оставляли всякую надежду на нормальную жизнь. Общество того времени не могло их принять, а они понимали это и потому молчали. Алексис Дадден из университета Коннектикута отметила: «Я думаю, ее история после возвращения в Корею — это действительно хорошее объяснение двойной виктимизации тех, кто выжил. В этом обществе женщины не могли выступить публично»³.

Во-вторых, в послевоенные годы в корейском обществе еще не сложились условия для осмысления и проговаривания травматического опыта *вианбу*. После

¹ An Important Statue for “Comfort Women” in San Francisco.

² 제1차 아시아연대회의 김복동의 증언 (한국어) // 전쟁과여성인권아카이브 (Че 1-ча Асия ёнде хвечи Ким Бок Доны чынон (Хангуго)). [Свидетельство Ким Бок Дон на Первой азиатской конференции солидарности // Архив войны и прав человека]. 10.08.1992. URL: <https://archives.womenandwar.net/items/show/5738> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

³ Obituary: Kim Bok-dong, the South Korean 'comfort woman' // BBC. 03.02.2019. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-47042684> (accessed: 10.04.2025).

освобождения в 1945 г. страна была сосредоточена на восстановлении: корейцам приходилось тяжело трудиться в условиях крайней бедности и политической и социальной нестабильности. На фоне этого проблема изнасилованных во время войны женщин была попросту неактуальной. Более того, даже если бы они и хотели рассказать о своем опыте, в то время в Корее не существовало соответствующего общественного дискурса и институтов, которые признавали бы сексуальное насилие как социально значимую проблему. В результате в своей беде женщины оказались одинокими и изолированными. Всеобщее молчание породило в их сознании мысль, что они были чуть ли не единственными, кто подвергся издевательствам со стороны японцев. Здесь примечательна история бывшей *вианбу* Ли Ён Су, опубликованная в *The Washington Post*: «В течение 47 лет после окончания войны и возвращения домой она никому не рассказывала о том, что с ней произошло. Она чувствовала стыд, страх и одиночество и понятия не имела, что ее страдания разделили тысячи других молодых женщин, также работавших на “станциях утешения” по всему Тихоокеанскому региону. Будучи не в силах довериться семье, она так и осталась одинокой и бездетной на всю жизнь. Но в 1991 г., когда одна из “женщин для утешения” нарушила полувековое молчание, Ли поняла, что она была не одна. И, наконец, она заговорила»¹. Ли рассказывала: «Я потеряла себя на долгие годы. Я думала, я никчемна. Я не говорила об этом, и никто меня не спрашивал. Пока другие женщины не заговорили, меня просто не существовало»².

В-третьих, после войны многие *вианбу* не знали, куда себя деть, и потому продолжали заниматься проституцией, но уже на американских военных базах в Южной Корее. Работниц называли уничижительным словом «янгончжу» (양공주), переводимым как «принцесса янки» или «западная принцесса», но также имеющим другие коннотации, такие как «жена янки», «проститутка янки» и «леди ООН» [Kim, Choi, 1998, p. 178]. В Корее они занимали самое низкое место в иерархии секс-работниц. Позже этот термин стали применять и к простым женщинам, вступившим в брак с американскими солдатами. И они, и *янгончжу* подвергались стигматизации за недостойное поведение и считались предательницами нации. Что касается секс-работниц, то сам факт того, что они, казалось, добровольно пошли работать к американцам, только укрепил окружающих в мысли, что они обычные проститутки, которые попросту не хотят зарабатывать на жизнь другим способом. Если «женщин для утешения» еще можно было как-то оправдать, то здесь оправданий уже не было. Конечно, ситуация, когда девушки имели секс с американцами «за тушенку и сигареты», с точки зрения феминисток, не сильно отличается от ситуации *вианбу*, потому что речь в любом случае идет о принуждении и высоком уровне насилия в обществе. Тем не менее «западные принцессы» пока не объявлены жертвами военных преступлений, по-

¹ 70 years later, a Korean ‘comfort woman’ demands apology from Japan // *The Washington Post*. 22.04.2015. URL: https://www.washingtonpost.com/local/70-years-later-a-korean-comfort-woman-demands-apology-from-japan/2015/04/22/d1cf8794-e7ab-11e4-9767-6276fc9b0ada_story.html (accessed: 10.04.2025).

² Ibid.

этому здесь могут существовать различные точки зрения. Следует подчеркнуть, что проституция с американскими военными, вынужденная или добровольная, еще больше навредила и без того шаткой репутации девушек, что также стало причиной их молчания.

Наконец, нельзя не отметить, что любая национальная травма осмысляется не сразу, а лишь спустя время. Она прорывается в общественном сознании либо через несколько поколений, либо в периоды политических и культурных изменений, когда возникает «окно возможностей». Травма часто становится предметом обсуждения, когда появляются новые свободы в результате падения диктатур и начала демократизации, когда возникают новые социальные движения, а также когда вырастают новые поколения, более смелые и дерзкие, не связанные условностями предыдущих эпох, готовые открыто говорить о болезненных темах и переосмыслять устоявшиеся стереотипы. Все эти факторы сошлись в Южной Корее в 1990-х годах, и именно в это время бывшие *вианбу* впервые заговорили о своем трагическом прошлом.

Формирование образа «женщин для утешения» не было стихийным: он складывался в процессе политической и общественной мобилизации, в значительной степени осуществляемой усилиями некоммерческих организаций (НКО), активистов и СМИ. В октябре 1990 г. корейские феминистки выступили с программой из шести пунктов, в которой потребовали, среди прочего, признания японским правительством факта насильственной мобилизации женщин во время войны, принесения официальных извинений и выплаты компенсаций жертвам [Żakowski, 2020, 156]. Спустя месяц, в ноябре 1990 г., была создана НКО «Корейский совет по делам женщин, привлеченных Японией к сексуальному рабству в военное время» (The Korean Council for the Women Drafted for Military Sexual Slavery by Japan, 한국 정신대문제대책협의회), в 2018 г. переименованная в Корейский совет справедливости и памяти по вопросам военного сексуального рабства Японии (The Korean Council for Justice and Remembrance for the Issues of Military Sexual Slavery by Japan, 일본군성노예제 문제해결을 위한 정의기억연대). Своими главными целями Совет объявил: раскрыть реальный масштаб проблемы «женщин для утешения»; добиться признания того, что система военного сексуального рабства Японии является преступлением; получить со стороны японского правительства официальные извинения и денежную компенсацию для выживших *вианбу*; привлечь к ответственности виновных в создании и управлении системой «станций утешения»; строить музеи и памятники жертвам; добиться включения фактов, связанных с системой военного сексуального рабства, в японские школьные учебники¹. На сайте Совета также указаны следующие задачи: создание онлайн и оффлайн возможностей для участия граждан в движении, включая еженедельные демонстрации по средам; превращение Дня памяти «женщин для

¹ Мусинова И.А., Гракова Ю.В. Роль неправительственных организаций в решении проблемы «Станций утешения» на примере корейского совета по делам женщин, привлеченных Японией к сексуальному рабству в военное время // Modern oriental studies. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-nepравitelstvennyh-organizatsiy-v-reshenii-problemy-stantsiy-utesheniya-na-primere-koreyskogo-soveta-po-delam-zhenshin> (дата обращения: 10.05.2025).

утешения» в Международный день против сексуальной эксплуатации и нарушений прав женщин в условиях конфликтов; укрепление символического значения «статуй мира» в Корее и за рубежом; подготовку международных активистов и развитие взаимодействия с международными организациями, включая ООН; разработку соответствующих образовательных и информационно-просветительских программ и др.¹

В декабре 1990 г. бывшие *вианбу* и корейцы, служившие в рядах японской армии, а также семьи погибших (всего 35 истцов) подали совместный иск против японского правительства в Токийский окружной суд с требованием извинений и компенсаций. Тогда Корейский совет взял на себя ответственность помогать жертвам бороться в суде и предоставлять им финансовую, психологическую и медицинскую помощь². Правительство же не могло официально вмешаться, поскольку в 1965 г. Республика Корея и Япония договорились об отказе от взаимных претензий по итогам Второй мировой войны³. Во многом именно поэтому НКО, которые, в отличие от государства, не были связаны никакими обязательствами, взяли в свои руки борьбу за права «женщин для утешения» и формирование их образа в публичном пространстве.

В 1991 г. одна из бывших *вианбу* Ким Хак Сун впервые рассказала о своем опыте работы на станции, что положило начало волне свидетельств и от других пострадавших. Принимая во внимание болезненность подобных историй, Корейский совет стал брать у жертв и анонимные интервью. В декабре еще одна группа корейских граждан при поддержке НКО (Корейской ассоциации жертв войны в Тихоокеанском регионе и семей, лишившихся родственников) подала иск в суд против японского правительства⁴. Требования истцов оставались теми же, и японцы не спешили их выполнять. Тогда Корейский совет стал организовывать акции протеста перед посольством Японии в Сеуле. Первая такая акция состоялась 8 января 1992 г., и с тех пор демонстрации проводятся каждую среду. На них, несмотря на пожилой возраст, присутствовали и бывшие *вианбу*. 14 декабря 2011 г. прошла тысячная по счету демонстрация, в ходе которой был установлен мемориал «женщинам для утешения» — Статуя мира (평화의 소녀상).

С момента своего создания Корейский совет стал доминирующим голосом во всех публичных дискуссиях, связанных с проблемой *вианбу*. Он выступал от имени жертв в политическом пространстве (в частности, осудил соглашение между Кореей и Японией по вопросу «женщин для утешения» от 28 декабря 2015 г. за то, что оно было заключено без участия самих женщин и активистов, назвав его результатом «унизительной дипломатии» и «дипломатии сговора» [Jo, 2022, 789],

¹ 일본군성노예제문제해결을 위한 정의기억연대 (Ильбонгун сонно ече мунчже хэгёрыль вихан чонгыый киок ёнде). [Корейский совет справедливости и памяти по вопросам военного сексуального рабства Японии]. URL: https://womenandwar.net/activity-eng?utm_source (дата обращения: 15.05.2025). (На кор.)

² Мусинова И.А., Гракова Ю.В. Указ. соч.

³ Agreement on the Settlement of Problems Concerning Property and Claims and on Economic Co-operation between Japan and the Republic of Korea. 22.06.1965. URL: <https://worldjpn.net/documents/texts/JPKR/19650622.T9E.html> (accessed: 15.05.2025).

⁴ Мусинова И.А., Гракова Ю.В. Указ. соч.

а также потребовав его отмены)¹; организовывал акции протеста (так, при его активном участии в Чикаго состоялась демонстрация против соглашения 2015 г.)²; влиял на формирование нарративов (например, лоббировал включение темы *ви-анбу* в школьную программу); учредил Международный день памяти жертв 14 августа, который в 2017 г. был официально признан правительством Южной Кореи национальным днем памяти³; а также активно участвовал в международном обсуждении данного вопроса, в том числе на площадке ООН⁴. Исследовательница Чо Ын А отметила: «Усилия по лоббированию, предпринятые Корейским советом в различных международных организациях, вылились в категорическое осуждение Японии со стороны ООН в 1996 г. за военные преступления в отношении корейских женщин. Рекомендации ООН настолько точно отражали требования Совета, что сомневаться в его влиянии не приходилось» [Jo, 2022, 784].

Нельзя не признать, что Корейский совет внес весомый вклад в формирование преобладающего нарратива о «женщинах для утешения», а также в значительной степени взял на себя ответственность за их представительство в публичном пространстве.

На определенных этапах деятельность Совета коррелировала с государственной политикой, и правительство поддерживало усилия НКО, особенно в контексте давления на Японию. Так, оно официально признало «женщин для утешения» жертвами японской агрессии⁵; финансировало Музей войны и прав женщин⁶; признало установленный Советом Международный день памяти жертв 14 августа национальным днем памяти; содействовало установлению статуй мира в Корее и за рубежом и предоставляло организаторам финансовую и административную поддержку⁷. В то же время при администрациях, более склонных к примирению с Японией (например, Пак Кын Хе или Юн Сок Ёля), Совет входил в противостояние с государством, оставаясь независимой и более принципиаль-

¹ Nothing About Us Without Us: Recalling the strong voices of “comfort women” survivors. // positions politics. URL: <https://positionspolitics.org/nothing-about-us-without-us/> (accessed: 10.06.2025).

² Anger erupts over “comfort women” settlement between Japan and South Korea // Medill Reports Chicago. 12.01.2016. URL: <https://news.medill.northwestern.edu/chicago/anger-erupts-over-comfort-women-settlement-between-japan-and-south-korea/> (accessed: 10.06.2025).

³ 일본군성노예문제해결을 위한 정의기억연대. (Ильбонгун сонно ече мунчже хэгёрыль вихан чоньый киок ёнде). [Корейский совет справедливости и памяти по вопросам военного сексуального рабства Японии]. URL: <https://womenandwar.net/activity-eng> (дата обращения: 15.05.2025). (На кор.)

⁴ Korea raises 'comfort women' issue at UN session. // TheKoreaTimes. 16.10.2012. URL: <https://www.koreatimes.co.kr/foreignaffairs/20121016/korea-raises-comfort-women-issue-at-un-session> (accessed: 15.05.2025).

⁵ South Korea's Dubious Comfort Women Ruling // The Diplomat. 14.02.2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/02/south-koreas-dubious-comfort-women-ruling/> (accessed: 11.06.2025).

⁶ Former Director of a Women's Rights Museum in Korea Accused of Embezzling Funds // Observer. 15.09.2020. URL: <https://observer.com/2020/09/yoon-mee-hyang-embezzlement-war-and-womens-human-rights-museum-korea/> (accessed: 11.06.2025).

⁷ More 'comfort woman' statues to be installed in Seoul // TheKoreaTimes. 01.03.2017. URL: <https://www.koreatimes.co.kr/foreignaffairs/20170301/more-comfort-woman-statues-to-be-installed->

ной в вопросе *вианбу* организацией. На очередной демонстрации в среду 16 августа 2023 г. председатель Корейского совета Ли На Ён, комментируя речь президента Юн Сок Ёля, заявила: «В то время как президент Юн восхвалял Японию как хорошего партнера, полностью стирая историю ее военных преступлений, японский премьер направил подношения храму Ясукуни, а министры совершили туда массовое паломничество. Таким образом, президент Республики Корея встал на сторону Японии в вопросе искажения исторических фактов. Так называемые общие ценности с Японией, о которых говорил президент Юн, — это отрицание истории, милитаристское перевооружение без капли раскаяния, возрождение империализма, а также давление на народы Корейского полуострова. Это то, что вызовет глубокое горе у их предков на небе»¹.

В то же время нельзя не отметить, что на протяжении своего существования Корейский совет неоднократно пытался монополизировать право на интерпретацию образа «женщин для утешения» и их представительство. Он довольно жестко высказывался против попыток, с одной стороны, внедриться в эту повестку, а с другой — разрешить вопрос, потому что после решения проблемы эта НКО утрачивает смысл. Как мы упоминали ранее, Совет осудил соглашение 2015 г., которое было большим шагом вперед на пути преодоления проблем исторического прошлого. Здесь можно вспомнить и ситуацию с Азиатским женским фондом (AWF) — организацией, учрежденной правительством Японии в 1995 г., но финансировавшейся в основном за счет частных пожертвований от японских граждан с добавлением средств из государственного бюджета на медицинскую и социальную поддержку пострадавших. 11 января 1997 г. директор AWF Тэруко Канехира встретила с бывшими *вианбу* и передала им письмо от премьер-министра Японии и президента Фонда. Жертвам были предоставлены компенсации (2 млн иен), а медицинская и социальная помощь осуществлялись отдельно². Корейское правительство положительно оценило действия AWF, но со временем под давлением Корейского совета его позиция изменилась. Совет стал проводить кампанию против деятельности Фонда, называя его лишь прикрытием для японских властей, которые, создав частную организацию и используя благотворительные деньги, таким образом пытались избежать прямой юридической ответственности за военные преступления. Совет требовал извинений от императора, а также компенсацию непосредственно от японского правительства. С 1996 по 1997 г. в Корее проводились кампании по сбору средств для «женщин для утешения», чтобы у них не «возникло соблазна» принять деньги от AWF³. За это время только семь из примерно 200 выживших *вианбу* приняли выплаты Фонда, что вызвало возмущение и резкую критику со стороны корейских активистов⁴. В апреле

¹ 정외연 “윤 대통령, 일본에 면죄부 주고 우리 민중은 공격” (Чоныйён ”Юн тэтхоннён, ильбонэ мёнчжобу чуго ури минчжун-ын конгёк”). [Корейский совет: «Президент Юн простил Японию и обрушился на собственный народ»] // The Hankyoreh. 16.08.2023. URL: https://www.hani.co.kr/arti/society/society_general/1104500.html (дата обращения: 11.06.2025). (На кор.)

² Мусинова И.А., Гракова Ю.В. Указ соч.

³ Там же.

⁴ Там же.

1998 г. по просьбе Корейского совета правительство Ким Дэ Чжуна одобрило дополнительные выплаты в размере 31,5 млн вон для 140 женщин при условии, что они обязуются не принимать деньги от Фонда¹. Исследовательница Сара Со приводит данные, согласно которым по состоянию на октябрь 2000 г. 170 жертв из Кореи, Тайваня и Филиппин приняли японские выплаты, при этом число филиппинских получателей превысило сотню, в то время как общее число корейских и тайваньских получателей приближалось к пятидесяти. Сара Со пишет: «Столкновение между теми, кто критикует Фонд, и выжившими, которые хотят принять от него выплаты, поднимает вопрос о базовых правах жертв. Имеют ли выжившие право решать, принимать ли предложение Фонда и таким образом закрыть этот печальный этап своей жизни? Не создает ли руководство движения, настаивая на юридической ответственности Японии и компенсациях со стороны государства, новую жертву, лишая выживших свободы выбора?»² В свою очередь, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Китая и современной Азии РАН Константин Асмолов отметил, что «если бы НКО, которые активно пиарятся на страданиях “утешительниц”, интересовала бы именно судьба женщин и выделение им адекватной компенсации, то нет никакой разницы, из каких именно средств это будет произведено. Если же этой кампанией Южная Корея преследует цель постоянно стыдить правительство Японии, требовать еще более “искренних” извинений и компенсаций, напоминать молодежи о зверствах колонизаторов на примере вианбу, то получается, что главный интерес — это не благополучие жертв, а политическая выгода»³.

Во многом Совет также несет ответственность за формирование «единственно верного» образа *вианбу*, который не подлежит пересмотру. Канонический образ «женщин для утешения» обязательно включал в себя негативный опыт взаимодействия с японцами (тяжелый труд на станциях, унижения и издевательства), сломанная жизнь, ненависть к Японии в настоящем и жажда справедливости (требование извинений и компенсаций). Женщины, которые соответствовали канону, стали опорой Корейского совета и живым доказательством того, что организация делает все правильно и ее борьба имеет смысл. Но женщины, которые больше не хотели бороться, которые были готовы простить японцев и принять их деньги, делали существование НКО бесполезным, а также подавали другим жертвам «негативный пример», что старость можно дожить спокойно и уйти с миром, не держа ни на кого зла. По этой причине поддерживать «неправильных бабушек» стало попросту невыгодно, как и давать их голосам право на существование в общем нарративе. Учитывая колоссальное влияние Совета в обществе, а также выступающих на его стороне активистов и СМИ, можно сказать, что во многом их усилиями в корейском обществе сложилась достаточно непримирим-

¹ Мусинова И.А., Гракова Ю.В. Указ соч.

² C. Sarah Soh. Japan's Responsibility Toward Comfort Women Survivors. // Institute for Korean-American Studies, Inc. 2001. URL: <https://www.icasinc.org/2001/20011/20011css.html> (accessed: 15.05.2025).

³ Асмолов, К. Кто наживается на проблеме «женщин для утешения»? // New Eastern Outlook. 25.05.2020. URL: <https://journal-neo.su/ru/2020/05/25/kto-nazhivaetsya-na-probleme-zhe-nshhin-dlya-utesheniya/> (дата обращения: 11.05.2025).

мая среда, которая привыкла агрессивно реагировать на любые несогласия с официальным нарративом. Причем эта реакция распространяется и на самих *вианбу*, которые, в случае их несогласия с деятельностью Совета, воспринимаются как предательницы.

Из-за подобной бескомпромиссности репутация Корейского совета со временем ухудшилась, но самый большой удар по ней был нанесен весной 2020 г., когда 92-летняя *вианбу* Ли Ён Су заявила, что Совет и его лидер Юн Ми Хян, на тот момент являвшаяся депутатом парламента от правящей партии, не предпринимали искренних усилий, чтобы добиться от японского правительства официальных извинений и компенсаций, а также незаконно присваивали пожертвованные женщинам деньги, которые Юн, в частности, тратила на учебу дочери в США. Выяснилось также, что в процессе ознакомления бабушек с соглашением 2015 г. Юн не говорила им о компенсации в размере 1 млрд иен (9,3 млн долл.), которую согласился выплатить Токио, а тем женщинам, которые все же узнали о выплатах, лично звонила и просила не брать японских денег, обещая, что скоро Совет сам всем заплатит¹. Затем стала известна еще одна ситуация, связанная с загородным домом под названием «Дом мира и исцеления», который Совет купил в 2013 г. с пожертвований от Hyundai Heavy Industries с целью обеспечить жильем выживших жертв. Однако на самом деле им никогда не предоставлялась возможность жить в лечебном центре, зато в качестве управляющего недвижимостью за ежемесячную плату в размере 1,3 млн вон там жил отец Юн Ми Хян. В свое оправдание она сказала лишь, что назначение отца на эту должность «было необдуманным выбором». Эти два случая — одни из немногих скандалов, связанных с деятельностью правозащитников. Были и другие: например, когда общественность узнала, что в Доме совместного проживания бабушкам приходилось самостоятельно оплачивать свои медицинские расходы и покупать все необходимое².

Эти скандалы закономерно негативно повлияли на репутацию Корейского совета и всего правозащитного движения, однако досталось не только им, но и Ли Ён Су, которая внезапно стала объектом интернет-травли. Ее обвиняли в зависти и желании занять место Юн в парламенте³. В онлайн-сообществах стали появляться личные оскорбления в адрес Ли, такие как «старуха впала в маразм» и «у нее деменция». Профессор У Хи Джон из Сеульского национального университета в радиоэфире заявил: «Некоторые воспоминания Ли, похоже, искажены», тем самым намекая на необходимость проверки ее слов. Режиссер Пён Ён Чжу написал в соцсетях: «Пожилые женщины легко меняют свои рассказы и мнения»⁴. Сложилась удивительная ситуация: казалось бы, общество должно было

¹ Асмолов, К. Бизнес на бабушках, или как «правозащитники» наживаются на трагедии «женщин для утешения» // New Eastern Outlook. 16.06.2020. URL: <https://journal-neo.su/ru/2020/06/16/biznes-na-babushkah-ili-kak-pravozashhitniki-nazhivayutsya-na-tragedii-zhenshhin-dlya-utesheniya/> (дата обращения: 26.05.2025).

² Там же.

³ Там же.

⁴ 'Comfort woman' survivor suffers personal insults // TheKoreaTimes. 31.05.2020. URL: <https://www.koreatimes.co.kr/southkorea/politics/20200531/comfort-woman-survivor-suffers-personal-insults> (accessed: 26.05.2025).

встать на сторону «женщины для утешения», ведь все эти годы Совет только и занимался тем, что создавал вокруг них образ безмолвных и страдающих жертв. Однако стоило одной из них публично выступить против Совета, как она неожиданно стала врагом. Эта ситуация красноречиво свидетельствует о том, кто на самом деле контролирует повестку, связанную с «женщинами для утешения»: даже голос самих жертв оказывается маргинализированным, если он противоречит устоявшейся и охраняемой позиции правозащитного сообщества.

Примечательно, что на защиту Ли Ён Су встала не кто иная, как Пак Ю Ха, которую ранее возмущенные активистки, в том числе и сама Ли, хотели посадить за решетку. Пак сказала: «Это решение, вероятно, далось Ли с большим трудом — провести пресс-конференцию и открыто выразить свою критику. Люди не должны давить на нее»¹.

Важно сказать, что сегодня южнокорейское общество воспринимает проблему «женщин для утешения» крайне болезненно. За более чем три десятилетия ее активного обсуждения образ *вианбу* был глубоко осмыслен, прочно укоренившись в национальном сознании. Эта рефлексия нашла свое отражение в школьных учебниках, художественной литературе, кино, музыке и других формах культурного выражения. Сейчас образ «женщин для утешения» — это многослойный, политизированный и в то же время сакрализированный образ, в котором переплетаются мотивы общенационального страдания, женской боли и политического протеста.

В первую очередь, образ «женщин для утешения» воспринимается как символ колониального угнетения и воплощение национальной жертвы. Их страдания неотделимы от страданий всего корейского народа, который столкнулся с порабощением, унижением и беспощадной эксплуатацией. Сегодня типичный образ бывшей *вианбу* выглядит так: это пожилая женщина, подвергшаяся жестокому насилию в совсем юном возрасте, а потом вынужденная молчать об этом всю свою жизнь. Судьба у нее не сложилась. Она в одиночестве несла это тяжелое бремя долгие годы, чувствовала себя грязной, ничтожной и виноватой. И только сейчас она, одна из немногих жертв, доживших до сегодняшних дней, может наконец рассказать людям правду, добиться справедливости и умереть со спокойной душой. Этот образ очень трогательный и трагичный. Он стал не просто историческим, но и моральным и эмоциональным элементом национальной идентичности. Он прочно закрепился в школьной программе, в рамках которой подается только одна трактовка событий: девушки насильно похищались японскими солдатами и становились их рабынями в полевых борделях. На страницах книг отсутствуют альтернативные точки зрения, в том числе упоминания, что женщины могли попасть на станции добровольно или через корейских посредников. Это создает у молодежи чувство моральной очевидности вопроса, в котором нет места иным интерпретациям. Так, в учебнике, изданном Donga Publishing, были названы главные ответственные лица, описаны попытки отрицания истории со стороны Японии и изменения ее официальной позиции по данному вопросу. А в учебнике, выпущенном издательством Liber School, пере-

¹ Ibid.

числяются все публичные заявления премьер-министров Японии, искажающие историю «женщин для утешения», а также содержатся дополнительные упражнения, посвященные вопросам принудительной мобилизации девушек¹.

Образ «женщин для утешения» наделялся безупречной нравственной чистотой. Они изображаются как невинные, честные и страдальческие фигуры, наивные и хрупкие, но с сильным внутренним стержнем, ведь ни одна из них никогда не шла на сотрудничество с японцами добровольно. Японский социолог из Токийского университета Тизуко Уэно отмечает, что политические активисты и журналисты даже стали намеренно создавать такой образ, «подгоняя многообразие опыта пострадавших женщин под стереотип “выжившей”, удобный для понимания, но, в свою очередь, вытесняющий другие “отклоняющиеся от нормы” рассказы, составляющие серую зону». Он назвал это «еще одной формой угнетения». Уэно подчеркнул, что даже сами женщины в интервью порой искажают свои рассказы, чтобы соответствовать ожиданиям аудитории. Другими словами, они сами, возможно неосознанно, создают вокруг себя нарратив «образцовой» жертвы — невинной девушки, похищенной силой, попавшей в ад, но выбравшейся оттуда². Кроме того, такой светлый образ с морально-этической точки зрения укрепляет позицию Южной Кореи в исторических спорах с Японией, поскольку здесь образ беззащитных жертв насилия неизбежно противопоставляется образу захватчиков и колонизаторов, который по определению не может обладать такой же моральной силой и правотой.

Сегодня бывшие *вианбу* принимают активное участие в политических акциях и участвуют в судебных процессах. В то же время они часто становятся политическим инструментом, способом заработать дополнительные очки. Ли Ён Су рассказывала: «На протяжении многих лет ко мне приходили политики и кандидаты в президенты, особенно во время избирательных кампаний, и все они обещали мне решить этот вопрос. Однако никто из них не выполнил своего обещания»³. А про Корейский совет она говорила: «Меня обманули и использовали. Пока медведь показывает трюки, люди зарабатывают деньги. Тридцать лет я показываю трюки. А деньги зарабатывают другие люди» [Shin, 2021, 1].

Нельзя отрицать, что образ «женщин для утешения» в каком-то смысле стал застывшим и идеализированным. В общественном сознании он уже полностью сформировался, и попытки пересмотреть или усложнить его порой воспринимаются не просто как неуважение конкретно к жертвам, но как национальное оскорбление, попытка переписать историю, преуменьшить страдания корейского народа и оправдать преступления японцев.

¹ New Korean history textbooks downgrade Rhee from ‘dictator’ to ‘long-term’ ruler // Hankyoreh. 02.09.2024. URL: https://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/1156551.html (accessed: 15.05.2025).

² Reno, Chizuko. The Place of “Comfort Women” in the Japanese Historical Revisionism. // [sens public]. 28.02.2006. URL: <https://sens-public.org/articles/196/> (accessed: 20.05.2025).

³ ‘Don’t wait until we are all gone’: Former sex slaves demand justice now // TheKoreaTimes. 22.04.2025. URL: <https://www.koreatimes.co.kr/southkorea/society/20250422/dont-wait-until-we-are-all-gone-former-sex-slaves-demand-justice-now> (accessed: 15.05.2025).

В корейском обществе к «женщинам для утешения» относятся с теплотой и любовью, их часто по-семейному называют просто бабушками. Корейцы трепетно ухаживают за Статуей мира, приносят к ней цветы, а зимой повязывают на шею бронзовой девушки шарфы. В этом контексте примечательна недавняя история со скандальным американским блогером Джонни Сомали, прославившимся в Интернете своими выходками в странах Азии. Во время посещения Южной Кореи он станцевал вокруг памятника, а потом поцеловал его. В ответ на это бывший корейский военный Ю Даль Гын отыскал блогера на улице и ударил его в лицо прямо на глазах полиции. После случившегося он был задержан и отправлен под следствие по обвинению в нападении, однако не проявил раскаяния, заявив, что выполнял свой гражданский долг. Он сказал: «Я не мог стоять в стороне, когда кто-то оскорблял жертв истории и нашу нацию»¹.

Подводя итог, мы можем сказать, что образ «женщин для утешения» стал одним из ключевых элементов коллективной памяти корейского общества о колониальном прошлом и связанным с ним глубоким чувством несправедливости и боли. Образ *вианбу* очень эмоциональный и болезненный, ведь он олицетворяет незажившую травму корейского общества. Любая попытка поставить его под сомнение или предложить альтернативное прочтение может восприниматься как посягательство не только на честь конкретных женщин, но и на честь всей нации. Учитывая это, перейдем к анализу книги Пак Ю Ха, в которой автор как раз и пытается предложить иное, более глубокое, многогранное и порой противоречивое понимание опыта «женщин для утешения», что вызвало громкий общественный резонанс.

Основные тезисы книги Пак Ю Ха

Пак Ю Ха — профессор факультета международных исследований университета Седжон по специальности «Японская филология». Родилась в Сеуле в 1957 г. После окончания старшей школы вместе с семьей переехала в Японию, где получила степень бакалавра в университете Кэйо по специальности «Японская филология», а также окончила магистратуру и аспирантуру в университете Васэда по специальностям «Литературоведение» и «Японская литература»². Она перевела на корейский язык книгу Ёсио Каратани «Истоки современной японской литературы», а также произведения таких авторов, как Нацумэ Сосэки, Эйми Ямада и Оэ Кэндзабуро. Стала первой иностранкой, удостоенной премии

¹ South Korean Navy Seal Knocks Out Controversial American Streamer Johnny Somali // Yahoo. 30.09.2024. URL: https://www.yahoo.com/entertainment/south-korean-navy-seal-knocks-053543922.html?guccounter=1&guce_referrer=aHR0cHM6Ly93d3cuZ29vZ2xlLmNvbS8&guce_referrer_sig=AQAAABFVA2ho5tUr7Y44fJg7BtWXvykE_MaZQi_3xfKbjh8JxeHCYCpDyNWRmCgiO9RNzq5cA9CZY2ULSIchC7JxeDvmFUQPBFZFF1B8gtZwrzcqSkT-EhZ072n_OUVaxfoA3lxioPjIHcK26QHIEmx3eugq3BiQw0vRaNXJKDdmt6n (accessed: 10.04.2025).

² 박유하 교수 연구실, 세종대학교 (Пак Ю-ха кёсу ёнгусиль, Седжон тхэхакке). [Кабинет преподавателя Пак Ю Ха. Университет Седжон]. URL: <https://home.sejong.ac.kr/~parkyh/> (дата обращения: 15.05.2025). (На кор.)

Осараги Дзиро, присуждаемой авторам художественных произведений и исследований в области гуманитарных наук. Научная деятельность Пак Ю Ха не позволяет говорить о ней как о профессиональном историке. Она не имеет специализированного исторического образования, а основой ее исследований является литература и японская филология. В то же время она обладает богатым научным опытом в области гуманитарных исследований, что позволяет ей анализировать источники и показания жертв и поднимать сложные вопросы исторической памяти и интерпретации прошлого.

В интервью The Diplomat Пак рассказала, как заинтересовалась проблемой *вианбу*: «В конце учебы в аспирантуре в Японии, в начале 1990-х годов, вопрос о “женщинах для утешения” только вышел на повестку дня. Помню, как я работала волонтером-переводчиком на митинге в поддержку бывших *вианбу* в Токио. Тогда я плакала — это было мое первое соприкосновение с этой темой. После возвращения в Корею я продолжала следить за новостями, но не спешила присоединяться к движению за примирение, поскольку оно слишком склонялось к национализму — явлению, которое я много лет критиковала в своих научных работах». С 2001 г., когда между Кореей и Японией обострились споры вокруг школьных учебников, Пак углубилась в исследование темы, в 2005 г. опубликовала книгу «Во имя примирения», а затем писала отдельные статьи в японский онлайн-журнал¹.

Книга Пак Ю Ха «“Женщины для утешения” Японской империи» была опубликована в Южной Корее в 2013 г. и в Японии в 2014 г. В корейском обществе исследование стало скандальным и вызвало общественный резонанс, Пак обвиняли в предательстве и клевете. В то же время в Японии книга была принята положительно. Профессор Такэси Накадзима в интервью с Пак подчеркнул: «Некоторые утверждают, что книга оправдывает японский империализм, но это совершенно не так. Я воспринимаю ее как резкое обвинение японского империализма»². Парадоксально, что книга с подобным содержанием — направленным, казалось бы, на защиту «женщин для утешения» и разоблачение имперского насилия, — в Японии получила преимущественно позитивные отзывы, в то время как в Корее обернулась скандалом. Во многом это объясняется тем, что исследование Пак Ю Ха нельзя отнести к какому-либо лагерю: оно хоть и опирается на феминистскую и постколониальную повестку, но при этом нарушает привычные рамки национального нарратива. С японской точки зрения это выглядит справедливо и объективно, поскольку с 1990-х годов позиция корейских правозащитников была слишком жесткой, негибкой, не склонной к каким-либо компромиссам, и на фоне этого книга Пак кажется шагом вперед в решении исторического вопроса. В то же время корейское общество не привыкло к альтернативным мнениям по проблеме *вианбу*, и любое отступление от общепринятого нарратива воспринимается им как кощунство.

¹ Park Yuha Speaks out on Her Battle Against Censorship.

² Park Yuha and Takeshi Nakajima talk on ‘Comfort Women’ issue // 박유하 제국의 위안부, 법정에서 광장으로 («“Женщины для утешения” Японской империи Пак Ю Ха, от суда до общественной дискуссии»). 26.09.2016. URL: <https://parkyuha.org/archives/5404> (accessed: 15.05.2025). (На кор.)

В своей книге Пак Ю Ха дистанцировалась от общепринятого представления о *вианбу* исключительно как о невинных жертвах японской агрессии, заявив, что такое восприятие слишком упрощает их опыт и сводит его к одному единственному стереотипу, который не всегда соответствует исторической реальности. По ее словам, образ *вианбу* стал слишком идеализированным. Общество представляет их как героинь и «дочерей нации», как символ колониального унижения и порабощения и вместе с тем — как символ сопротивления японцам и борьбы за независимость Кореи. Автор считает, что такой образ имеет право на существование, однако он заполонил собой весь нарратив о *вианбу*, и общество стало забывать, что они в первую очередь были обычными женщинами со своими характерами, устремлениями, мотивами и со своими сложными и порой противоречивыми судьбами. Тот факт, что все они столкнулись со схожим травмирующим опытом, не означает, что все они были одинаковыми.

По мнению Пак, возведение единственно верного образа *вианбу* в культ не только искажает историческую правду, но и наносит вред самим женщинам, ведь если чья-либо история оказывается слишком неоднозначной или «неудобной» для коллективной памяти, то она просто отбрасывается как неуместная и недостойная внимания. Однако, считает автор, история каждой женщины должна быть услышанной, даже если она не соответствует каноничному нарративу.

Пак заявила, что проблема «женщин для утешения» — это не просто проблема насилия, а сложный социальный вопрос, требующий понимания более широкого контекста, а также учета целого разнообразия факторов. Их образ гораздо более сложен и неоднозначен, и только приняв это, корейское общество сможет исцелить свои исторические травмы и встать на путь примирения с Японией.

Рассмотрим тезисы из книги Пак Ю Ха подробнее. *Во-первых*, она утверждает, что женщины не всегда рекрутировались японской армией насильственно. Случаи изнасилований и жестокого обращения с ними действительно были, но это были, скорее, «перегибы на местах», поскольку официальная политика запрещала подобные действия [Park, 2025, xiii].

Во-вторых, по словам жертв, лишь немногих из них забирали японцы. Часто девушек уговаривали покинуть дом либо их собственные семьи, либо их вербовали корейские посредники. По мнению Пак, этот факт часто игнорируется корейским обществом, которое не готово признать, что в трагических судьбах девушек немалую роль сыграли их соотечественники. Она пишет: «Я считаю, что патриархальная семейная система Кореи должна быть признана еще одним фактором трагедии “женщин для утешения”. Как в Японии, так и в Корее было обычным делом продавать девушек из бедных семей, чтобы уменьшить количество ртов, которые нужно кормить. В таких условиях многие молодые женщины считали такую жертву ради семьи совершенно естественным поступком и покидали свои дома по собственной воле» [Park, 2025, xiii]. В то же время, по ее словам, в большинстве случаев девушек из родных деревень забирали именно посредники, они же зачастую и были владельцами или управляющими «станций утешения». По свидетельствам жертв, «посредники были с ними жестоки: они давали девушкам пощечины и избивали их железными прутьями, если подозревали в плохом обслуживании клиентов» [Park, 2025, 5].

Пак отмечает, что с целью получения выгоды девушек обманывали и простые корейцы, которые не имели отношения к японской колониальной администрации. Она приводит статьи из Maeil Sinbo с такими заголовками: «Ужасающие обвинения против чудовишной пары похитителей, которые обманом заманивали несчастных девочек, 150 из них стали жертвами» (7 марта 1939 г.); «“Найдем тебе работу”, — заманчивые слова, но по прибытии это оказывается бордель. “Сначала постирай, потом накрасься”» (14 марта 1939 г.); «Сразу четверо преступников, похищавших деревенских девушек, арестованы и находятся под следствием в полицейском участке Суводна» (30 апреля 1939 г.) [Park, 2025, 7]. Подобные истории женщины вспоминали и в 1990-х. Одна из них рассказывала: «Как-то раз, после того как я уложила ребенка спать, ко мне зашли кореец и японец. Они были в западных костюмах и выглядели молодо. Они спросили: “Сколько ты зарабатываешь в Кванджу?” Я ответила: “Мне не платят, но семья кормит меня и покупает одежду”. Тогда они сказали: “Вот же воры — эти корейцы, да?” И предложили: “Поехали с нами в Осаку, там можно заработать кучу денег”. Я поверила их рассказам о деньгах и пошла с ними, не спрашивая, какая это будет работа» [Park, 2025, 7]. Пак считает несправедливым, что в доминирующем нарративе ни роль патриархата, ни роль посредников, ни роль простых граждан в порабощении девушек либо вовсе не упоминается, либо затрагивается лишь мимоходом.

В-третьих, Пак убеждена, что роль «женщин для утешения» слишком упрощается, типизируется и сводится к одному единственному стереотипу, который не подлежит оспариванию и пересмотру. Но в то же время, считает автор, представление о *вианбу* не должно ограничиваться лишь образом сексуальной рабыни, тем более что не все из них были рабынями в прямом смысле этого слова. Некоторые из них оказывались на станциях по своей воле, кому-то даже платили зарплату. Профессор добавляет: «Более того, понятие “сексуальная рабыня” затмевает собой любой опыт и память о том, что выходит за пределы сексуального насилия. Да, “женщины для утешения” были жертвами в широком смысле, но если сосредоточиться только на этом, то можно упустить другие аспекты их истории. Это означает не признать всю полноту их положения. Кроме того, это лишает “женщин для утешения” права быть хозяйками собственной памяти. Заставлять их помнить только то, что хочет кто-то другой, — это форма насильственного подчинения» [Park, 2025, 81].

Пак выступает и против того, чтобы *вианбу* представляли только как чистых и невинных жертв. В этом контексте она критикует ставшую сакральной для корейцев Статую мира, установленную напротив японского посольства в Сеуле в 2011 г. Мемориал изображает «женщину для утешения» — такую, какой ее привыкло видеть общество, — и именно в этом, по мнению автора, заключается проблема: памятник увековечивает образ, который имеет мало общего с реальностью. Она пишет: «Хотя этот монумент изображает “женщину для утешения”, принужденную к сексуальной работе, внешне он представляет невинную молодую девушку, лишенную каких-либо сексуальных коннотаций. Иначе говоря, статуя у посольства — это не образ реальной “женщины для утешения” после всего пережитого, а девушки, которой еще только предстоит это пережить. И если учитывать данные, согласно которым средний возраст *вианбу* составлял

двадцать пять лет, то эта статуя отражает не подавляющее большинство “женщин для утешения”, а лишь небольшое число несовершеннолетних девушек, ставших таковыми» [Park, 2025, 88]. Пак критикует и внешний вид девушки: «Ее прическа придает ей вид аккуратной благовоспитанной школьницы, хотя такой образ далек от реальности. Более того, аккуратность и чистота девушки символизируют, что она девственница, еще не оскверненная. То, что она босая, заставляет нас подумать, будто ее схватили внезапно, не оставив времени на подготовку. Ее поза — взгляд, устремленный на японское посольство, сжатые кулаки, исполненные решимости глаза — также выражает ярость от того, что ее забрали силой. Она изображена как человек, который сопротивляется» [Park, 2025, 88].

Пак Ю Ха продолжает: «Статуя девушки воплощает идеальный образ идентичности, которую корейцы стремятся проецировать на самих себя. Тот факт, что девушка одета в корейский национальный костюм (*чхима* и *чогори*), означает, что “женщин для утешения” пытаются представить теми, кем они “должны” быть — “дочерьми нации»» [Park, 2025, 88]. По мнению автора, традиционный наряд делает образ девушки с памятника поразительно похожим на Ю Гван Сун — участницу движения за независимость Кореи, арестованную и убитую в сентябре 1920 г. [Park, 2025, 89] Иначе говоря, в этом памятнике образ борца за свободу и «женщины для утешения» сплелся воедино, представив собой нечто усредненное, призванное пробудить в людях патриотические чувства. Но при этом, отмечает Пак, в памятнике «нет ни намек на то, что корейских женщин заставляли носить японскую одежду и брать японские имена» [Park, 2025, 89]. Иными словами, из образа девушки, как и из образа всех «женщин для утешения», намеренно стерто все, что связывало их с Японией — от внешних признаков, таких как японские имена, костюмы и прически, до более глубоких аспектов, включая чувства к самим японцам, не всегда ограничивающиеся ненавистью и страхом. Пак подчеркивает: «Здесь нет места для тех, кто влюблялся в японских солдат и даже вступал с ними в брак. Здесь не найти и образа тех корейнок, которые были последними гражданскими, провожавшими японских солдат на смерть, сочувствуя им» [Park, 2025, 89]. Она задается вопросом: «Бесконечный поток людей, приносящих к памятнику девушки зонты в дождь, шарфы и носки в снег, чтобы защитить ее от непогоды, свидетельствует о том, что она стала святыней для корейского народа. Но если бы те же самые люди узнали, что она носила японское кимоно, взяла себе японское имя и сотрудничала с японской армией, не стали бы они осуждать ее?» [Park, 2025, 89] По ее словам, между «женщинами для утешения» и японцами намеренно выстраивается антагонизм, ведь тот факт, что глаза расположенной напротив японского посольства Статуи мира полны ненависти, прямо говорит о том, против кого эта ненависть направлена. Но автор задается вопросом, могла ли в действительности девушка ненавидеть не японцев, а, например, свою семью, отдавшую ее на растерзание, или же на корейского посредника, забравшего ее из родной деревни? По мнению Пак, «возможность того, что ярость девушки направлена на кого-то другого, полностью исключена» [Park, 2025, 88].

В книге звучит и критика Дома совместного проживания (House of Sharing, 나눔의 집) — приюта для бывших *вианбу*, призванного предоставить женщинам

жилье, уход и медицинскую помощь¹. Пак написала: «Одна из бывших “женщин для утешения”, которая живет одна со своей собакой примерно в 100 метрах от Дома совместного проживания, сказала мне, что она ненавидит этот дом. Затем она рассказала свою историю о том, как она из-за какого-то недоразумения рассталась с японским солдатом, которого любила много лет назад. Вероятно, этой женщине не нравилось в Доме совместного проживания потому, что там не принимали воспоминания о любви. Это место, которое нуждается только в воспоминаниях о насилии» [Park, 2025, 82].

Пак также говорит о том, что не все ныне живущие *вианбу* хотят участвовать в общественном движении за свои права и ассоциировать себя с его идеологией. Многие из бывших «женщин для утешения» действительно до сих пор ненавидят японцев и стремятся к исторической справедливости, но есть и те, кто больше не хочет бороться — им достаточно того, что они уже получили. Они приняли японские извинения и компенсации и не требуют большего. Так, скончавшаяся в 2016 г. Пак Сук И неоднократно заверяла: «Япония извинилась, и моя обида рассеялась»². Некоторое из них боролись, но со временем устали от этой борьбы, как, например, Ли Ок Сон, которой в 2021 г. был 91 год и которая к тому моменту уже много лет была прикована к постели. Она сказала: «Я просто хочу пожить спокойно хотя бы один день»³. Однако тихие голоса этих женщин тонут в общем потоке требований молодых активистов, настаивающих на полном покаянии Японии. Проблема этого движения состоит в том, что в какой-то момент оно сосредоточилось не на заботе о выживших, а на возмездии и требовании от Японии все новых и новых уступок. Оно собственноручно превращает проблему «женщин для утешения» в острый политический вопрос и дело принципа, в рамках которого сами жертвы парадоксальным образом оказываются забыты.

В этом Пак винит Корейский совет, который, по ее мнению, также несет ответственность за то, что за последние 20 лет вокруг Японии сложился образ «бессовестной страны, не достойной доверия» [Park, 2025, 103]. По ее словам, Совет сделал проблему *вианбу* вопросом не столько исторической правды, сколько национальной гордости. Организация, призванная говорить от лица «всех, кто был там», на самом деле представляет лишь тех женщин, чьи взгляды совпадают с официальной позицией движения за права *вианбу*. Так, сегодня многие жертвы, получившие компенсации от Японии, не могут открыто признаться в этом, поскольку таким образом они пошли против официальной линии Совета, а значит были автоматически исключены из движения [Park, 2025, 97]. В то же время Пак считает, что женщины вовсе не обязаны участвовать в политике, и никто не вправе заставлять их это делать. Но, по ее мнению, Корейский совет принуждает

¹ House of Sharing. URL: <http://www.nanum.org/eng/sub1/sub1.php> (accessed: 15.05.2025).

² <인터뷰> '위안부 합의 1년' 강은희 여가부 장관 (<Интхёбю> 'Вианбу хаби 1-нён' Кан Ын-хи Ёгабу чан-гван). [<Интервью> «Год спустя после соглашения по вопросу “женщин для утешения”: Кын Ын Хи, министр по вопросам гендерного равенства и семей] // Yonhap. 26.12.2016. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20161225042500005> (дата обращения: 16.05.2025). (На кор.)

³ South Korea's few surviving 'comfort women' face life's end as political fight rages on // Reuters. 02.07.2021. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/skoreas-few-surviving-comfort-women-face-lifes-end-political-fight-rages-2021-07-02/> (accessed: 16.05.2025).

жертв к политической активности. Автор пишет об одной «женщине для утешения», которая обратилась в суд с требованием, чтобы Совет прекратил заставлять ее участвовать в еженедельных протестах перед японским посольством. В 2008 г. она умерла, оставив одной интернет-газете завещание, в котором критиковала Совет и призналась, что ненавидит его [Park, 2025, 98]. Пак отмечает: «Вместо того, чтобы воспринимать вианбу как реальных людей, южнокорейское общество и организации поддержки используют их с целью создать образ гордой и независимой Кореи и найти в этом образе собственную идентичность. Можно сказать, что стремление к этому — закономерный результат колониального прошлого. Однако утверждение собственной гордости и культивирование ненависти к другим — это не одно и то же. Это никогда не поможет корейцам преодолеть последствия колонизации» [Park, 2025, 98].

Пак критикует Совет и за то, что он указывает женщинам, о чем они должны говорить. Из-за этого общество со временем привыкло только к одному типу историй, перестав воспринимать другие точки зрения на события. В массовом сознании образ «женщин для утешения» настолько заострился, что окружающим уже стало безразлично, что на самом деле пережили жертвы. Люди хотят услышать от них предсказуемую драматичную историю о насилии, боли и унижении, словно речь идет о любимой всеми «страшилке», а не о жизни реальных людей. Так, Пак привела в пример историю одной из бывших *вианбу*, которая работала проституткой на американской военной базе. Во время семинара в США, посвященного улучшению жизни женщин при базах и помощи детям от смешанных браков, она почувствовала, что ее рассказ интерпретируется иначе, чем она сама его воспринимает: «Жизнь без надежды. Люди, которые ни разу не видели, чтобы их мечты сбывались. Это были мы. Поэтому я хотела рассказать историю женщины, которая вынесла все это и смогла подняться. <...> Я хотела рассказать о возможности, которая дала мне шанс измениться. Я хотела рассказать о силе моей веры, на которую я могла опереться. Но организаторы хотели, чтобы я говорила о том, как тяжело было работать проституткой для американцев, как я хотела покончить с собой. И они надеялись, что обсуждение будет больше сосредоточено на военной политике» [Park, 2025, 98].

В связи с этим Пак отмечает, что в рассказах бывших *вианбу* порой встречаются несостыковки, когда они сначала говорят одно, а потом другое. В качестве примера она приводит рассказ одной из женщин о том, как ее забрали из родной деревни. Сначала это сделал мужчина, который приманил ее красным платьем и кожаными туфлями. Затем ее из собственного дома забрали японские солдаты, а после они и вовсе подвергли ее пыткам за отказ поехать с ними на Тайвань в часть камикадзе [Park, 2025, 92]. По словам автора, эти истории являются не сознательной ложью, а искренней попыткой женщин соответствовать ожиданиям слушателей. Она отмечает: «Люди, которые приходят послушать свидетельства женщин, заранее знают, что с теми произошло. Они приходят за историями о молодых девушках, которых забрала японская армия. Можно сказать, что женщины просто реагируют на возложенные на них ожидания. Организаторы подобных мероприятий подсознательно надеются, что свидетельства будут все более жестокими и ужасными. Чем более страшной будет история жертвы, тем

сильнее будет гнев корейцев по отношению к Японии и тем острее сочувствующие японцы будут осознавать необходимость извиниться перед Южной Кореей» [Park, 2025, 92].

Наконец, автор задается вопросом, в какой степени японское правительство ответственно за военные преступления. Основные требования Корейского совета к Японии заключаются в признании юридической ответственности за насилие и выплате компенсаций. Однако Пак считает, что пока эта система не была запрещена на государственном уровне, не существует и правовой основы для ее судебного преследования. И хотя существовали нормативные положения, запрещающие физическое насилие, подтвердить, что приказы и исполнение принудительной транспортировки женщин исходили от военной структуры и руководства, невозможно. Пак отмечает еще несколько спорных моментов. *Во-первых*, если будет решаться вопрос об ответственности отдельных лиц, то ее должны также нести корейские посредники и патриархальные семьи, из-за которых многие женщины становились проститутками. *Во-вторых*, корейские солдаты в составе японской армии тоже пользовались услугами *вианбу*, значит нужно судить и их. *В-третьих*, если считается, что «женщины для утешения» работали на японцев вынужденно, то по той же логике нужно признать, что 100 тысяч корейцев, служивших в японской армии, тоже пошли туда вследствие принуждения. Однако в официальном корейском нарративе они считаются коллаборационистами, а *вианбу* — жертвами [Park, 2025, 102]. И это лишь одни из немногих противоречий, которые не позволяют Южной Корее возложить всю вину на Японию. Или если уж требовать от японцев признания юридической ответственности, то нужно признать и собственные ошибки.

Конфликт интерпретаций

Перед публикацией книги Пак Ю Ха боялась реакции общества, ведь ее исследование бросило вызов общему представлению о сексуальных рабнях военного времени. Но, как пишет The New York Times, «даже она не была готова к такой бурной реакции»¹. Бывшие *вианбу* обвинили ее в клевете, назвав «апологетом военных преступлений» и «прояпонской предательницей», а 87-летняя Ю Хи Нам, размахивая тростью во время пресс-конференции, сказала: «Я хочу, чтобы ее выслали из страны»².

В июне 2014 г. Пак были вручены три отдельных иска от Ан Син Гвона, бывшего директора Дома совместного проживания; Чхве Бон Тэ, адвоката бывшей *вианбу* Ли Ён Су, и адвоката Пак Сон А. Пак, возглавлявшая на тот момент юридическую клинику при университете Ханьян, собрала команду из студентов-юристов, чтобы выявить «недочеты» в книге Пак Ю Ха. Они нашли 109 таких пунктов и составили доклад, который в итоге был представлен в суде в каче-

¹ Disputing Korean Narrative on 'Comfort Women', a Professor Draws Fierce Backlash // The New York Times. 18.12.2015. URL: <https://www.nytimes.com/2015/12/19/world/asia/south-korea-comfort-women-park-yu-ha.html> (accessed: 16.05.2025).

² Ibid.

стве доказательства в попытке запретить публикацию книги. В то же время в ноябре 2014 г. вышел японский перевод книги, который был хорошо принят в Японии и получил две награды — одну от газеты Mainichi Shimbun, другую — от университета Васэда¹.

Примирительные слушания начались весной 2015 г. Истцы требовали, чтобы корейское издание книги было снято с продажи, а японское — переиздано с цензурой в 35 местах, от чего Пак Ю Ха отказалась. Когда переговоры окончательно провалились, в ноябре 2015 г. против нее было выдвинуто обвинение². Истцами в суде выступали девять «женщин для утешения», от лица которых были поданы иски. На тот момент они жили в Доме совместного проживания. Женщины утверждали, что подверглись эмоциональным страданиям из-за их унижительного изображения в книге как «добровольных проституток», а также утверждения, будто бы между ними и японскими солдатами во время войны сложились «товарищеские отношения»³. В 2016 г. Восточный окружной суд Сеула вынес решение в их пользу, обязав Пак выплатить 90 млн вон в качестве компенсации девяти жертвам, а также признал, что ее книга причинила женщинам глубокую боль⁴. Суд постановил, что Пак опорочила жертв, изобразив их в унижительном свете с использованием ложных фактов, а также отклонил доводы Пак о том, что ее работа как академическое исследование должна быть защищена от уголовного преследования. В суде заявили, что, «учитывая тот факт, что жертвы все еще живы, ее право на академическую свободу не отменяет права жертв на защиту чести и достоинства»⁵.

Судебный процесс над Пак Ю Ха продлился до конца 2023 г., сменяясь обвинительными и оправдательными приговорами. 20 декабря 2016 г. прокуратура выдвинула запрос на трехлетнее тюремное заключение Пак, заявив, что она «не выразила ни капли раскаяния за свое преднамеренное искажение исторических фактов»⁶. На заседании выступили бывшие *вианбу*, в том числе 89-летняя Ли Ён Су, которая сказала: «Книга Пак Ю Ха полна абсурда. Как такой профессор вообще может учить студентов? Накажите ее строго. Я чувствую себя глубоко униженной». В то же время адвокат Пак заявила: «Профессор в своей книге прямо признает, что “женщины для утешения” были насильственно мобилизованы в качестве сексуальных рабынь. Нельзя вырывать отдельные фразы из текста и на основании этого обвинять человека в клевете». Сама Пак Ю Ха отметила: «По-

¹ Park Yu-ha Speaks out on Her Battle Against Censorship // The Diplomat. 03.05.2024. URL: <https://thediplomat.com/2024/05/park-yu-ha-speaks-out-on-her-battle-against-censorship/> (accessed: 15.05.2025).

² Ibid.

³ Prosecutors seek three years in prison for professor who wrote about comfort women // Hankyoreh. 19.10.2019. URL: https://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/775564.html (accessed: 15.05.2025).

⁴ Author ordered to compensate comfort women. The KoreaTimes. 13.01.2016. URL: <https://www.koreatimes.co.kr/southkorea/20160113/author-ordered-to-compensate-comfort-women> (accessed: 16.05.2025).

⁵ Ibid.

⁶ Prosecutors seek three years in prison for professor who wrote about comfort women.

койная *вианбу* Пэ Чун Хи говорила, что ее не забирали силой, и что она хотела простить Японию, но не могла сказать об этом вслух. Я пыталась с помощью книги донести эти забытые голоса. <...> Я не считаю, что только мои слова отражают истину. Я просто хочу сказать, что мы должны выслушать все, что говорят те, кто пережил это. И если их взгляды отличаются, то это повод нам всем задуматься. <...> Я ни разу в книге не отрицала, что женщин забирали силой. Их жизнь была ужасна. Я просто хотела скорректировать представление о том, что все сводилось исключительно к насильственному захвату»¹.

В ходе этого заседания Восточный окружной суд Сеула признал Пак невиновной, заявив, что академическая свобода является гарантированным Конституцией правом². Однако в 2017 г. Апелляционный суд Сеула отменил это решение и признал ее виновной в клевете, назначив штраф в размере 10 млн вон. В октябре 2023 г. Верховный суд Южной Кореи отменил это решение и вынес Пак Ю Ха оправдательный приговор.

Книга вызвала ожесточенную полемику в корейском обществе, несмотря на то что была продана тиражом всего в несколько тысяч экземпляров. Ее случай показал, насколько сложно стало в Южной Корее оспаривать общепринятое мнение о «женщинах для утешения». В то же время были и те, кто поддержал Пак. В 2015 г. более пятидесяти интеллектуалов из Японии и США выступили с заявлением, в котором критиковали южнокорейских прокуроров за «подавление свободы науки и прессы». Среди них был и бывший генеральный секретарь кабинета министров Японии Ёхэй Коно, который в 1993 г. принес знаменательные извинения, признав, что японцы действительно занимались насильственной вербовкой женщин³. В заявлении было сказано, что книга Пак Ю Ха является «отличной попыткой преодолеть односторонние взгляды на проблему вианбу и найти путь к подлинному решению этого сложного вопроса через всестороннее понимание его многоаспектной природы». В нем также говорилось следующее: «Мы уже ранее были обеспокоены тем, что эта книга стала предметом гражданского судебного иска по обвинению в клевете, но теперь мы еще более потрясены уголовным преследованием, в котором государственная власть в лице прокуратуры пытается ограничить академическую свободу и свободу слова, исходя из определенного взгляда на историю. Вопросы о том, что считать фактами и как интерпретировать историю, должны быть предметом академической свободы. За исключением работ, содержащих факты дискриминации или подстрекательство к насилию, любые спорные высказывания должны обсуждаться в рамках дискуссии, а не подвергаться уголовному наказанию. <...> Мы также обеспокоены тем, что это обвинение может заблокировать любые попытки разрешить вопрос “женщин для утешения”, необоснованно спровоцировав общественные настроения в обеих странах именно тогда, когда Корея и Япония близки к тому, чтобы найти решение столь затянувшегося вопроса. Мы горячо надеемся на формиро-

¹ Ibid.

² South Korean scholar acquitted of defaming wartime sex slave victims // Yonhap. 25.01.2025. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20170125012100315> (accessed: 15.05.2025).

³ Ibid.

вание здравого мнения в широких слоях корейского общества, выступающего против этого обвинения»¹.

Пак поддержали и 190 южнокорейских ученых и деятелей культуры, заявив, что обвинения в ее сторону являются «анахроничной попыткой удержать общественное мнение о “женщинах для утешения” под контролем государства»². В ответ на это 380 ученых и активистов из Южной Кореи, Японии и других стран заявили, что за разговорами об академической свободе они упускают самое главное, а именно — необходимость Японии официально признать ответственность за военные преступления. В их заявлении утверждалось, что государственные органы Японии, как и ее военные, были замешаны в «отвратительном преступлении» по принуждению десятков тысяч женщин к сексуальному рабству, причем эту точку зрения разделили и два специальных докладчика ООН в 1990-х годах³.

Получив оправдательный приговор, Пак отметила, что свобода мысли в Южной Корее все же гарантируется. Она подчеркнула, что все это время вела борьбу не с «женщинами для утешения», а с людьми, которые их окружали. По ее словам, активисты во многом использовали тему насильственного похищения женщин в своих собственных интересах⁴.

Корейское общество до сих пор не пришло к единому мнению насчет книги Пак Ю Ха: одни считают ее исследование разоблачением не совсем верного образа «женщин для утешения», а другие воспринимают его как оскорбление памяти. Чтобы разобраться, в чем заключается конфликт между позицией Пак и нарративом о *вианбу*, проанализируем понятие исторической памяти.

Историческая память — это социокультурная конструкция, которая предполагает не столько фиксирование информации о прошлом, сколько его осмысление и символическую репрезентацию. Историческая память апеллирует преимущественно образами, т. е. переработанной информацией, носит субъективный характер и может изменяться с течением времени под воздействием различных факторов. Память — это не аутентичное прошлое само по себе, а только одна из его версий, принятая обществом. Ей свойственно не рациональное, а эмоциональное восприятие прошлого. Она склонна разделять события на хорошие и плохие, давая им положительные и отрицательные оценки, что принципиально отличается от исторической науки⁵, которая должна быть объективна и непредвзята. Историческая память отличается избирательностью и преувеличением значимости отдельных исторических событий при полном или частичном игнорировании других. В этом проявляется и ее актуализированность, поскольку она

¹ Statement against the Indictment of Professor Park Yu-ha, 26th November, 2015. URL: <https://ptkks.parkyuha.org/en/> (accessed: 15.05.2025).

² Disputing Korean Narrative on ‘Comfort Women’, a Professor Draws Fierce Backlash.

³ Ibid.

⁴ Park Yuha Acquitted, Wins a Crucial Victory for Academic Freedom // Japan Forward. 01.09.2023. URL: <https://japan-forward.com/park-yuha-acquitted-wins-a-crucial-victory-for-academic-freedom/> (accessed: 27.05.2025).

⁵ Бадмаев В.Н. Ментальность и историческая память // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 1 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mentalnost-i-istoricheskaya-pamyat-1/viewer> (дата обращения: 10.04.2025)

выводит на первый план те события прошлого, которые призваны отвечать на текущие вызовы и проблемы. Память — это основа, ментальное ядро общественного сознания, которое обеспечивает возможность самоидентификации как отдельной личности, так и всего общества в целом¹. Историческая память неразрывно связана с формированием национального самосознания, поэтому она необходима для определения границ сообщества и складывания представления о себе на контрасте с другими.

История «женщин для утешения» — это важная часть национальной памяти корейцев о войне и японском колониализме, и потому нормально, что в обществе сложилось определенное устоявшееся представление о *вианбу*. Пак критикует их образ за то, что он недостаточно правдив и моментами не соответствует исторической действительности, но по факту он и не должен ему соответствовать. Проблема здесь заключается не в корейском обществе, не в закостенелости образа «женщин для утешения», а в самой сути исторической памяти, которая во всех странах работает одинаково. Она призвана подсвечивать одни исторические эпизоды и игнорировать или утаивать другие. К первым относятся победы, проявления героизма, научно-технические и культурные достижения, а также трагедии, память о которых закономерно выстраивается вокруг образа жертв, разрушений и страданий. Ко вторым относятся собственные преступления, коллаборационизм, военные неудачи и т. п.

В южнокорейской исторической памяти о колониализме и войне действительно делается большой акцент на страданиях народа, в то время как действия посредников, преступников и коллаборационистов остаются в тени. И это естественно. Официальная пропаганда и не должна концентрироваться на позорных и неоднозначных страницах истории. К таковым относится и возникновение товарищеских отношений между корейками и японскими солдатами, и возможная любовь между ними. Для страны, которая помнит о войне и японских военных преступлениях, культивирование подобной исторической памяти было бы странным. Другое дело — воспринимать «женщин для утешения» как мучениц. И пусть этот образ может быть не совсем исторически верным, но он точно гораздо более логичный и естественный для Кореи, которая усилиями японцев лишилась независимости на долгие 35 лет и была втянута в кровопролитную войну.

Именно поэтому книга Пак Ю Ха, затронувшая такую важную и болезненную тему, была воспринята обществом в штыки. И хотя автор пытается сгладить углы, признав, что инициатором вербовки женщин в любом случае были японцы и что они часто были жестоки к девушкам, это стремление быть объективной не спасло ее от последующего скандала. Самой своей книгой Пак посягнула на святое, попытавшись развенчать миф, на котором строится корейская национальная идентичность.

В конце концов, возникает вопрос: действительно ли книга Пак Ю Ха была необходима корейскому обществу? Насколько общество вообще способно «от-

¹ Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). URL: <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2/article/view/1589/1462> (дата обращения: 28.03.2022). С. 244.

крыть глаза на историческую правду», когда условия для этого еще не сложились?

Одной из целей своей книги Пак поставила побудить корейское общество по-новому взглянуть на прошлое и таким образом встать на путь примирения с Японией. Однако результат оказался противоположным и книга вместо примирения только породила новые конфликты.

В стремлении разоблачить искажения в официальном нарративе о *вианбу* Пак слишком вдаётся в подробности и, порой, будто пытается подменить общее частным. Так, она критикует основанный на реальных событиях рассказ Пак Ван Со «Её дом», в котором японцы закололи штыком девушку, прятавшуюся от них в стоге сена. В рассказе говорится, что лезвие вошло в тело так глубоко, что кишки девушки вывалились наружу, и она умерла на месте. В свою очередь, Пак Ю Ха усомнилась в том, что одним ударом можно нанести человеку такие травмы. Возможно, с точки зрения фактов она права, но разве это означает, что подобных эпизодов быть не могло? Разве японцы не мучили девушек и не убивали их? Подвергая сомнению одну деталь, Пак будто намекает, что многие такие свидетельства или произведения, основанные на реальных событиях, могли быть враньем. Ее критика выглядит как холодный рационализм по отношению к травматическому опыту, который до сих пор является основной национального самоопределения корейского общества. В этом состоит одновременно и ее научная честность, и уязвимость, поскольку она вступает в конфликт не столько с историей, сколько с механизмом памяти, который работает по другим законам.

Заключение

В заключение можно сказать, что скандал вокруг книги Пак Ю Ха «“Женщины для утешения” Японской империи» — это конфликт интерпретаций исторической памяти. Здесь рациональность столкнулась с незажившей травмой, аргументация — с эмоцией, академический подход — с национальным мифом. Пак не отрицала страданий «женщин для утешения», но своим стремлением переосмыслить нарратив, пересмотреть детали и «освободить» голос этих женщин от идеологического диктата она посягнула на то, что уже было канонизировано как священная правда. Возможно, будь тема ее исследования менее болезненной, она бы не вызвала столь бурной реакции. Например, если бы Пак ограничилась критикой в адрес Корейского совета, как это делали многие до нее. Однако в своей книге она высказывает куда более радикальные идеи, которые ставят под сомнение саму основу официального нарратива: в частности возможность добровольного участия женщин в системе «станций утешения» и складывания у них товарищеских отношений с японцами. Подобные вещи могли происходить в действительности, но сегодня разговоры о них воспринимаются как этически неуместные, а также как попытка подменить общую картину частными деталями, которые слишком незначительны по своему масштабу, чтобы пересматривать из-за них весь нарратив. Отметим, что проблема *вианбу* в Южной Корее — это слишком чувствительная и значимая часть национальной памяти, чтобы кто-ли-

бо мог позволить себе радикально пересмотреть ее без риска столкнуться с общественным непринятием и осуждением.

Вместе с тем история «женщин для утешения» остается незавершенной — как в моральном, так и в политическом смысле. Несмотря на десятилетия правозащитной борьбы, международные соглашения и публичные извинения, ни консенсуса, ни окончательного «закрытия» вопроса не произошло. Само определение справедливости в отношении жертв продолжает вызывать споры: что важнее — признание и извинения, финансовая компенсация или право говорить о своем опыте вне рамок национального нарратива? Кроме того, по мере того как непосредственные свидетельницы уходят, на первый план выходит вопрос: кто теперь обладает правом голоса по этой теме — активисты, государственные институты, историки или общественное мнение? Конфликт вокруг книги Пак Ю Ха показывает, что борьба за память может превратиться в борьбу за контроль над интерпретацией, где даже сами жертвы рискуют быть исключенными, если их воспоминания не соответствуют доминирующей позиции. Таким образом, перспектива осмысления проблемы «женщин для утешения» требует новой этики памяти — такой, где сосуществуют боль и анализ, национальное и личное, коллективное признание и индивидуальное свидетельство. Без этого любое переосмысление будет восприниматься как посягательство, а не как попытка лучше понять проблему.

По мнению автора статьи, историческая память должна видоизменяться естественным путем. Любые попытки насильственно пересмотреть сложившийся нарратив, особенно в контексте такой болезненной темы, как «женщины для утешения», неизбежно будут сталкиваться с общественным отторжением. Вместо конструктивного диалога они порождают поляризацию, судебные разбирательства, медийные скандалы и взаимные обвинения, как и произошло в случае с Пак Ю Ха. На наш взгляд, историческая память должна трансформироваться постепенно — в результате поступательного развития общества или под влиянием новых политических, культурных или этических условий. Такой пересмотр требует согласованных усилий различных акторов: государства, академического сообщества, активистов, СМИ и самих граждан. Для этого должно существовать внутреннее общественное согласие на саму возможность переосмысления. В современной Южной Корее таких условий пока нет: общество не готово к резким и болезненным ревизиям прошлого. Книга Пак Ю Ха внесла важный интеллектуальный вклад и может служить материалом для углубленного анализа, однако сегодня ее судьба — быть отверженной обществом как несвоевременное и слишком провокационное высказывание.

Библиографический список

Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями: монография / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2022. 336 с.

Jo, E.A. *Memory, Institutions, and the Domestic Politics of South Korean—Japanese Relations* // Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 318 p.

Kim, E.H., Choi, C. Dangerous Women: Gender and Korean Nationalism // New York and London: Routledge, 1998. 264 p.

Park, Y.H. Comfort Women of the Japanese Empire: Colonial Rule and the Battle Over Memory // London: Routledge, 2025. 320 p.

Shin, J. A Comfort Women Redress Movement without Comfort Women // New Haven: Council on East Asian Studies, 2021. 27 p.

Stetz, M. Oh B.B.C. Legacies of the Comfort Women of World War II // New York: An East Gate Book, 2015. 271 p.

Żakowski, K. “Comfort Women” Problem as a Catalyst for Civil Society and Nationalism in Japan and South Korea // University of Łódź, 2020. 30 p.

References

Jo, E.A. (2022) Memory, Institutions, and the Domestic Politics of South Korean—Japanese Relations. Cambridge: Cambridge University Press. 318 p.

Kim, E.H., Choi, C. (1998) Dangerous Women: Gender and Korean Nationalism. New York and London: Routledge. 264 p.

Park, Y.H. (2025) Comfort Women of the Japanese Empire: Colonial Rule and the Battle Over Memory. London: Routledge. 320 p.

Shin, J. (2021) A Comfort Women Redress Movement without Comfort Women. New Haven: Council on East Asian Studies. 27 p.

Stetz, M. Oh B.B.C. (2015) Legacies of the Comfort Women of World War II. New York: An East Gate Book. 271 p.

Strieltssov, D.V. (ed.) (2022) Problemy istoricheskogo proshlogo v otnosheniyakh Yaponii so stranami-sosedyami: monografiya [Problems of the Historical Past in Japan's Relations with Neighboring Countries: A Monograph]. Moscow: Aspekt Press. 336 p. (In Russian)

Żakowski, K. (2020) “Comfort Women” Problem as a Catalyst for Civil Society and Nationalism in Japan and South Korea. Łódź: University of Łódź. 30 p.

Поступила в редакцию: 15.06.2025
Received: 15.06.2025

Принята к публикации: 23.06.2025
Accepted: 23.06.2025

Hye Ran Kim

Kim Bok-jin: Founder of National Sculpture in Korea During the Japanese Colonial Period

Abstract. This study examines the life and work of Kim Bok-jin (pseudonym: Jeong-gwan), the first Korean sculptor to graduate from the Department of Sculpture at Tokyo University of the Arts in 1925, during the Japanese colonial period. He was also the first to introduce Western realist techniques into Korean sculpture. The paper explores national motifs in Kim's work within the context of a historically challenging era and analyzes several of his lesser-known pieces through the lens of Korean studies. The primary focus is on his sculptures Standing Woman, Statue of Maitreya Buddha, Baek Hwa, Youth (Boy), and Old Man. From 1925 until his death in 1940, Kim Bok-jin consistently exhibited at the Joseon Art Exhibition. Beyond his artistic practice, he founded and directed the Art Research Institute, where he mentored emerging artists. He was also active as a journalist, critic, and political figure, serving as a member of the Joseon Communist Party. This study aims to reevaluate the legacy of Kim Bok-jin, a pivotal figure in Korean sculpture, who was posthumously awarded the Order of Merit for National Foundation in 1993.

Keywords: Sculptor, Japanese colonial period, youth, Song Ki-jung, Maitreya doctrine, artistic spirit of the nation.

Author: Kim Hye Ran, Ph.D. Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Department of Oriental Languages; Higher School of Economics, School of Oriental Studies, World Politics and World Economy, Moscow.
ORCID: 0000-0003-2925-3610. E-mail: kimconthe@gmail.com/ krkim@hse.ru

Conflict of Interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citations: Kim Hye Ran. Kim Bok-jin: Founder of National Sculpture in Korea During the Japanese Colonial Period. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2025, 2 (11): 104—116. DOI: 10.48647/ICCA.2025.68.41.008. (In English).

1. INTRODUCTION

This paper examines the national motifs in Kim Bok-jin's works within the context of a complex historical period and analyzes several of his lesser-known pieces through the lens of Korean studies. Kim Bok-jin (September 23, 1901 — August 18, 1940) was a sculptor active during the Japanese colonial period and a prominent figure in the progressive literary movement. He holds a significant place in the history of Korean sculpture: from 1925 until his death in 1940, he regularly exhibited his works at the Joseon Art Exhibition. In addition to his artistic practice, he directed the Art Research Institute, where he mentored and supported emerging artists. Kim was also involved in journalism, art criticism, and political activism as a member of the Joseon Communist Party. As a leading member of the Korean Federation of Proletarian Artists (KAFE),

he was arrested in 1928 and subsequently imprisoned. During his incarceration, Kim became deeply engaged with Korean Buddhist thought, particularly the Maitreya faith (미륵신앙). This belief system, which promised the coming of a future Buddha, served as a symbol of hope for the oppressed classes in feudal society. For many peasants enduring severe living conditions, the Maitreya faith represented revolutionary ideals and the hope for a transformed, ideal society.

Following his release from prison, Kim Bok-jin resumed his artistic work, producing a variety of sculptures, including abstract pieces, portraits, and Buddhist statues. Among his most notable Buddhist works are the principal Buddha statue at Geumsan-sa Temple in Gimje and the unfinished Maitreya Buddha statue at Beopju-sa Temple on Mount Songni. Kim Bok-jin is recognized as a national sculptor. Notably, after the death of Korean independence activist Dosan Ahn Chang-ho, Kim was arrested by the Japanese police for creating a death mask of Dosan's face, in collaboration with an apprentice.

The final work completed by Kim Bok-jin before his untimely death in 1940, the sculpture "Youth (Boy)", was based on a photograph of Son Ki-jung, the Korean marathon runner who won the gold medal at the 1936 Berlin Olympics. As Korea was under Japanese colonial rule at the time, Son competed for the Japanese national team under the name Son Kitei (孫基禎). The close resemblance between the physical features of the sculpture and those in the photograph is unmistakable. As a sculptor with strong nationalist convictions during the colonial period, Kim Bok-jin found inspiration in Son Ki-jung, and "Youth (Boy)" came to embody the spirit and resilience of the Korean people. The aim of this study is to reconsider the artistic legacy of Kim Bok-jin, recognized as the founder of modern Korean sculpture, who was posthumously awarded the Order of Merit for National Foundation in 1993.

2. BIOGRAPHY OF KIM BOK-JIN

Jeong-gwan Kim Bok-jin was born on September 23, 1901, in Palbong-ri, Nam-i-myeon, Cheongwon-gun, Chungcheongbuk-do, as the eldest son of Hong-gyu of the Andong Kim clan. He had two older sisters and a younger brother, Kim Ki-jin, who was born in 1903. As a child, Kim Bok-jin studied classical Chinese and learned a thousand characters from his teacher. In early 1914, he was married by his father's arrangement; at the time, his father was serving as the governor of Yeongdong County. After ten years, Kim Bok-jin broke away from the formal constraints of this arranged marriage. In 1917, he entered Gyeongseong Paje High School and submitted his first essay to the Maeil Sinbo newspaper, which served as the official publication of the Japanese Governor-General from 1910 to 1945. The essay was accepted and published. During his time at school, Kim Bok-jin emerged as a prominent figure among the literary youth of Gyeongseong High School. Alongside activists such as Park Yeon-hee, Lee So-gu, and Kim Ki-jin, he co-founded the Bando-gurak-bu Club, a cultural and intellectual circle.

In addition to his artistic pursuits, Kim Bok-jin, who possessed notable literary talent, was deeply interested in theater and cinema. He frequently visited cultural venues

such as Danseongsa, Umigwan, and Gwangmudae — key sites in the early development of Korean film during the Joseon period. In 1919, he took part in the March 1st Movement as a member of the Baejae High School Student Organization (배재학당). During the movement, he played an active role in Gyeongseong, where he mobilized students and contributed to the reproduction and distribution of the Independence Newspaper.

After spending the first half of 1920 in a period of personal wandering, Kim Bok-jin traveled to Japan, where his younger brother Kim Ki-jin and several friends had already gone, with the initial intention of studying law. During his time there, he visited a Japanese art exhibition in Shanghai Park, Tokyo, where he encountered a colored plaster sculpture titled “Lao-tzu.” Deeply impressed by the work, Kim experienced a turning point, choosing to pursue what he called the “critique of civilization” through visual art rather than literature. This decision led him to enroll in the Department of Sculpture at the Tokyo School of Fine Arts. Under the guidance of Ko Chung-gwan-un (1852–1934), a renowned sculptor and professor at the institution, Kim Bok-jin excelled in his studies and ultimately became the first Korean sculptor of the Joseon era.

As a supporter of the March 1st Movement, Kim Bok-jin actively participated in anti-Japanese literary and socialist activities opposing colonial rule. These actions led to his imprisonment for five years and six months. In recognition of his contributions to Korea’s independence and cultural development, Kim Bok-jin was posthumously awarded the National Foundation Medal for Patriotic Service in 1993.

Kim Bok-jin’s younger brother, Palbong Kim Ki-jin, was a journalist and writer who served as the social affairs editor for Chosun Ilbo and Maeil Sinbo, as well as the arts and culture editor for the Jungang Ilbo. Kim Bok-jin himself also contributed to journalism, working as the editor of arts and culture at the Chosun Chungang Ilbo. Together, the two brothers played a significant role in shaping the development of Korean art in the early 20th century, advancing the nation’s artistic spirit through literature, sculpture, theater, and art criticism during the Japanese colonial period. Kim Bok-jin and his younger brother, writer Kim Ki-jin, co-founded the Dowolhoe (다월회) an intellectual society. As a leading figure in the Korean New Theater Movement, Kim Bok-jin was an active theorist and participant in debates surrounding proletarian class literature. During the Korean War, Kim Ki-jin served as a military writer in Daegu and produced works categorized as “frontline literature” until 1953. He was also involved in democratic and civil rights activities, serving as a member of the Civil Rights Protection Committee, leading opposition to authoritarian rule, and acting as editor-in-chief of the Gyeonghyang Sinmun newspaper in 1960. He passed away from natural causes in 1985. Kim Bok-jin married a second time to Heo Ha-baek (1909–?), who was a teacher and later principal of Sookmyung Girls’ High School. The couple had two daughters. [Kim Ki-jin, 1958:3–12].

2.1. Art and the Reflection of Power

Among the professors of sculpture at the School of Fine Arts at the Japan National Institute of Technology—founded in 1872—was the Italian sculptor Vincenzo Ragusa (1841–1927). He introduced Western sculptural techniques using plaster and marble

and emphasized to his students that sculpture was fundamentally the reproduction and representation of physical forms. However, by 1890, a shift in the cultural atmosphere in Japan led to increasing criticism of Western influences and a renewed interest in rediscovering traditional Japanese values. In response to this changing spirit of the times, Professor Ko Chung-gwan-un, who later became Kim Bok-jin's mentor, emphasized woodworking as a way of preserving and continuing the traditions of the Tokyo School of Fine Arts.

In the 1920s, following Kim Bok-jin's arrival, a wave of reform swept through the Sculpture Department at the Tokyo School of Fine Arts. Kim's works began to reflect Western realist tendencies, influenced by professors Ko Chung-gwan-un, Geon Chang-dae-mong, and Jo Chang-moon-bu — advocates of realist and academic techniques inspired by the ideas of Auguste Rodin, Antoine Bourdelle, and Aristide Maillol. In addition to his artistic practice, Kim Bok-jin was actively involved in the labor, student, and literary movements of the time, and maintained close ties with the novelist Han Sol-ya. In December 1926, he secretly joined the Third Korean Communist Party and emerged as a leading figure in the Korean Proletarian Art Union. According to the testimony of his younger brother, Kim Ki-jin, Kim Bok-jin was the principal theoretical leader of the Union, known as KAFE (Korea Artista Proleta Federacio), and was also the author of its founding platform [Kim Bok-jin, 1927]. The "Spiral Declaration Project" was a programmatic document that articulated this ideological position in the field of art.

Beginning in 1927, Kim Bok-jin ceased producing new works and instead devoted himself to teaching sculpture at the Art Institute. During this time, according to historical records, he also became increasingly active in political movements. In June 1927, he joined the Goryeo Communist Youth Association (고려공산청년회), and in February 1928, he became a member of the Korean Communist Party (조선공산당). In September 1928, Kim Bok-jin was arrested and imprisoned in Seodaemun Prison for five years and six months — until 1934 — as a result of the so-called "Gyeongseong School Cell Incident." While incarcerated, Kim studied Joseon-era classical texts, customs, and Buddhist traditions. This intellectual and spiritual engagement deeply influenced his worldview and played a foundational role in shaping a distinctly Korean approach to sculpture.

Kim Bok-jin was a remarkably inventive sculptor who, even while imprisoned, demonstrated extraordinary dedication to his art. He saved the rice allocated to prisoners, pounded it, and used it as a material for sculpting. In the prison carpentry workshop, he created Buddhist statues. During his imprisonment, he encountered and learned from numerous independence activists, including the socialist Choi Chang-ik and the writer Park Hwa-sung. After his release in 1934, Kim Bok-jin co-founded the magazine Joseon Youth (청년조선) with Kim Ki-yong and established a printing house, Aejisa, together with his brother Kim Ki-jin. However, the Japanese authorities, suspecting that both Joseon Youth and the printing house were affiliated with the Korean Communist Party, arrested him again during the Second Suppression Incident of the Joseon Proletarian Artists' Union. Following his release and return to the art world, Kim Bok-jin began to reflect deeply on concepts such as "national color," the "unique Joseon feeling," and "Joseon truth." He envisioned the pursuit of an

“aesthetics of power” as a synthesis of traditional Joseon sensibilities with the tastes and emotional expressions of modern people.

The goals of the Joseon Academy of Arts, founded in 1936 by Park Kwang-jin and Kim Eun-ho, were as follows:

1. To inherit the artistic legacy of the Joseon past.
2. To absorb the artistic trends of the modern world. [Choe Yeol, 1995: 1—171].

Here we can assume that Kim Bok-jin’s aesthetic orientation aimed to harmonize the national with the global, and the traditional with the modern. This synthesis was to be realized through what he termed an “aesthetics of power,” grounded in subjectivity and the beauty of form.

Kim Bok-jin’s artistic philosophy can thus be understood as the cultural force that transforms the most distinctly national elements into something globally resonant through the medium of art. In this context, the rediscovery and re-evaluation of his lost works allow for a renewed understanding of the dynamic artistic power that he emphasized — one that parallels the concept of *soft power* and the cultural dynamism seen in the contemporary Korean Wave (Hallyu). Moreover, the idea of a cultural powerhouse, as articulated by Baekbeom Kim Gu — a national leader who dedicated his life to the independence movement — can be reconsidered through the lens of Kim Bok-jin’s “aesthetics of power”: a vision of national and global influence achieved not through force of arms, but through the strength of art and culture.

3. THE WORKS BY KIM BOK-JIN

3.1. *Portrait Sculptures*

After 1934, Kim Bok-jin produced numerous busts and head sculptures of both women and men, including a series of portrait sculptures. The most representative work among these is the portrait statue “Old Man”, which received an award at the Joseon Art Exhibition in 1936. “Old Man” portrays a humble farmer—an aged, weary man from Joseon, marginalized and overlooked by society. The sculpture conveys a profound sense of loneliness, suffering, and sorrow, which may be interpreted as a symbolic representation of the broader oppression and deprivation experienced by an entire nation or social class. Significantly, this work was created after Kim Bok-jin had endured two prison sentences due to his involvement with the Joseon Proletarian Artists’ Union and the Communist Party. Kim Bok-jin’s realism and artistic method reflect the breadth of his worldview and his deep concern for human dignity. His work demonstrates a commitment to elevating the value of human life by vividly portraying the contradictions and hardships of lived reality.

Kim Bok-jin created many portrait sculptures, and he believed that a sculptor “gives life to copper” in terms of molding — that is, the human face is extremely important. There are about twenty-one portrait works by Kim Bok-jin; they were collected in the late Japanese colonial period, but none of them have survived — only photographic plates remain. Kim Bok-jin believed that portrait sculptures are social, and that the depiction of historical or modern figures should reproduce the social “achievements and influence” of a person.

Figure 1. Ahn Chang-ho and Kim Bok-jin, with Lee Guk-jeon (1937, left) Sculpture of an old man (1936, right)

The portrait sculpture “Hong Myung-hee”, created in 1936 by Kim Bok-jin, depicts Hong Myung-hee, a respected nationalist and writer best known for authoring the monumental modern historical novel *Im Kok-jeong*. In March 1938, Ahn Chang-ho, a prominent nationalist and independence activist, was gravely ill in prison and was transferred to the university hospital, where he was expected to die by the tenth of the month. Kim Bok-jin, along with his student Lee Guk-jong, managed to bypass Japanese security checkpoints and, with the assistance of hospital staff, entered Ahn Chang-ho’s hospital room. There, they created a death mask of Ahn Chang-ho — a portrait sculpture honoring a man who had made a profound contribution to Korea’s struggle for independence.

3.2. Maitreya Ideas and Buddha Statues

From 1928 to 1934, during his imprisonment, Kim Bok-jin had access to a wide range of Buddhist texts and materials related to Joseon customs, which enabled him to explore the concept of national identity in depth. While in prison, he encountered Buddhist philosophy and was particularly drawn to the Maitreya faith and the broader Buddhist worldview. In the context of a feudal society, the Maitreya faith functioned as a kind of gospel of hope for the oppressed classes. According to Jeong Seok-jeong [1983: 48], the Maitreya belief at the end of the Joseon Dynasty can be characterized as “revolutionism, and the ardent hope that the existing world will be transformed and a new ideal society will emerge.”

The image of Maitreya served as a symbol of revolution and the envisioned beauty of a new society for many dispossessed and oppressed peasants. Lee Jong-ik noted that belief in Maitreya represented “the hope of the common farmers that Maitreya would appear and free them from their restrictions and bring about the necessary utopia.” Both

the Donghak and Chongsangye movements, which were influential among the governed classes in the 19th century, claimed to have established a post-paradise world based on Maitreya ideology. Likewise, scholars of the Chogyae Society of Korean Buddhism during the Joseon period asserted that “Maitreya Hasen’s faith” formed a system that fulfilled the desires and aspirations for change among the subjugated classes.

Kim Bok-jin, deeply interested in revolutionary developments throughout Joseon history, found meaning in the Maitreya faith. He hoped that the Buddha statues he sculpted could offer comfort and hope to those suffering under colonial oppression. According to Choe Yeol (1995: 105–108), the highest state of Buddhism is both immanent and transcendental and must be given physical form for expression—in other words, Buddhist art is the fruit of compassion. Kim Bok-jin embraced this perspective, believing that Buddhist ideals were inseparable from compassion and revolution, and that art grounded in these ideals could meaningfully contribute to real life.

In this sense, his concept of the “aesthetics of power” is rooted in national tradition and may be seen as a harmonizing worldview—one in which an ideal society emerges through a synthesis of socialist ideology and Maitreya’s vision. Notable among Kim Bok-jin’s Buddhist works are the “Main Statue of Maitreya Hall” (1936) at Geumsansa Temple in Gimje and the “Solimwon Buddha Statue” (1935) at Solimwon on Gyeryongsan Mountain. The bronze “Maitreya Buddha” at Beopjusa Temple in Boeun, Chungcheongbuk-do, is also believed to be his work.

Figure 2. So-lim-won Buddha Statue (1935) on the left, Main Statue of the Maitreya Hall (1936) on the right

In 1937, Kim Bok-jin began work on the statue of “Maitreya Buddha” at Beopjusa Temple, using cement and stone as the primary materials. However, in 1940, Kim Bok-jin passed away before the work could be completed. The statue was eventually

finished by his students and other young sculptors twenty-three years later, in 1963. According to Choe Yeol [1995: 125], Kim Bok-jin, shortly after returning from his studies in Japan in 1925, published a sketch of the statue of the “Buddha in Seokguram Grotto” in the *Sidae Ilbo* newspaper. In doing so, Choe argues, Kim Bok-jin was expressing a broader historical perspective on Korean art. Choe described the Seokguram Buddha as “an essay on Korean art that reflects the history of Joseon.” As capitalist civilization advanced following the Japanese invasion, Korean art came into conflict with foreign influences, entering a phase of “confrontation and struggle,” in which “locality” became its principal weapon. By publishing the sketch of Seokguram, Kim Bok-jin initiated what Choe termed an “explosion of spiritual content”—a turning point that marked the emergence of a modern artistic nationalism. Kim asserted that “the vitality and formal beauty of an object should be subjective and have a unique style (individuality).” At the time, this stance represented a powerful artistic awakening of national consciousness. It expressed concern over the erosion of territorial and cultural identity by foreign ideologies and advocated for the revival and reinvigoration of national artistic traditions.

Kim Bok-jin warned against superficial local theories of Joseon, saying, “The unique feeling of Joseon is not something that can be learned in a day or two, nor is it something that can be easily imitated. It cannot be achieved without blending into and developing within the Joseon environment.” For Kim Bok-jin, local culture (*hyang-to-seon*) was not a reproduction or reconstruction of the past, but rather a search for a new world and an art based on it. For Kim Bok-jin, folk customs and traditions without social characteristics are not art, and true local national identity is properly revealed when the philosophical characteristics of society blossom from the aesthetics of people’s lives and emotions and are created by changing and developing over time [Choe Yeol, 1999:140].

The “Main Buddha of Maitreya Hall” at Geumsansa Temple is a Buddhist statue recreated from the earlier “Solimwon Buddha Statue.” It is regarded as one of the greatest sculptures of the 20th century, exemplifying Kim Bok-jin’s ability to harmonize the flowing lines of the human form with the iconographic features of traditional Buddhist statuary. Another notable work, “Baek Hwa,” is a life-size wooden sculpture created in 1938. It is a full-length portrait of actress Han Eun-jin, who starred in the stage production *Baek Hwa*, based on the 1931 novel by Baek Hwa-sung. This sculpture reflects the continuity of Joseon artistic traditions by blending the persona of the character Baek Hwa with Kim Bok-jin’s aesthetic vision and his commitment to regionalism. The heroine’s commanding expression and the long, folded hanbok skirt clearly suggest that she is not a submissive figure bound by feudal constraints. The statue of “Baek Hwa” can thus be seen as a powerful embodiment of Kim Bok-jin’s worldview—one that fuses progressive aesthetics, an emphasis on “locality,” and a deep engagement with national tradition.

3.3. Sculpture “Youth (Boy)” and the Meaning of the Word “Youth”.

At the beginning of his artistic career, Kim Bok-jin sought to express his artistic ideology through representations of the female form, creating statues of both standing and seated women. He also sculpted elderly figures using older individuals as models,

though he later regarded these works as unsuccessful in achieving his intended effect. It was through the plaster sculpture “Youth (Boy)” that he ultimately succeeded in conveying the power of art, along with an aesthetic of vitality and movement.

The sculpture “Youth (Boy)” recalls the anatomical precision of Rodin’s “Bronze Age” and the Greek “Kouros of Anavysos”. Like these works, Kim’s sculpture presents a young male figure imbued with dynamism and humanistic ideals. As Choe Tae-man notes, Kim Bok-jin “laid the foundation for the creation of Korean realistic sculpture, which overcame the time constraints associated with the need to acquire modern sculpture techniques through Japan.” “Youth (Boy)”, with its bold and masculine form, may be interpreted as a manifestation of Kim Bok-jin’s revolutionary vision—a symbolic act of transcending the harsh realities of colonial Korea through the forceful expression of art. This sculpture stands as a pinnacle of early 20th-century Korean sculpture, rendered in a realist spirit and technique, and expressing the ideas of “locality” and “nationality” through what Kim Bok-jin envisioned as the “aesthetics of power and will.”

At the time of the creation of “Youth (Boy)” in 1940, the social and cultural situation in Joseon was extremely difficult, as the Korean peninsula remained under harsh Japanese colonial rule. During this period, the colonial authorities enforced policies that aimed to erase Korean identity: schools were required to conduct Shinto shrine worship, and the use of the Korean language was systematically suppressed. In 1938, the Governor-General officially banned education in Korean, and by 1940, Koreans were forced to adopt Japanese names as part of the Soshi-kaimei policy. These were deeply repressive and painful years for the Korean people. In this historical context, the triumph of Son Ki-jung — who won the gold medal in the marathon at the 1936 Berlin Olympics — became a profound source of national pride. Although he competed under the Japanese name Son Kitei, his victory was celebrated as a symbol of Korean resilience. That same year, the Chosun Chungang Ilbo newspaper famously removed the Japanese flag from a photograph of Son Ki-jung during the Olympic medal ceremony — an act of quiet but powerful resistance. These events served as symbols of hope and inspiration for the oppressed people of Joseon.

Upon hearing the news of Son Ki-jung’s Olympic victory on the radio, crowds gathered and cheered in front of the Dong-a Ilbo building in Gwanghwamun — a scene reminiscent of the March 1st Independence Movement. In response to this public outpouring of national pride, the three major Korean newspapers — Dong-a Ilbo, Chosun Chungang Ilbo, and Chosun Ilbo — which had deliberately removed the Japanese flag from photographs of the victory, were suspended indefinitely by the Japanese authorities. Alarmed by the potential for Son Ki-jung’s victory to inspire national consciousness and unity among Koreans, the Japanese colonial government banned all public celebrations of the event. The regime recognized that such moments of symbolic resistance could galvanize anti-colonial sentiment and thus sought to suppress them entirely. Amid these developments, in August 1938, Kim Bok-jin — who was then serving as head of the art department at Chosun Ilbo — resigned from his position, likely in protest or as a consequence of the escalating censorship and political pressure imposed on the press.

Figure 3. Chosun Chungang Ilbo newspaper with the Japanese flag removed

A monthly magazine titled “Youth (Boy)” was published with the aim of educating and inspiring young people. It encouraged youth to engage with modern civilization, contribute to its development, and take part in the dissemination of new knowledge and enlightenment. The magazine promoted the cultivation of a vigorous and enlightened youth spirit. Among its notable contributions was the publication of Choi Nam-sun’s poem “From the Sun to the Youth” (해에서 소년에게), which is regarded as the starting point of so-called “physical” poetry in modern Korean literature.

In September 1934, Kim Bok-jin, together with novelist Kim Ki-yong, founded the magazine Young Joseon (청년조선). The significance and symbolism of the word “youth” for Kim Bok-jin—as a writer, journalist, sculptor, and socialist — can be understood through both the title of this publication and the title of his sculpture “Youth (Boy).” For Kim, “youth” represented not only vitality and forward-looking idealism but also the potential for cultural and national renewal. The publication of Young Joseon can be viewed within a broader historical context in which youth magazines often had ties to the Korean independence movement. For example, “Youth of Korea” (소년한국), published in the United States in 1919; “Shanghai Youth” (상해소년), published in China in 1924;

Figure 4. «Youth (Boy)» by Song Ki-jung, after winning the 1935 Shinkyo Games in Japan (right), after winning the 1936 Berlin Olympics (left), in the center of the “Youth” statue by Kim Bok-jin

and “Catholic Youth” (가톨릭 소년), published in Manchuria, were all aimed at informing, inspiring, and mobilizing young Koreans in diaspora communities. Such publications were part of a larger effort to cultivate national consciousness among the younger generation in the struggle for independence [Yun Beom-mo, 2006:331–337].

Kim Bok-jin, who worked at the Chosun Chungang Ilbo at the time, may have seen photographs of Song Ki-jung. The physical characteristics and figure of the statue of Kim Bok-jin, “Youth,” are very similar to the image in the photograph of sixteen-year-old Song Ki-jung standing on the podium after winning the 1935 Shinkyo Games in Japan and to the image of him heading to the locker room after winning the 1936 Berlin Olympics.

Also, if we compare the image of Song Ki-jung who is crying with his head down while listening to the Japanese national flag and the Japanese national anthem on the podium with the statue of “Youth (Boy),” in the photo, Song Ki-jung is standing with his head down and his legs together, while the statue of “Young Man” has his head up and his leg extended. There is only a slight change in the movement, but the physical proportions, the muscles of the arms and legs, the angle at which both hands are lowered, the clenched fists, and the short sweatpants are all very similar to the original.

Kim Bok-jin, a progressive intellectual of his time, may have sought to portray Son Ki-jung as a patriot possessing great physical and mental strength—someone who could symbolize the hopes and dreams of Joseon — and thus created a sculpture rooted in artistic ideology. Kim Bok-jin’s “Youth (Boy)” is a portrait sculpture that follows the principles of form-building elements, vertical composition, and frontality, revealing the figure’s character through his social achievements and capabilities, expressed through form. To depict the character of Son Ki-jung in “Youth (Boy),” Kim used the modeling technique of gradually attaching clay, completing the final work in plaster. The rough texture of the clay may give a sense of being “unfinished,” but it also conveys a sense of living vitality.

The plaster sculpture “Youth (Boy)” is the final masterpiece of Kim Bok-jin. Its subject appears reserved yet tense; the sharp, dynamic figure of the young man radiates vitality and embodies the vision of a hopeful future for the nation. Through this work, Kim Bok-jin sought to express his artistic ideology during a period of profound humiliation and hardship for the people of Joseon. Much like his statues of Maitreya Buddha, “Youth (Boy)” reflects Kim Bok-jin’s spiritual world and anticipates the emergence of a national hero—one who would ultimately lead Joseon to independence.

4. CONCLUSIONS

In this article, the author has examined the main stages of the biography and work of Kim Bok-jin, the founder of Korean sculpture. He lived and worked during a difficult colonial period for his people. Despite being imprisoned for his views, he continued to create works of art imbued with deep social and national significance. Unfortunately, most of the master’s works have not survived: approximately thirty pieces left after his death were destroyed in the fires of the Korean War. Apart from Buddhist sculptures, not a single one of his artistic works remains. Traces of his descendants have also not been found. The sculptor’s lost works can now only be seen in photographs preserved in the catalogues of the Joseon Art Exhibition, where they were once showcased. In this regard, the reconstruction, restoration, and re-evaluation of Kim Bok-jin’s sculptures — as the founder of Korean sculpture who sought to embody “locality” and the national spirit in his art — are of great importance for modern Korean studies. This is especially relevant in light of the global Hallyu wave, as it will introduce the pioneer of Korean sculpture to the world.

Of particular importance to the advancement of Korean studies are Kim Bok-jin’s surviving Maitreya Buddha statues and his sculpture “Youth (Boy),” modeled after photographs of marathon runner Song Ki-jung. These works symbolize key historical moments during the colonial period and serve as valuable resources for students and scholars exploring Korean history, art, and philosophy.

The Korean Wave, currently popular worldwide, showcases cultural dynamism through Korean content and style. This cultural dynamism is not merely a modern phenomenon; as emphasized in Kim Bok-jin’s work, which highlights the power of nationality and art, it has deep historical roots embedded in Korean culture. The author hopes that Kim Bok-jin’s work, which speaks to the artistic power of the most national becoming the most global, will be restored and introduced to a wider audience.

References

김기진. ‘우리가 걸어온 30년’. 사상계 (Kim Ki-jin, ‘uliga geol-eoon 30nyeon’ sasanggye). [Kim Ki-jin, ‘The 30 Years We’ve Walked’ Sasanggye], 1958. Pp. 3—12. (In Korean).

김복진. ‘제4회 미진인상기’. 조선일보 (Kim Bokjin, ‘je4hoe mijeon-insang-gi’ joseonilbo). [Kim Bokjin, ‘The 4th Art Exhibition’ Chosun Ilbo], 조선일보 1, 1925. Pp. 2—7. (In Korean).

김복진. '조선 역사 그대로의 반영인 조선미술의 윤곽'. 개벽 1 (Kim Bokjin, 'joseon yeogsa geudaeloui ban-yeong-in joseonmisul-ui yungwag' gaebyeok 1). [Kim Bokjin, 'The Outline of Joseon Art, a Reflection of Joseon History' Gaebyeok 1], 1926. Pp. 4—5. (In Korean).

김복진. '조각 생활 20년기'. 조광 (Kim Bokjin, 'jogag saenghwal 20nyeongi' jogwang). [Kim Bokjin, '20 Years of Sculpture Life' Jogwang], 1940. Pp. 3—10. (In Korean).

김복진. '나형선언 초안'. 조광 (Kim Bokjin, 'nahyeongseon-eon choan' jogwang). [Kim Bokjin, 'Draft of the Nahyung Declaration' Jogwang], 1927. P. 5. (In Korean).

김삼룡. '한국미륵신앙의 연구' (Kim Samlyong, hangugmileugsin-ang-ui yeongu). [Kim Samlyong, A Study on the Korean Maitreya Belief], 1983. Pp. 67—81. (In Korean).

윤범모. 김복진 연구, 동국대학교 대학원 미술사학과 박사학위논문 (Yun Beommo, Kim Bokjin yeongu, dongguk daehakgyo daehagwon misulsaaggwa bagsahag winonmun). [Yun Beommo, Study on Kim Bok-jin, Ph.D. dissertation, Department of Art History, Graduate School, Dongguk University], 2006. Pp. 331—337. (In Korean).

이종익. 미륵신앙과 십선도, 대한 불교십선운동본부 (Lee Jong-ik, mileugsin-ang-gwa sibseondo). [Lee Jong-ik, Maitreya Belief and the Ten Good Deeds Movement], 1966. Pp. 43—49. (In Korean).

장석중. 조선후기 사회변동 연구 (Jang Seogjong, joseonhugi sahoebyeondong yeongu). [Jang Seogjong, A Study on Social Change in the Late Joseon Dynasty], 일조각, 1983. P. 48. (In Korean).

최열. '김복진의 형성미술이론'. 미술연구 1993년 겨울호 (Choe Yeol, 'Kim bokjin-ui hyeongseongmisul-ilon' misul yeongu). [Choe Yeol, Kim Bok-jin's Formative Art Theory], Art Research Winter, 1993. (In Korean).

최열. 김복진 힘의 미학 (Choe Yeol, Kim bok jin him-ui mihag). [Choe Yeol, Kim Bok-jin, Aesthetics of Power], 재원, 1995. Pp. 1—171, 105, 140. (In Korean).

시대일보. 1925.7.1 (Sidaeilbo). [Sidae Ilbo], July 1, 1925. (In Korean).

Поступила в редакцию: 16.04.2025
Received: 16.04.2025

Принята к публикации: 31.05.2025
Accepted: 31.05.2025

Научное издание

**Корееведение
№ 2(11), 2025**

Редактор:	Иванова Надежда Ивановна
Редактор английских текстов:	Шкатов Данил Евгеньевич
Технический редактор:	Иванова Надежда Ивановна
Верстка:	Тарасов Сергей Юрьевич
Источник иллюстрации для обложки:	Freepik

Дата публикации электронной версии	Июнь 2025 г.
Подписано в печать	30.06.2025
Тираж	100 экз.

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. Институт Китая и современной Азии РАН.

E-mail: cks@iccaras.ru

Scientific edition

**Koreanology
No. 2(11), 2025**

Editor:	Ivanova N.
Editor (English articles):	Shkatov D.
Technical editor:	Ivanova N.
Layout:	Tarasov S.
Source of picture on the cover:	Freepik

Date of issue	June, 2025
Posted in Press	
Circulation	100 copy

Address: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: cks@iccaras.ru